
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ПРУСС Н.М. – президент Университета управления «ТИСБИ», доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии гуманитарных наук, академик Международной Академии Управления, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующая Международной кафедрой ЮНЕСКО, Национальный координатор проекта «Ассоциированные школы ЮНЕСКО» в Российской Федерации. Награждена Орденом Дружбы, имеет звания «Женщина-лидер, общественный деятель-2012», «Ректор года-2010, -2011, -2012 гг.», обладает Большой золотой медалью Яна Амоса Каменского.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ПОСТАЛЮК М.П. – д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Университета управления «ТИСБИ», Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НИКОЛАЕВ М.В. – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и инноватики Казанского кооперативного института Российского университета кооперации.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АМИРОВ К.Ф. – советник Президента Республики Татарстан.

АРСЛАНОВА С.К. – канд. социол. наук, доцент Набережночелнинского филиала Университета управления «ТИСБИ» (г. Наб. Челны).

БЕССОНОВА Л.А. – д-р филос. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

БОБИЕНКО О.М. – канд. пед. наук, доцент Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

БУДОВИЧ Ю.И. – д-р экон. наук, профессор Университета финансов при Правительстве Российской Федерации (г. Москва).

ВАГИЗОВА В.И. – д-р экон. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ВЕДИН Н.В. – д-р экон. наук, профессор КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева (г. Казань).

ГРЯЗНОВ А.Н. – д-р психол. наук, профессор, проректор по научной работе Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ЗАРИПОВА Д.А. – д-р экон. наук, профессор Альметьевского государственного нефтяного института (г. Альметьевск).

КИРШИН И.А. – д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой финансового менеджмента Института управления экономики и финансов КФУ (г. Казань).

КОРОБОВ Ю.И. – д-р экон. наук, профессор Саратовского социально-экономического университета (г. Саратов).

МЕЗЯЕВ А.Б. – д-р юрид. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

НУГУМАНОВА Л.Н. – д-р пед. наук, доцент, ректор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

РОХЧИН В.Е. – д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского университета экономики и финансов» (г. Санкт-Петербург).

ХАМИДУЛЛИН Ф.Ф. – д-р экон. наук, профессор Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань).

ЦАРЕГОРОДЦЕВ Е.И. – д-р экон. наук, профессор Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).

ЩЕЛКУНОВ М.Д. – д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РТ, Лауреат премии Правительства РФ в области образования 2012 г., директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций (г. Казань).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Орджоникидзе Г.Э. – Ответственный секретарь Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, зам. директора Департамента международных организаций МИДа России (Россия, г. Москва).

Ивасив И.Б. – д-р экон. наук, профессор Киевского национального экономического университета (Украина, г. Киев).

Ковальчук К.Ф. – д-р экон. наук, профессор, декан факультета экономики и менеджмента Национальной металлургической академии Украины (Украина, г. Киев).

Мишаткина Т.В. – канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и экономики Международного государственного экологического университета им. А.Д. Сахарова, региональный эксперт ЮНЕСКО в области этики и биоэтики от Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск).

Морозов А.В. – д-р пед. наук, профессор Евразийского открытого института (Россия, г. Москва).

Утц Донбергер – профессор, PhD, Университет Лейпцига, директор Международной программы MBA (Германия, г. Лейпциг).

Фиц М. – д-р экон. наук, профессор факультета информатики и управления Политехнического университета (Польша, г. Вроцлав).

Цауркубуле Ж.Л. – д-р социол. наук, профессор Балтийского института психологии и менеджмента (Латвия, г. Рига).

УЧРЕДИТЕЛЬ:

УВО «Университет управления «ТИСБИ».

Статьи рецензируются и проверяются на плагиат.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА.....	1
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	5

ЮНЕСКО: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА

ПРУСС Н.М., ПОЛЯКОВ Д.В., КРАВЧЕНКО Е.В. Стратегия перемен: Университет управления «ТИСБИ» отвечает на вызов времени	8
НУГУМАНОВА Л.Н., КАЗАНЦЕВА Л.А. Теоретико-методологические принципы организации инновационного образовательного процесса в современной образовательной организации.....	13
КРАВЧЕНКО Е.В., КАМАЕВА Г.А. Социальная ответственность Университета управления «ТИСБИ»: 25 лет на службе обществу	20
БОБИЕНКО О.М. Развитие практико-ориентированного профессионального образования в современном вузе: стратегия и опыт	27
ГРЯЗНОВ А.Н. Особенности психических состояний учащихся и преподавателей, склонных к аддикциям	39
АППАЛОНОВА Н.А. Система гражданско-патриотического воспитания в Университете управления «ТИСБИ»: опыт формирования и перспективы развития	45
ГОРЯЧЕВ Д.Н., БАДЕРТДИНОВ И.И., ГОРЯЧЕВ Н.А. Психологические факторы развития одонтофобии и способы ее коррекции.....	51

ЭКОНОМИКА

ВАХИТОВ Д.Р. Применение футурологических и рациональных прогнозов в условиях постоянного изменения условий социально-экономического развития общества	56
БЛАГИХ И.А. Проблемы методологии современной отечественной экономической науки	64
БУДОВИЧ Ю.И. О научной состоятельности «современных» определений предмета экономической теории.....	73
ЛЕБЕДЕВ К.Н. Являются ли диалектика и системный подход методами экономической теории?	95
ВЕДИН Н.В. Инновации в интерактивном пространстве: теория и методология проблемы.....	114
ЦАРЕГОРОДЦЕВ Е.И., БАРКАЛОВА Т.Г. Имитационное моделирование в прогнозировании социально-экономических систем.....	126
ПОСТАЛЮК М.П., ПОСТАЛЮК Т.М. Прогнозирование инноватизации управления экономикой российских регионов	134
АЮПОВ А.А. Исламские фонды прямых инвестиций: дефиниции понятия, ретроспективный анализ становления и перспективы развития.....	149

САХБИЕВА А.И., Филимонова О.И. Пути совершенствования структуры бюджета муниципального образования в целях устойчивого социально-экономического развития региона.....	163
САФИН В.Д., СМОЛЕНЦЕВА Л.В. Информационные системы грузоперевозок.....	169
ГОРЯЧЕВ Д.Н., ВАРЛАМОВ С.В., ГОРЯЧЕВ Н.А. Применение маркетинговых программ лояльности в стоматологической клинике	173

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

МЕЗЯЕВ А.Б., ЛЕНОНГ ЙЕНТЛИ. Выход из международного уголовного суда: опыт России и Южной Африки.....	181
СТЕПАНЕНКО Р.Ф. Парадигма конституционализма в эволюции российской государственности	195
СОЛДАТОВА А.В. Реализация социально-экономических прав граждан: вопросы теории и практики	202
ЛЯГИН К.А. Социальная функция государства в правоприменительной политике.....	207
СОЛДАТОВ Я.В. Становление и развитие местного самоуправления в России: ретроспективный анализ.....	212
ЮН Л.В. Правовая культура России периода правления Петра I: исторический аспект.....	217

ВОСПОМИНАНИЯ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ПИСЬМА

ЯКУБОВА Л.М. Университет управления «ТИСБИ» – наш общий дом.....	224
КОЛЕСНИКОВА Р.А. История успеха трудового коллектива Университета управления «ТИСБИ»	227
МАМАЕВА А.А. Поздравление Университету управления «ТИСБИ»	229

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА И АННОТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ И СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	231
---	-----

УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ	241
--	-----

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и коллеги!

Представляем вам третий (70-й) номер журнала 2017 г. В его разделах опубликовано 27 статей 36 авторов, охватывающих различные области образования, науки, культуры, социально-экономической и хозяйственной практики общества.

Настоящий номер нашего журнала является специальным, посвященным **25-летию Университета управления «ТИСБИ»** и, что очень важно, – **25-летию кафедры ЮНЕСКО нашего Университета.** Эта кафедра была первой в вузах Республики Татарстан и единственной в негосударственных вузах России. Ее создателем и бессменным руководителем все эти годы остается Прусс Нелла Матвеевна. Являясь инновационной структурой в образовательной деятельности Университета управления «ТИСБИ», она превратилась в ведущий системообразующий орган в данной сфере в Поволжье.

В связи с юбилеем Университета управления «ТИСБИ» и кафедры ЮНЕСКО в адрес редакции поступают письма выпускников и сотрудников Университета, а также ассоциированных членов кафедры ЮНЕСКО с праздничными поздравлениями, трогательными воспоминаниями о времени, проведенном в его стенах, с искренними пожеланиями новых успехов. Поэтому мы, наряду с традиционными разделами, ввели в журнал новый: «Поздравления, воспоминания, письма», где каждый может не только поздравить, но и привести интересные и важные для всех факты из жизни и истории Университета управления «ТИСБИ» и кафедры ЮНЕСКО, высказать свое мнение о путях их дальнейшего развития и совершенствования.

В первом разделе **«ЮНЕСКО: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА»** специального выпуска журнала, наряду с новым материалом, предлагаются знаковые статьи, посвященные успешной деятельности Университета управления «ТИСБИ» и кафедры ЮНЕСКО, уже опубликованные ранее в печати, но имеющие важное значение для участников торжественных мероприятий, посвященных юбилею. Этот раздел открывается статьей Прусс Н.М., Полякова Д.В. и Кравченко Е.В. «Стратегия перемен: Университет управления «ТИСБИ» отвечает на вызов времени», в которой рассматривается стратегирование деятельности коллектива Университета управления «ТИСБИ», ориентированной на результат – создание предпринимательского университета. Эта идея и опыт ее реализации конкретизируются в статьях Нугумановой Л.Н., Казанцевой Л.А. «Теоретико-методологические принципы организации инновационного образовательного процесса в современной образовательной организации»; Кравченко Е.В., Камаевой Г.А. «Социальная ответственность Университета управления «ТИСБИ»: 25 лет на службе обществу»; Бобиенко О.М. «Развитие практико-ориентированного профессионального образования в современном вузе: стратегия и опыт»; Грязнова А.Н. «Особенности психических состояний учащихся и преподавателей, склонных к аддикциям»;

Издается с января 2000 г. Выходит 1 раз в квартал.
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 02 декабря 2013 г. ПИ № ФС77-56358
Адрес редакции и издателя: 420012, Казань, ул. Муштары, 13
Университет управления «ТИСБИ»
Тел./факс: (843) 294-83-33
<http://www.tisbi.org/science/vestnik/index.html>
e-mail: esabirzyanova@tisbi.ru

Аппалоновой Н.А. «Система гражданско-патриотического воспитания в Университете управления «ТИСБИ»: опыт формирования и перспективы развития».

Большой перечень важных вопросов исследован и освещен в публикациях раздела **«ЭКОНОМИКА»**. Он начинается с анализа и применения футурологических и рациональных прогнозов в условиях постоянного изменения условий социально-экономического развития общества (Вахитов Д.Р.). В этой связи актуальными являются исследования: проблем методологии современной отечественной экономической науки (Благих И.А.); научной состоятельности «современных» определений предмета экономической теории (Будович Ю.И.); диалектики и системного подхода в методологии экономической теории (Лебедев К.Н.).

В этом разделе продолжается рассмотрение проблем модернизации экономических систем в современных обществах, связанных с сохранением лучших традиций в жизни российского общества, с созданием, сохранением, преумножением и развитием их с помощью инноваций. Данный процесс получил достойное место в современной экономической науке и хозяйственной практике как процесс инноватизации. И мы гордимся тем, что, во-первых, концепция инноватизации в России впервые была обоснована научной школой Университета управления «ТИСБИ». Во-вторых, данная концепция органично отражает те инновационные процессы, которые реализуются в Республике Татарстан. Поэтому интересными для читателей нашего журнала будут статьи Вединой Н.В. «Инновации в интерактивном пространстве: теория и методология проблемы»; Царегородцева Е.И., Баркаловой Т.Г. «Имитационное моделирование в прогнозировании социально-экономических систем»; Посталюка М.П., Посталюка Т.М. «Прогнозирование инноватизации управления российской экономикой»; Аюпова А.А. «Исламские фонды прямых инвестиций: дефиниции понятия, ретроспективный анализ становления и перспективы развития»; Сахбиевой А.И., Филимоновой О.И. «Пути совершенствования структуры бюджета муниципального образования в целях устойчивого социально-экономического развития региона»; Смоленцевой Л.В., Сафина В.Д. «Информационные системы грузоперевозок»; Горячева Д.Н., Варламова С.В., Горячева Н.А. «Применение инновационных маркетинговых программ лояльности в стоматологической клинике».

В разделе **«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»** авторы поднимают значимые для страны проблемы исследования: выход из международного уголовного суда: опыт России и Южной Африки (Мезяев А.Б.); парадигмы конституционализма в эволюции российской государственности (Степаненко Р.Ф.); реализации социально-экономических прав граждан: вопросы теории и практики (Солдатова А.В.); социальной функции государства в правоприменительной политике (Лягин К.А.); становления и развития местного самоуправления в России (Солдатов Я.В.); правовой культуры России периода правления Петра I (Юн Л.В.).

Эксперты и консультанты редакции в целом положительно оценили представленные в данном номере статьи. По некоторым положениям, изложенным в статьях наших авторов, редакция имеет иное мнение.

Редакция журнала приглашает наших авторов принять участие в обсуждении этих важнейших на сегодня проблем, поделиться своим видением, поскольку с их решением прямо связаны дальнейшие судьбы российской науки и высшего образования.

Новым авторам и читателям нашего журнала сообщаем, что благодаря совместным усилиям учредителей, редакционного совета и, конечно же, наших авторов и читателей он включен в российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Мы обеспечиваем Интернет-сопровождение публикуемых материалов в соответствии с критериями высшей аттестационной комиссии, как и в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований.

Напоминаем, что по распоряжению руководства Университета управления «ТИСБИ» за публикацию в 3-м и 4-м номерах журнала «Вестник «ТИСБИ» 2017 г. автор, работающий в Университете, получает 15 баллов к своему рейтингу.

Редакционная коллегия обращает внимание всех, кто связан с историей создания и развития Университета управления «ТИСБИ» и кафедры ЮНЕСКО, на то, что в сентябре 2017 г. наш Университет и кафедра ЮНЕСКО отмечают 25 лет со дня своего основания. Сегодня коллектив Университета управления «ТИСБИ» и кафедры ЮНЕСКО создает, строит университет нового типа – предпринимательский университет. Обсуждение данного процесса на страницах нашего журнала окажет существенную помощь коллективу Университета в решении этой важной задачи.

Мы благодарим всех наших авторов и читателей за поддержку и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество, а также поздравляем с наступившим новым учебным годом и желаем творческих успехов. До встречи на страницах нашего журнала.

С уважением,
главный редактор журнала «Вестник «ТИСБИ»,
доктор экономических наук,
профессор Университета управления «ТИСБИ»
Посталюк Михаил Петрович;
заместитель главного редактора,
доктор экономических наук, профессор
Казанского кооперативного института
Российского университета кооперации
Николаев Михаил Викторович.

С условиями публикации можно ознакомиться на сайте: <http://www.tisbi.ru/home/science/journal-of-tisbi>.

Ваши заявки на публикацию материалов ждем по адресу:
420012, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштары, 13.
Тел./факс: (8432) 94-83-08
E-mail: esabirzyanova@tisbi.ru

ЮНЕСКО: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА
UNESCO: EDUCATION, SCIENCE, CULTURE

УДК 378.4

**СТРАТЕГИЯ ПЕРЕМЕН: УНИВЕРСИТЕТ УПРАВЛЕНИЯ «ТИСБИ»
 ОТВЕЧАЕТ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ**

**CHANGE STRATEGY: THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»
 MEETS THE CHALLENGE OF TIME**

ПРУСС Н.М., д-р пед. наук, профессор, президент Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: tisbi@tisbi.ru

ПОЛЯКОВ Д.В., канд. экон. наук, проректор по учебной работе Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: dpolyakov@inbox.ru

КРАВЧЕНКО Е.В., доцент кафедры менеджмента Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: kravch_elena@mail.ru

PRUSS N., PhD, President of the University of Management «TISBI»

E-mail: tisbi@tisbi.ru

POLYAKOV D., PhD, Vice-Rector for Academic Affairs, University of Management «TISBI»

E-mail: dpolyakov@inbox.ru

KRAVCHENKO E., Associate Professor of Management, University of Management «TISBI»

E-mail: kravch_elena@mail.ru

Аннотация

Обосновывается необходимость перемен в работе одного из первых негосударственных вузов в России как ответ на вызов времени. Принятие незамедлительных мер по адаптации Университета в контексте новых трендов в образовании позволит ему стать региональным лидером и активнее совместно с бизнесом решать социальные проблемы общества. Стремясь стать лидером изменений, Университет выбирает модель предпринимательского университета, предпосылки для которого заложены с момента создания вуза.

Ключевые слова: *перемены, предпринимательство, вызов, модернизация, инновация.*

Abstract

The authors justify the necessity of changes in the function of one of the first non-state universities in Russia, as a response to the challenge of education market. The adoption of urgent measures for the adaptation of the university in the context

of new trends in education will give the university opportunities to become a regional leader and together with business to solve more actively social problems. Striving to become the leader in taking changes, the university selects the entrepreneurial university model, the conditions for which were laid from the first moments of the university organization.

Key words: *change, entrepreneurship, challenge, modernization, innovation.*

Необходимость перемен в профессиональном образовании диктует время, в котором обостряются глобальные проблемы: ухудшение экологии, рост населения Земного шара и увеличение потребления невосполняемых энергетических ресурсов. Эти проблемы будут решаться силами лучших специалистов, которых выпускают университеты страны. Они будут достаточно креативны, чтобы найти лучшие способы преобразований, умны и образованы, чтобы беречь природу и рационально относиться к ее ресурсам, а также будут обладать надпрофессиональными навыками, важными для работников будущего.

Сегодня именно финансовые и экономические обстоятельства являются драйвером изменений. Обострившиеся проблемы в образовании – отсутствие средств, уменьшение количества студентов, требования сокращения затрат, диверсификация методов обучения – вынуждают университет переосмысливать свою деятельность и корректировать ее, сосредотачивая усилия на важнейших проблемах образования и общества.

Предпринимательство – это прерогатива не только бизнеса реального и финансового секторов экономики, но и других сфер деятельности, в частности, образования. Университет успешно реализует интеллектуальное предпринимательство в академической среде, в которой процессы культурной инновации играют важную роль. В предпринимательском университете происходят процессы накопления и коммерциализации знаний, при этом учитываются внешние вызовы, на которые необходима реакция более оперативная, чем может дать классический университет.

Университет управления «ТИСБИ», который 25 лет успешно работает на региональном рынке частно-государственного образования, берет курс на создание предпринимательского вуза с качественным образованием, устойчивой репутацией и способностью привлекать лучших студентов и преподавателей. Оценивая преобразования, происходящие во внешней среде,

Университет стремится стать проводником этих изменений, осуществляя политику кардинальной трансформации в целях и задачах управления, мышлении сотрудников. Университет, заявляя о своем стремлении стать предпринимательским, отчетливо осознает, какое деловое поведение он должен демонстрировать обществу и какие рефор-

мы провести в ближайшие годы, чтобы сохранить свою идентичность и остаться на передовом крае высшего российского образования. Это потребует модернизации управления, дальнейшего расширения периферии, развития внутренней инфраструктуры, направленной на поддержку академического предпринимательства.

Самое важное изменение, которое предстоит внедрить в университетскую среду, – это внесение в среду преподавателей и студентов предпринимательской культуры, основанной на общинности, сотрудничестве и инновациях.

Стратегическая цель Университета – закрепление позиции лучшего вуза на региональном рынке частно-государственного образования в регионе, готовящего будущих профессионалов с качествами предпринимателей, разделяющих озабоченность страны глобальными проблемами общества и активно участвующих в их решении.

Предпринимательство изначально является важным качеством Университета, которому с «чистого листа» пришлось создавать новую учебную базу с целями, отвечающими передовым образовательным трендам. В отличие от крупных национальных исследовательских университетов, осваивающих предпринимательское дело в образовании, наш Университет родился в 1992 г. с идеей поддержки бизнеса, что и нашло отражение в его названии: Татарский институт содействия бизнесу. Одним из первых в регионе вуз внедрил предпринимательское образование еще в 2002 г. (специальность «менеджер», специализация «предпринимательство»). Поэтому позиционирование университета как предпринимательского – есть результат политики, начатой с момента основания вуза, и является вполне естественным. Это постановка целей и задач на новом уровне, что позволит более полно реализовать потенциал Университета и давать продвинутое современное образование будущим предпринимателям, начинающим свою деятельность в новой экономике инноваций и знаний.

На сегодня Университет имеет следующие предпосылки добиваться предпринимательского признания:

1. Сильное управленческое ядро, являющееся, по сути, предпринимателями и ведущее успешно бизнес в образовании в течение 25 лет.

2. Образовательная политика Университета максимально развернута к потребителю (студентам, родителям, работодателям и другим стейкхолдерам вуза). Это находит отражение в оперативном реагировании на запросы рынка, внесении изменений в учебные программы, выстраивании взаимоотношений с практикой бизнеса).

3. Переход с 2005 г. на практико-ориентированное обучение, которое предусматривает перенесение части занятий на площадки партнеров, что позволяет готовить специалистов с востребованными бизнесом

знаниями и навыками и реализовывать лозунг Университета: «Учись, работая!».

4. Наличие внешней инфраструктуры вуза, которая нацелена на решение задач взаимодействия с обществом и продвижения знаний в малый бизнес через наших выпускников, преподавателей и сотрудников. Сегодня такая инфраструктура включает Институт непрерывного образования (ИНО), кадровое агентство, юридическую клинику, социально-психологический центр, городской Центр образования взрослых, Учебно-методический центр по работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья.

5. Многолетнее устойчивое самофинансирование и диверсификация источников финансирования. Высокое качество образования позволило Университету стать одним из негосударственных вузов, получающим бюджетные средства для подготовки студентов. Одним из источников доходной части бюджета Университета является деятельность ИНО. Институт предлагает программы предпринимательского образования для различных слоев населения. Эта деятельность направлена на коммерциализацию знаний через разработку образовательных программ и их предложение обществу с целью распространения знаний и влияния «ТИСБИ» на общество, повышения его авторитета как предпринимательского вуза.

6. Серьезный вклад Университета в развитие региона через выпускников, которые успешно работают в различных сферах: в малом и среднем предпринимательстве, государственных органах, банковской системе и т.д. Это стало возможным благодаря созданию структур двойных взаимодействий с партнерами: «университет – государство» и «университет – бизнес – сообщество», изначально строившихся на предпринимательских инициативах руководства. В перспективе устойчивые двойные взаимодействия перерастут в отношения «тройной спирали»: государство – бизнес – университет, в которых Университет управления «ТИСБИ» займет достойное место.

7. Развитие внутренней среды вуза через внедрение в учебный процесс современных автоматизированных технологий управления учебным процессом, активная цифровизация учебных программ, создание и эффективное функционирование передовых форм получения образования, выход в онлайн режим обучения. Здесь Университет стал предпринимателем, он первый в регионе нарушил традиционную технологию образования, предложив своим потребителям продвинутую образовательную реальность в виде электронного дистанционного обучения, где лозунг «Учись, работая!» воплощен в жизнь.

8. Формирование навыков с помощью игровых технологий, кейсов, тренингов и симуляторов, что является важным шагом освоения образовательных технологий XXI века.

Таким образом, функции предпринимательского университета уже реализуются, предпринимательская деятельность сегодня становится доминантной и встроена в некоторые области деятельности вуза (образовательная, просветительская). Эта деятельность сформировала фундамент для дальнейшего развития вуза по пути предпринимательского университета. Такая трансформация деятельности университета является по своей сути очередным истинно предпринимательским шагом.

В российском образовании сегодня не существует единого мнения, какой университет можно назвать предпринимательским, как не существует и универсальной схемы построения таковой модели инновационного развития. Мы считаем, что предпринимательство как вид деятельности, направленный на создание инноваций, может успешно развиваться в малых и средних образовательных университетах, поскольку производство инноваций, превращение их в практический бизнес имеют методологическую основу, которую мы можем дать студентам – будущим предпринимателям.

Заявляя стратегическую цель: стать предпринимательским университетом, – руководство понимает значимость предстоящих преобразований и готово к выстраиванию эффективного менеджмента, не сводящегося только к формализации правил и процедур, а затрагивающего все подсистемы управления.

Литература:

1. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации: (текст): Пер с англ. А.Смирнова. – М.: ИД гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. – 240 с. – (Теория и практика образования).

2. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. – 2013. – № 3.

References:

1. Clark B. Creating entrepreneurial universities: organizational direction of transformation: (text) / Translated from English. A.Smirnov. – M.: Higher School of Economics, State University 2011. – 240 p. – (Theory and Practice of Education).

2. Barber M., Donnelly K., Rizvi S. On the eve of avalanches. University education and the coming revolution // Education Matters. – 2013. – № 3.

УДК 378

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

THEORETIC AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF INNOVATIVE TRAINING IN THE MODERN EDUCATIONAL ORGANIZATION

*НУГУМАНОВА Л.Н., д-р пед. наук, доцент, ректор Университета
управления «ТИСБИ»*

*КАЗАНЦЕВА Л.А., д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры педагогики
Университета управления «ТИСБИ»*

E-mail: menedgment-kfu@mail.ru

*NUGUMANOVA L., Dr. Ped. Sciences, PhD, associate professor,
Rector of the University of Management «TISBI»*

*KAZANTSEVA L., Dr. Ped. Sciences, Professor of the Pedagogy Chair, the University
of Management «TISBI»*

E-mail: menedgment-kfu@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются инновационные теоретико-методологические принципы, обеспечивающие фундаментальную, многомерную модернизацию образовательного процесса в современной образовательной организации, раскрываются особенности профессионально-педагогической и учебно-познавательной деятельности на принципиально новой теоретико-методологической основе.

Ключевые слова: синергетический подход, синергетический принцип, система, принцип дополнительности, вариативность, нелинейность, неравновесность, открытость, инновации, диалог, субъект-субъектное взаимодействие.

Abstract

The article considers innovative theoretical and methodological principles that provide a fundamental, multidimensional modernization of the training process in a modern educational organization. The authors reveal trends in professional pedagogical and educational-cognitive activity on a fundamentally new theoretical and methodological basis.

Key words: synergetic approach, synergetic principle, system, the principle of complementarity, variability, nonlinearity, no equilibrium, openness, innovation, dialogue, subject – subject interaction.

В условиях европейской интеграции на основе Болонского соглашения, глобализации мирового образовательного пространства в Рос-

сии осуществляется переход на многоуровневую профессиональную подготовку, основанную, в первую очередь, на активности студентов как субъектов, ответственных за качество своего образования, за выбор качественных образовательных программ и услуг, предлагаемых отечественными и зарубежными вузами, способных оценить это качество и проектировать перспективы саморазвития и самосовершенствования как компетентной и конкурентоспособной личности. При этом студенты должны получить как можно больше академических свобод, ситуаций личностного выбора, личностного и профессионального самоопределения и саморазвития.

Уровень компетентности и конкурентоспособности будущих профессионалов всех уровней во многом определяется их готовностью и способностью к системному анализу, прогнозированию, исследованию, проектированию, вариативному моделированию, генерированию новых идей, проявлению вариативного, нестандартного, критического, творческого мышления, выбору перспективных индивидуальных траекторий саморазвития, конструктивному, творческому субъект-субъектному диалогу, принятию нестандартных решений в условиях неопределенности и противоречивости, к непрерывному образованию и самообразованию (образованию «через всю жизнь»). Эти способности и качества должны формироваться и в бакалавриате, и в магистратуре, и в аспирантуре на основе принципов системности, преемственности, интегративности, перспективности с учетом специфики их содержательно-деятельностного, ценностно-смыслового наполнения применительно к каждому уровню профессиональной подготовки.

В связи с этим образовательные системы всех уровней должны быть коренным образом модернизированы, но, убеждены, сохраняя при этом великие традиции отечественной школы (средней, высшей, профессиональной), основанные на принципе фундаментальности.

Российские ученые и педагоги справедливо полагают, что внешне заданные модернизации (инновации) в отечественном образовании есть, но это не приводит в реальной практике к изменению (повышению) качества как образовательного процесса в целом, так и его результатов, в частности. В результате серии констатирующих экспериментов нами было установлено, что педагоги разных квалификационных уровней и обучающиеся, включенные в инновационные образовательные процессы, не имеют четкого представления о социокультурном, глобальном и личностном смыслах феноменов «современное образование», «инновационное качество образовательного процесса», «качество образовательных услуг», «качество полученного образования».

Совершенно очевидно, что современная педагогика как наука должна быть другой. Необходим смысловой и содержательно-процессуальный переход от педагогики теоретической к педагогике деятель-

ностной, исследовательской, креативной педагогике, к педагогике «личностной», «субъектной», «надситуативной», к педагогике «со-деятельности», «со-творчества».

Как показали результаты наших теоретических и экспериментальных исследований, особое значение в организации инновационного образовательного процесса в современном вузе приобретают теоретико-методологические принципы: системности, синергетики, интегративности, вариативности, дополнительности. Данные подходы и принципы, все более приобретающие педагогическую значимость, изначально не рассматривались как весьма эффективные для перехода педагогических систем и образовательных процессов в новое качество в контексте их многомерной, глубинной модернизации. Вместе с тем, опора на эти теоретико-методологические принципы открывает реальные перспективы качественно новых педагогических подходов к моделированию и реализации инновационных образовательных систем и процессов.

Теоретико-методологическую основу всех уровней многоуровневого образования как нелинейных процессов и взаимодействий составляет синергетика.

Синергетика исследует открытые, сложные, самоорганизующиеся, способные к саморазвитию системы (в том числе живые).

В целостной, многомерной *образовательной* системе любой образовательной организации на субъект-субъектном и субъект-объектном уровнях можно выделить подсистемы: «педагог-студент», «студент-студент», «педагог – педагог», «студент – информационное пространство», «педагог – современные науки о человеке и окружающем мире» и др. С точки зрения синергетики любая система должна находиться в состоянии динамического равновесия. С одной стороны, система должна обладать устойчивостью к внешним воздействиям и непротиворечивостью, с другой стороны – стремиться к изменению и развитию.

С точки зрения синергетического принципа образовательные системы и процессы, личность педагога и личность студента – это открытые, гетерогенные, нелинейные системы, способные к самоорганизации и саморазвитию. С точки зрения нелинейности необходимо учитывать научное положение синергетики о том, что результат суммы воздействий на систему не равен сумме результатов таких воздействий. Это еще в большей степени относится к интерпретации нелинейности по отношению личности как системы (с учетом ее индивидуальности, оригинальности и др.). При вариативном моделировании образовательных процессов необходимо учитывать возможные проявления нелинейности:

– нелинейность как множественность траекторий индивидуального и профессионального и личностного развития педагога и студента;

– нелинейность процесса и результатов внедрения инноваций – не всегда внедрение инновационных технологий дает адекватный прогнозируемому результат;

– нелинейность процесса и результатов субъект-субъектного взаимодействия как многомерного пространства для саморазвития и взаиморазвития.

Основу синергетической методологии составляет нелинейное мышление, эффективность которого определяется уровнем овладения особенностями мышления и способностями, такими как:

- диалектичность;
- надситуативность;
- системность;
- критичность;
- нестандартность;
- алгоритмичность;
- креативность;
- рефлексивность;
- диалогичность;
- проектность;
- прогностичность;

– способность к определению и ограничению (или расширению) познавательного и исследовательского пространства в профессионально-педагогической и учебной деятельности;

– способность к формулировке противоречий и проблемы исследования.

Образовательный процесс – это система (со всеми изложенными выше характеристиками систем), основными структурными компонентами которой являются ценности, смыслы, цели, субъекты, методы, формы, технологии. Если что-то меняется в системе благодаря внешним воздействиям, то система приходит в неравновесное состояние в различных проявлениях (в том числе неравновесные психологические состояния).

В современной практике вузов наблюдается активное внедрение внешне заданных инноваций, разработанных в зарубежных научных исследованиях и реализуемых в соответствующей педагогической практике (в виде системы научных понятий, отдельных методов и форм обучения, системных педагогических технологий и др.). Вместе с тем, их внедрение не приносит желаемого результата – получения *качества* подготовки, соответствующей мировым стандартам. Это происходит в значительной степени потому, что на практике ничего не меняется внутри системы на уровне субъектности и субъект-субъектного взаимодействия. Продолжают реализовываться линейные модели образования, познавательной деятельности, общения.

Внутренние изменения в системе и подсистемах на основе синергетического принципа становятся при этом важнейшим педагогическим условием продуктивного внедрения инноваций в образовательный процесс. При этом инновации будут рождаться внутри собственных образовательных систем и проходить логический путь «от идеи – до внедрения».

В традиционной отечественной педагогической практике имели место моделирование и реализация образовательных систем и процессов на основе «знаниево-ориентированного» подхода к учебно-познавательной деятельности без учета синергетического принципа, согласно которому живая система (человек) всегда ориентированы на естественные природные процессы – познание и самопознание. В таком случае неучет синергетического принципа приводит к рассогласованию эволюционно сложившейся реакции живых систем на изменения в окружающей среде, стимулирующей индивидуально значимые познавательные процессы, и традиционными педагогическими установками – «обучить», «научить», «дать знания». Мотивация студентов основывается при этом на цели: «найти информацию», «запомнить», «воспроизвести информацию», «успешно сдать зачет, экзамен», «получить диплом». Такие действия не имеют ничего общего с эволюционно сложившимся научным представлением о разнообразных взаимодействиях живых систем с объектами познания в многомерном информационном пространстве. Следствием становится формальное отношение студентов к процессу познания, самопознания, саморазвития в образовательном процессе.

В инновационной педагогической деятельности сделать акцент на создание необходимых и достаточных условий для:

– свободного выбора студентами объектов познания в специально созданной *образовательной среде* образовательной организации;

– осознанного и осмысленного процесса познания и профессионального становления (как эволюционно сложившейся системы естественного развития);

– индивидуального проектирования и моделирования процесса познания и познавательного субъект-субъектного взаимодействия;

– овладения теорией и практикой перехода из неравновесных личностных состояний в равновесные;

– осознанного овладения самопроцессами (самоанализ, ценностно-смысловое самоопределение, самоактуализация, самомоделирование, самопроектирование, самоорганизация, самореализация, самоуправление, рефлексия, самокоррекция).

Эти виды деятельности следует рассматривать как самоценные системы познавательной деятельности, подчиняющиеся основным положениям синергетического принципа, также положениям Ж.Пиже о взаимодействии живой системы с окружающей средой на основе про-

цессов ассимиляции и аккомодации (сменяющие состояния психологического равновесия и неравновесия). Особую актуальность и смысл в реализации современных моделей познавательных процессов педагогов и студентов с точки зрения перехода из равновесного состояния в неравновесное и обратно приобретают фундаментальные психологические исследования А.О. Прохорова и его учеников.

Весьма интересным представляется переход – «порядок из хаоса» с точки зрения синергетики. В исследованиях В.Г. Буданова показано, что такой переход возможен на трех уровнях – мега-, макро-, микроуровнях. Наш опыт показывает, что мега-уровень – это сознание обучающегося, его познавательный опыт, динамическая система личностного знания на основе личностно-информационного преобразования; макроуровень – информационно-деятельностно-коммуникативный фундамент сознания. Отдельные хаотичные информационные воздействия на познавательную систему и ее субъектов характеризует микроуровень.

Переходя в неравновесное состояние, системы начинают воспринимать те воздействия извне, которые не восприняли бы в равновесном состоянии.

Переход из неравновесного состояния, из состояния хаоса в новое качество системы – это и есть переход к новой системной организации, к новому порядку с учетом индивидуально-личностной поливариативности и нелинейности развития. В исследованиях хаос рассматривается как ситуация неопределенности, противоречивости, отсутствие единственно верного способа решения, спонтанно возникающих потребностей и стремлений выйти из данной ситуации (иногда противоречащих сложившейся системе качеств личности). Это и есть предпосылка качественного преобразования систем.

Поскольку субъекты образовательного процесса рассматриваются как саморазвивающиеся системы, необходимо сместить акценты с *управления* познавательной деятельностью студентов и их развитием на *педагогическое сопровождение* этих процессов с учетом изложенных выше особенностей реализации синергетического принципа. Только в таком случае студент приобретает реальные качества студента – субъекта познания, преобразования, взаимодействия. При этом все процессы – это осознанная необходимость для собственного актуального и перспективного развития с учетом открытости, нелинейности, противоречивости, неравновесности личности как системы.

В инновационной педагогике все большее значение приобретает *принцип дополненности*. Данный принцип в отечественной педагогической науке был осмыслен и обоснован на историческом стыке цивилизаций Г.Г. Гранатовым и намного раньше на естественно-научном уровне был сформулирован Н.Бором. В педагогической науке принцип дополненности чаще всего интерпретируется как «простое допол-

нение чего-то чем-то», а не как «асимметричная гармония, единство противоположностей». С точки зрения разных наук принцип «ретроспектива – перспектива», «традиционное – инновационное», «количество – качество», «левое полушарие – правое полушарие», асимметрия мыслей и чувств).

Педагог должен систематически изучать научную литературу, где имеют место разные мнения, суждения, концепции, аргументы и доказательства, зачастую весьма противоречивые и полярно противоположные, и формировать динамический теоретико-методологический фундамент профессионально-педагогического и личностного инновирования. Педагог непременно должен быть исследователем. В процессе добросовестно проведенных педагогических исследований непременно должны быть получены как положительные, так и отрицательные результаты (не все теоретические предположения, представленные в гипотезе, могут оказаться верными и справедливыми, не все теоретически прогнозируемые педагогические условия (или их сочетания) могут быть реально эффективными на практике). Только на основе *интеграции* положительного и отрицательного можно говорить о создании принципиально инновационных педагогических систем, процессов, моделей.

В высших учебных заведениях образовательный процесс строится на использовании классических и инновационных подходов. Они не должны ситуативно, спонтанно, эпизодически «механически» дополнять друг друга, а реализовываться «как единство противоположностей». Принцип дополненности необходим для того, чтобы показать, как они взаимодействуют между собой, взаиморазвивают друг друга (вступая в скрытое или открытое противоречие), обеспечивают, в конечном счете, непротиворечивое понимание педагогических ситуаций, явлений, процессов.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что синергетический подход, синергетический принцип, а также неразрывно связанные с ним принципы системности, интегративности, вариативности, дополненности в совокупности представляют инновационный теоретико-методологический фундамент современных стратегий инновирования образовательного процесса и профессиональной подготовки студентов.

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
УНИВЕРСИТЕТА УПРАВЛЕНИЯ «ТИСБИ»:
25 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ОБЩЕСТВУ**

**THE SOCIAL RESPONSIBILITY
OF THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»:
25 YEARS IN PUBLIC SERVICE**

КРАВЧЕНКО Е.В., канд. техн. наук, доцент кафедры «Менеджмент»

Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: kravch_elena@mail.ru

КАМАЕВА Г.А., ст. преподаватель кафедры «Менеджмент»

Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: teach53@mail.ru

KRAVCHENKO E., candidate of technical Sciences, associate Professor,
the Management Chair, University of Management «TISBI»

E-mail: kravch_elena@mail.ru

KAMAIEVA G., senior lecturer, the Management Chair, the University
of Management «TISBI»

E-mail: teach53@mail.ru

Аннотация

В обзорной статье показана практика реализации социальной функции в Университете управления «ТИСБИ». Мероприятия, сгруппированные по пяти направлениям, по своей сути представляют систему социальной ответственности Университета перед обществом и государством, которая развивается с учетом современных реалий в образовании и обществе.

Ключевые слова: социальная ответственность, социальная функция, государство, общество, практика реализации.

Abstract

In a review article, the authors share the practice of realization of the social function of the University of Management «TISBI». The events, grouped in five areas, in their essence, represent a system of social responsibility of the University to the society and the state, which develops taking into account contemporary realities in education and society.

Key words: social responsibility, social function, state, society, practice of realization.

В современной экономике вузы борются за свое место на рынке, приближаясь к модели бизнеса. Труднодоступность ресурсов, прежде всего финансовых, заставляют университеты перестраивать свою деятельность, менять философию, миссию. Это проявляется в **проактив-**

ном поведении на рынке, образовании альянсов с бизнесом, продвижении знаний в общество языком, более понятным обществу. Меняется набор функций университета, на первый план выходит его социальная роль, продвигающая идеи устойчивого развития и гуманизма. Развитая функция социальной ответственности (СО) помогает университетам не просто ощущать себя частью общества, но и быть призванными государством и обществом для решения проблем.

Функция социальной ответственности университета не имеет единого толкования в обществе и среди специалистов, часто она сводится к подготовке кадров для экономики. Альтернативный подход к пониманию СО заключается в том, что университет рассматривается как самостоятельная бизнес-единица, а его социальная ответственность раскрывается в трех дефинициях, сформулированных В.Фредериком в 1960 г. в концептуальной модели [3]. Так, социальная ответственность априори выражается в качественной образовательной деятельности, которая подтверждается активным сотрудничеством с государственными органами контроля качества образования. Кроме того, СО реализуется в виде практических простых и эффективных действий, отражающих ожидания общества. Социальная восприимчивость показывает адаптивность университета к общественным изменениям. Она сегодня основывается на понимании роли университета, как основного элемента в концепции «тройной спирали» Г.Ицковича (государство – университет – бизнес). Университет стремится усилить свое влияние на общество, стать проводником и ключевым элементом в этих отношениях. В рамках концепции неозволюционизма университет, являясь коэволюционной подсистемой общества, изменяется сам в процессе взаимодействия с обществом и государством. Наконец, социальная добросовестность университета, честно исполняющего взятые на себя обязательства, является гарантом его работы на рынке образования в условиях конкуренции.

Функция социальной ответственности для университета не имеет законодательной основы, не закреплена она и в руководящих документах Министерства образования РФ, также не является критерием в модели национального рейтинга вузов. Основные рекомендации в области социальной ответственности для бизнеса включает в себя стандарт ГОСТ Р ISO 26000:2012 «Руководящие указания по социальной ответственности» [2], полностью гармонизированный с международным стандартом IC CSR-08260008000 «Социальная ответственность. Требования». Объектом регулирования стандарта является стратегия устойчивого развития бизнеса во взаимодействии с заинтересованными сторонами (государство, бизнес, потребители, некоммерческие организации, академические институты, неправительственные организации). Положения стандарта полностью соответствуют требованиям, относящимся к праву на труд, социальным гарантиям, охране труда, произ-

водству продукции и услуг надлежащего качества, охране окружающей среды и ресурсосбережению, участию в социальных мероприятиях и поддержке инициатив местного сообщества.

Университет управления «ТИСБИ», который был организован 25 лет назад (1992 г.), сформировал свою социальную политику, определяющую его имидж в обществе. Те социальные обязательства, которые Университет взял на себя, не ограничиваются социально-трудовыми отношениями и обязательными расходами по выплатам, установленными налоговым, экологическим и трудовым законодательством. Они регулируются моральными и этическими соображениями, чувством долга перед работниками, потребителями и обществом в целом. Предпосылками для формирования расширенной деятельности в сфере СО является внутренняя потребность Университета справиться с собственными проблемами в борьбе за источники финансирования, лучших профессоров и студентов. С позиции университетского менеджмента реализация функции СО отвечает взаимному продуктивному развитию вуза и общества и поэтому в ближайшей перспективе является определяющей. Миссия университета трансформировалась вместе с расширенным пониманием менеджментом роли университета в обществе. Сегодня она звучит так: «Мы являемся центром гуманитарного образования, продвигающим идеи устойчивого развития общества. Мы создаем образовательный продукт, отвечающий требованиям продвинутой реальности в образовании. Будущее экономики России за предпринимательством, для которого мы готовим специалистов различного профиля: менеджеров, юристов, экономистов, специалистов для социальной сферы. Наш девиз: «Учись, работая» и «Учись, играя».

Мы формируем творческую интернациональную университетскую среду, готовим успешных и ярких членов общества, способных в совместной работе решать важнейшие проблемы общества».

Миссия фиксирует внимание на трех важнейших направлениях развития социальной ответственности университета в образовании: продвижение идеи устойчивого развития через подготовку специалистов с учетом образовательных трендов XXI века (инновации в методах преподавания, инновации в образовательных программах, формирование надпрофессиональных компетенций), поддержка предпринимательства для создания рабочих мест и решение проблем общества через командную работу. Идея устойчивого развития тесно связана с социальной ответственностью. Поскольку идея устойчивого развития заключается в экономических, социальных и экологических целях, единых для всех людей, ее можно использовать для объединения широких ожиданий общества, которые необходимо принимать во внимание организациям, стремящимся действовать ответственно. Таким образом, в

качестве всеобъемлющей цели социальной ответственности организации следует рассматривать вклад в устойчивое развитие [2].

Практика показывает, что часто в университетах СО и вовлеченность в жизнь региона оказываются абстрактными знаниями, которые не имеют практических действий [1]. Университет добровольно разделяет с государством и бизнесом ответственность за будущее страны в вопросах, не просто связанных с воспроизводством общественного интеллекта, но и касающихся воспитания социально активных студентов с предпринимательскими качествами и культурой поведения.

Учитывая ограниченность формата данной статьи, мы не имеем возможности подробно рассматривать все многообразие социальной деятельности Университета, поэтому ограничимся кратким изложением социальных мероприятий, объединенных нами в пять направлений. Отметим, что данные мероприятия не просто задекларированы и исполняются как самопрезентация, они реальные, достижимые, актуальные и измеримые. По каждому направлению сформирован план практических действий, осуществление которого уже приносит свои результаты [4].

Вполне понятно, что основная деятельность Университета связана с его образовательной функцией, представленной множеством дефиниций, большинство из которых связано с социальной жизнью. В рамках **первого направления** социальной деятельности отметим некоторые мероприятия, которые с большой убедительностью говорят о социальной активности вуза. В целях гибкого реагирования на запросы государства и общества университет перестраивает свои основные образовательные программы, включая в них компоненты, запрашиваемые нашими социальными партнерами. Широко используются организационные возможности проведения практико-ориентированных занятий вне аудиторий на «производственных площадках» социальных партнеров вуза (ICL КПО ВС, финансово-кредитные организации РТ, Таттелеком, Торгово-промышленная палата РТ, правоохранительные органы РТ, суды, Министерства юстиции РФ и РТ, отели Park Inn, Marriott International и другие). Такая тесная работа с партнерами позволяет трансформировать программы учебных дисциплин с учетом знаний, необходимых социуму. Формированию социализации студентов способствуют интерактивное обучение и применение технологий проектного обучения.

Результатом активного диалога с обществом является открытие нового направления подготовки студентов – психолого-педагогического образования (2015 г.), в рамках которого реализуется профили подготовки – «психология и социальная педагогика» и «психология и педагогика инклюзивного образования», имеющие большое социальное значение в современном обществе. В качестве социальных партнеров выступило

множество общественных организаций, образовательных школ, а также Управление социальной защиты МТЗ и СЗ РТ [4].

Интернациональная деятельность Университета способствует развитию учебных программ, воспитанию студентов в духе мультиязычности и мультикультурности, познанию лучшей социальной практики зарубежных университетов. География международных контактов Университета включает в себя вузы-партнеры по международному сотрудничеству Университета в форматах Протокола о намерениях, Меморандума о взаимопонимании договоров и соглашений о сотрудничестве. В качестве удачной практики международной деятельности следует отметить взаимный обмен студентами с Университетом г. Чанчунь (Китай).

Второе направление развития социальной функции затрагивает структуру Университета и реализовано через создание органов, основное предназначение которых – взаимодействие с обществом и решение индивидуальных проблем различных субъектов. Студенческое сообщество Университета – это источник социальных инициатив. Так было всегда и в практике зарубежных университетов, и российских. Студенческое сообщество восприимчиво к проблемам общества, активно в соучастии и оказании помощи различным группам населения, поэтому институционализация студенческого движения является одним из главных направлений социальной ответственности вуза в его организации. Через эти структуры реализуется доступ населения к квалифицированным ресурсам, социальным услугам, а также прямой контакт университета с различными категориями населения, позволяющими понять запросы общества.

Институциональной формой участия студентов вуза в общественной жизни является практика оказания юридической помощи населению по защите прав и законных интересов граждан, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях. Университетский проект «Юридическая клиника» по оказанию консультационных услуг населению по гражданским, семейным, трудовым, наследственным спорам действует с 2002 г. и осуществляет юридическое сопровождение в судах и иных органах государственной власти и органах местного самоуправления. Всего за время работы Клиники помощь получили более 1800 человек различного социального статуса и возраста.

Проект «Кадровое агентство» организует участие выпускников и студентов вуза в решении проблемы трудоустройства, способствует проведению профориентационных тренингов и деловых игр в овладении необходимыми компетенциями по требованиям работодателей в сотрудничестве с организациями – партнерами вуза.

Социально-психологический центр университета вносит свой вклад в воспитание и образование студентов, их социализацию в обществе. Организованный в 1999 г., Центр сопровождает учебную деятель-

ность студентов, способствует их адаптации в студенческой среде, проводит индивидуальные консультации и групповые тренинги. Множество востребованных проектов (Школа эмоционального интеллекта, Школа креативности, Школа лидерства, Сплоченность группы, Школа будущей семьи) свидетельствует о необходимости получения навыков и знаний сверх компетенций, получаемых по основным образовательным программам. Центр активно взаимодействует с другими институциональными образованиями и помогает решать возникающие проблемы в командной работе.

Волонтерской деятельности студентов как **третьему направлению** социальной деятельности в Университете уделяется особое внимание. Действующий на постоянной основе отряд «Легион» реализует нравственно-патриотическое воспитание студентов, формирует любовь к Родине и ее истории, чувство личного достоинства, патриотизма и гуманизма. Как часть обширной деятельности этой организации отметим командное участие студентов и сотрудников вуза в поисковых экспедициях на места боев Великой Отечественной войны (под Выборгом), работу по контролю и учету состояния и уходу за воинскими захоронениями, поиск родственников бойцов Красной Армии, организацию встреч с родственниками бойцов, перезахоронение останков бойцов. Военно-патриотическая организация «Легион» презентовала в 2016 г. очередной информационно-просветительский проект «ПроОтечество», объединивший лучшие практики вовлечения молодежи в социально-патриотическую работу через новые формы образования: «обучение через развлечение и непосредственное участие», передача информации «ровесник – ровеснику», интеллектуальные игры.

Студенты-волонтеры участвуют в мероприятиях вуза по организации и проведению всероссийских и международных спортивных мероприятий (Универсиада молодежи и студентов (2013 г.), Чемпионат мира по водным видам спорта (2014 г.)), проводимых в Татарстане. Увлечение студентов благородными идеями, внутренняя психологическая потребность быть востребованными в обществе, чувство принадлежности к группе, самореализация и саморазвитие поддерживаются Университетом не только в информационном плане, но и в активной практической деятельности [4].

Воспитание как часть образования студентов и социальной функции Университета отражает **четвертое направление** реализации социальной функции Университета управления «ТИСБИ».

Одним из первых вузов России Университет поднял воспитательную работу в молодежной среде на институциональный уровень, введя в структуру управления Университетом должность проректора по воспитательной работе. В структуре управления воспитательной работой успешно реализуются проекты работы с молодежью с участием таких

структурных единиц, как Студенческий Совет, Социально-психологический центр, Родительская Академия и т.д. Привлечение родителей к участию в жизни коллектива вуза, награждение родителей студентов за успехи детей являются действенной мерой объединения интересов семьи и Университета.

Наконец, социально-образовательный проект «Инклюзивное образование лиц с ограниченными возможностями», который относится к **пятому направлению** социальной деятельности Университета и является по своей сути пионерным. Реализуя ФЗ № 181 РФ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации от 24.11.1995 г., в Университете с 1998 г. обучаются глухие и слабослышащие студенты, более 300 инвалидов прошли за эти годы обучение на разных факультетах. Для оптимизации обучения лиц с ограниченными возможностями в 2000 г. создана Интернет-система дистанционного обучения, позволяющая обеспечить доступ к образовательным ресурсам Университета; открыт уникальный мультимедийный класс, специально предназначенный для обучения незлышащих. В 2004 г. приказом Министерства образования и науки РФ на базе Академии управления «ТИСБИ» создан Окружной учебно-методический центр Приволжского федерального округа по обучению инвалидов. Данный проект поддерживается Министерством образования и науки Республики Татарстан, лично Президентом и Премьер-министром РТ. Инициатором и бессменным сопровождающим проекта является Международная кафедра ЮНЕСКО Университета управления «ТИСБИ», которая аккумулирует отечественный и зарубежный опыт профессионального обучения инвалидов, иницирует объединение всех заинтересованных структур: государственных, частных, общественных и бизнеса для решения важнейших задач жизнеобеспечения инвалидов [4].

Этот проект, поддерживаемый государством и обществом, заслуживает пристального внимания и глубокого изучения как передовой практики решения серьезной социальной проблемы – отсутствия возможности обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, Университет переводит СО на язык учебного заведения, то, в чем он силен, тем самым формируя отличительные особенности СО Университета с целью улучшения взаимодействия личности и общества, осуществляя процесс формирования компетенций восприятия и участия студентов в общественной жизни местного сообщества.

Литература:

1. Агапова О.В., Зленко А.Н., Купоросов Ю.И. Социальная функция университетов в России: лучшие практики взаимодействия вузов и местного сообщества. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского национального исследовательского ун-та информационных технологий, механики и оптики, 2014. – С. 107.

2. ГОСТ Р ISO 26000:2012 «Руководящие указания по социальной ответственности». – М.: Стандартинформ, 2012.
 3. Frederick, William C. Toward CSR3: Why Ethical Analysis is Indispensable and Unavoidable in Corporate Affairs // California Management Review. – 1986. – Vol. 18. – № 2. – P 126-141.
 4. Сайт УВО «Университет управления «ТИСБИ»: <http://www.tisbi.ru/>

References:

1. Agapova O., Zlenko A., Kuporosov Y. The Social function of universities in Russia: the best practices of interaction of universities and a local community. – SPb.: Saint-Petersburg National Research University of IT, Mechanics and Optics Publisher, 2014. – P. 107.
 2. GOST R ISO 26000:2012 «Guidance on social responsibility». – М.: Standartinform, 2012.
 3. Frederick, William C. Toward CSR3: Why Ethical Analysis is Indispensable and Unavoidable in Corporate Affairs // California Management Review. – 1986. – Vol. 18. – № 2. – P 126-141.
 4. The website the University of Management «TISBI»: <http://www.tisbi.ru/>

УДК 378

**РАЗВИТИЕ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ:
СТРАТЕГИЯ И ОПЫТ**

**THE EVOLUTION OF PRACTICE-ORIENTED VOCATIONAL
EDUCATION IN A MODERN UNIVERSITY:
STRATEGIES AND EXPERIENCE**

БОБИЕНКО О.М., канд. пед. наук, доцент Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: olesia-tisbi@rambler.ru

BOBIENKO O., PhD, Associate Professor of the University of Management «TISBI»

E-mail: olesia-tisbi@rambler.ru

Аннотация

Доминирование академической ориентации высшей школы, ее оторванность от действительности негативным образом сказываются на образовательном процессе, который зачастую формируется как совершенно самодостаточный, далекий от практики, не требующий связей с реальными проблемами окружающего социума. Ориентация деятельности вуза на практические аспекты регионального рынка труда требует качественного преобразования всех ее компонентов: целей, содержания, форм и методов подготовки кадров. В статье рассматривается стратегия развития практико-ориентированного профессионального образования в современном вузе.

Ключевые слова: *практико-ориентированное образование, квалификационные требования работодателей, профессиональная мобильность, компетенции, бизнес-инкубатор.*

Abstract

The dominance of the university academic orientation, its detachment from reality, has a negative impact on the educational process, which is often formed as a completely self-sufficient, far from the practice, requiring no connection with the real problems of the surrounding society. The orientation of the university on the practical aspects of the regional labor market requires a qualitative transformation of all its components: objectives, content, forms and training methods. The article discusses the strategy for the development of practice-oriented vocational training in a modern university.

Key words: *practice-oriented education, qualification requirements of employers, professional mobility, competencies, business incubator.*

В современной России внешняя среда функционирования организаций высшего образования приобрела новое качество: существенно выросла степень ее неопределенности и непредсказуемости, постоянно появляются неучтенные факторы риска, вузы вступают в фазу снижающегося спроса на образовательные услуги вследствие демографической ситуации в стране. Все это предъявляет новые требования к качеству стратегического планирования их деятельности. Среди базовых характеристик сложившейся сегодня отечественной системы высшего образования (дефицит интеллектуального и материального ресурса; малоэффективная научная и разработческая деятельность; недостаточная ориентация на коммерциализацию интеллектуального продукта и др.) наиболее существенными недостатками организации ее деятельности, по признанию исследователей, выступают:

- слабая ориентация вузов на миссию ресурса развития территории (как правило, собственное развитие учебных заведений не связывается с экономическим и социокультурным развитием региона и территорий, которые они обслуживают);
- отсутствие опыта взаимодействия с рынком труда, организации участия бизнеса в кадровом заказе, в формировании профессиональных стандартов, в выработке критериев оценки качества подготовки студентов;
- слабая «привязка» структуры приема в вузы к перспективам развития региональных рынков труда;
- высокая степень дезинтеграции науки, образования и бизнеса, что делает научные разработки и подготовку кадров оторванными от экономических реалий и потребностей региональных сообществ [1; 3; 4].

Доминирование академической ориентации высшей школы, ее оторванность от действительности негативным образом сказываются

на образовательном процессе, который зачастую формируется как совершенно самодостаточный, далекий от практики, не требующий связей с реальными проблемами окружающего социума. Как свидетельствуют исследования, приходящие на предприятия выпускники вузов в той или иной мере подготовлены теоретически, однако практических навыков работы не имеют и, чтобы работать эффективно, должны пройти дополнительную практику. Такие неудовлетворительные оценки заказчиками кадров прикладных результатов высшего образования характерны фактически для всех отраслей: сферы услуг (86% опрошенных работодателей), легкой промышленности (80%), тяжелой промышленности (60%), строительства (81%), организаций и учреждений (80%) [1, с. 199]. Аналогичные данные по оценке практической составляющей качества подготовки специалистов получены также в исследованиях Левада-Центра [4].

Преимущественная ориентация вузов на удовлетворение потребностей региона, в котором они осуществляют свою деятельность, является доминирующей тенденцией развития высшего образования во всем мире. В экономически развитых странах университеты повсеместно оказывают мощное влияние на структуру регионального рынка труда. Региональные университеты / институты выполняют жизненно важные функции в отношении основных сфер жизнедеятельности региональных сообществ, располагают уникальным культурным потенциалом, реализуемым в воспроизводстве общественного интеллекта, профессионально-квалификационного состава населения, его основных институциональных структур в экономике, социальной, духовной и общественно-политической жизни.

Политика усиления практико-ориентированного характера высшего образования путем стратегической направленности деятельности вузов на поддержку задач развития регионов включает в себя:

- ориентацию научного потенциала организаций высшего образования на проведение прикладных исследований, способствующих развитию местной экономики (в т.ч. с участием студентов, магистрантов, аспирантов);
- заключение целевых договоров между вузами и органами государственной и муниципальной власти субъектов РФ на подготовку специалистов за счет местных бюджетов, помимо федерального государственного задания;
- подготовку и повышение квалификации действующего персонала предприятий (организаций) реального сектора экономики региона;
- трансформацию вузов в центры изучения местных языков, истории и культуры;
- усиление «встроенности» деятельности образовательных организаций в разработку и реализацию проектов регионального развития и т.д.

Исследователи единодушны в том, что на уровне государственной политики высшую школу нельзя рассматривать только как центр подготовки кадров. Такая «расширенная» региональная миссия вуза обусловлена несколькими факторами:

Во-первых, студенты в силу своего возраста и уровня образования представляют собой одну из наиболее активных социальных групп местных сообществ. Они достаточно легко мобилизуются на реализацию социально значимых проектов, инициаторами которых сами же и являются. Их позиция часто может определить исход любых политических кампаний, выступать фактором, стабилизирующим политическую ситуацию.

Во-вторых, профессорско-преподавательский состав высшей школы представляет собой интеллектуальную элиту регионального сообщества. Именно он может стать и является источником новых идей и проектов, в том числе в законодательной деятельности, социальном аудите, консалтинге, экспертизе и т.д.

В-третьих, существенной предпосылкой для регионального позиционирования учреждения высшего образования выступает тот факт, что рынки труда в России сегодня носят территориальный характер. Прежние представления макроэкономической теории о полной унификации рынков труда в разных регионах в современной экономической теории подвергаются ревизии. Национальный рынок труда, как свидетельствует практика, – это не однородный феномен, а сеть разнородных местных рынков, существенно диверсифицированных по различным параметрам. Географическое пространство, местный культурно-исторический контекст влияют на процессы «настройки» кадрового спроса и предложения на конкретных рынках труда. Исследования показывают, что уровень предпринимательской энергии населения, степень предпринимчивости и рыночная культура – это переменные, существенно варьирующиеся от региона к региону.

В последние годы по самым различным причинам снизилась академическая мобильность (учебная миграция) молодежи, практически не осуществляется практика направления молодых специалистов из столичных вузов в регионы. Более того, сегодня не абитуриенты мигрируют в вузовские центры России, а сами высшие учебные заведения начинают переносить свою деятельность к местам проживания потенциальных абитуриентов. Деятельность большинства высших учебных заведений, кроме небольшого числа творческих и обслуживающих потребности военно-промышленного комплекса, получает определенные территориальные рамки, как правило, в границах административно-территориальных образований (республик, краев, областей).

Сегодня, как считают исследователи, качество взаимодействия вузов и регионального сообщества, частью которого они являются, раз-

вито очень слабо. Среди причин этого эксперты называют отдельные параметры политического, правового и социально-экономического развития в регионах и состояние регионального сообщества (его социальную зрелость, механизмы саморегуляции). В то же время не меньшая часть ответственности за отсутствие взаимодействия связана с вузами и стратегическими приоритетами, которые они вырабатывают и реализуют, их организационно-структурными и функциональными характеристиками.

Исследователи доказали, что общая социальная эффективность университетов и институтов во многом обусловлена складывающимися механизмами и условиями его взаимодействия с основными элементами регионального сообщества. Практико-ориентированное образование невозможно вне партнерства образовательных организаций с окружающими его социальными, культурными, экономическими подсистемами регионального комплекса.

Очевидно, что ориентация деятельности вуза на практические аспекты регионального рынка труда требует качественного преобразования всех ее компонентов – целей, содержания, форм и методов подготовки кадров – и включает в себя решение следующих задач:

1. Трансформация стратегических задач образования на подготовку профессионально мобильной, конкурентоспособной личности, готовой к постоянному самообразованию и саморазвитию в условиях непредсказуемых изменений условий и требований профессиональной деятельности. В составе целей профессионального образования важнейшей является задача развития общих компетенций студентов: способностей оперативно решать актуальные социально-профессиональные задачи (трудоустройство или создание собственного дела, формирование гибких жизненных и профессиональных стратегий, выстраивание индивидуальной модели профессионального становления, вхождение и адаптации на рынке труда); умения работать в команде; коммуникативных навыков.

2. Периодическое обновление содержания профессионального образования, в том числе синхронизация вариативной части основных профессиональных образовательных программ с вводимыми профессиональными стандартами, иными квалификационными требованиями со стороны рынка труда. Усиление показателя практико-ориентированности подготовки (доведение доли практических занятий в общем объеме аудиторных видов деятельности до 60-80%) и удельного веса самостоятельной работы студентов. Увеличение доли знаний, которые связаны с прикладной наукой и наукоемкими технологиями.

3. Использование высоких образовательных технологий, включая технологии e-learning, дистанционное и онлайн-образование, национальные и международные сети знаний, модульные и проблемно-раз-

вивающие педагогические технологии, новые технологии практической подготовки (дуальное обучение, наставничество и коучинг экспертов-производственников и т.д.).

4. «Запуск» эффективной системы непрерывной переподготовки, повышения квалификации и перепрофилирования кадров региона в соответствии с конъюнктурой местных рынков труда и занятости населения.

Анализ российских форм и механизмов трансляции требований рынка труда в систему подготовки кадров высшей квалификации свидетельствует о том, что в России уже в начале этого века была осознана проблема дефицита практико-ориентированного образования, в том числе необходимость сопряжения квалификационных требований секторов экономики и сервиса с образовательными программами разных уровней. Так, в 2000 г. Министерством труда и социального развития РФ и Министерством образования и науки РФ была принята Межведомственная программа содействия трудоустройству и адаптации к рынку труда выпускников учреждений профессионального образования на 2000-2005 гг.

Активизируются направления деятельности, связанные с трансляцией требований рынка труда в содержание высшего образования. Постановлением Правительства Российской Федерации № 36 от 21.01.2005 г. утверждены Правила разработки и введения в действие государственных образовательных стандартов профессионального образования, предусматривающие участие в их разработке работодателей. Позже этот документ был дополнен Постановлением Правительства Российской Федерации № 92 от 10.02.2014 г. «Об утверждении правил участия объединений работодателей в мониторинге и прогнозировании потребностей экономики в квалифицированных кадрах, а также в разработке и реализации государственной политики в области среднего профессионального образования и высшего образования».

В рамках реализации Россией договоренностей Болонского процесса в системе высшего образования интенсифицировалась работа по формированию компетентностных образовательных результатов, основанных на квалификационных требованиях работодателей, и их методического обеспечения. Введение с 2010 г. в практику высшей школы федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения ознаменовало переход на «деятельностные» образовательные результаты – общекультурные (универсальные), общепрофессиональные и профессиональные компетенции, характеризующие готовность выпускников к выполнению определенных профессиональных, интеллектуальных и социальных функций. По мнению экспертов, результаты образования, выраженные на языке компетенций, становятся важным инструментом для построения диалога высшей школы с миром

труда: они значительно расширяют возможности международного академического и профессионального признания и улучшают сопоставимость дипломов и квалификаций.

К настоящему времени в России утверждено более трехсот профессиональных стандартов по различным видам экономической деятельности, которые целесообразно использовать в качестве основы для сопряжения с образовательными стандартами всех уровней, для формирования программ обучения в системе дополнительного профессионального образования. Они позволяют работодателям на языке компетенций (знаний, умений, навыков и опыта деятельности) по уровням квалификации взаимодействовать с образовательными организациями, со службами занятости населения. Специалист также может пользоваться профессиональными стандартами для идентификации уровня своей квалификации и требуемых компетенций, что способствует его мотивации повышения квалификации, совершенствования качества труда.

Наличие актуальных (действующих) национальных профессиональных стандартов в определенной области экономической деятельности или по конкретной профессии является важным основанием для использования их как базы при формировании содержания образования по соответствующей специальности профессионального образования. Строго говоря, разработчики программ профессионального образования обязаны следовать требованиям действующего национального профессионального стандарта, поскольку он отражает актуальные запросы консолидированных работодателей, а не отдельных представителей предприятий, с которыми организовано взаимодействие вуза. Все профессиональные стандарты размещены в открытом доступе на сайте Министерства труда и социальной защиты РФ [2].

Существенный резерв в усилении практико-ориентированности профессионального образования связан с непосредственным участием представителей предприятий и организаций трудовой сферы в образовательном процессе вузов. Сегодня, по оценкам экспертов, их взаимодействие с учебными заведениями эпизодично. Работодатели – заказчики кадров, как правило, не участвуют в процедурах государственной аккредитации образовательных организаций, аттестации педагогов и руководителей учебных заведений, почти не представлены в числе преподавателей отдельных спецкурсов (как совместители). Образовательные программы и учебно-методические материалы, на базе которых строится профессиональная подготовка в вузе, не проходят экспертизу работодателей, что не позволяет отразить квалификационный запрос заказчиков кадров в содержании образования.

В отличие от системы среднего профессионального образования подготовка специалистов в вузе характеризуется существенной исследова-

довательской составляющей, которая также может быть не академически, а практико-ориентированной. Для этого целесообразно подключать студентов к выполнению научных проектов. В данном случае важно то, что студенты занимаются исследованиями по реальным, а не учебным проектам под руководством ученых-практиков. Государственно-частное партнерство в осуществлении научно-исследовательской деятельности осуществляется в виде грантовой и конкурсной поддержки востребованных заказчиком научных проектов и разработок. Формы совместной деятельности бизнес-структур и вузов в научно-практической деятельности включают в себя организацию технологических и производственных практик студентов, создание групп внедрения технологических разработок и т.д. Специфическими форматами таких общественно-частных партнерств выступают локальные инфраструктурные «оболочки» для развития высокотехнологичного бизнеса: ресурсные центры и бизнес-инкубаторы.

Бизнес-инкубатор представляет собой организацию, которая создает наиболее благоприятные условия для стартового развития малых предприятий и формирования предпринимательского опыта молодых специалистов. Бизнес-инкубатор оказывает им комплекс услуг и предоставляет ресурсы: обеспечивает площадями на льготных условиях, организует обучение персонала, консалтинг, доступ к информационным базам, другие программы деловой поддержки, в том числе постоянную помощь в управлении предприятием и специализированные программы обучения. Студенты и аспиранты вуза могут участвовать в деятельности бизнес-инкубатора в качестве обслуживающего персонала и в рамках открытия собственного дела.

Мировая практика свидетельствует о развитии бизнес-инкубаторов различного типа. «Инкубатор технологий» – тип организации, ориентированный на развитие наукоемких малых предприятий. Это организация, связанная с университетом, научно-технологическим парком или инновационным центром. Ее задачи – обслуживание малых инновационных предприятий, «выращивание» новых фирм, оказание им помощи в выживании и успешной деятельности на ранней стадии развития. В настоящее время в связи со стагнацией экономических процессов в России все более актуальным становится создание бизнес-инкубаторов, цель которых – поддержать социально уязвимые слои населения (этнические меньшинства, сельских жителей, женщин, молодежь, демобилизованных военнослужащих).

Спецификой нашей страны является то, что большинство российских бизнес-инкубаторов зарегистрировано как некоммерческие организации. Это позволяет им иметь доступ к дополнительным финансовым ресурсам, так как они получают возможность участвовать в борьбе за гранты различного рода фондов. Сегодня в стране отмечается интерес

к идее реализации некоммерческих бизнес-инкубаторов, финансируемых местными органами власти. Как показывает практика, с их помощью, наряду с усилением прикладного аспекта профессиональной подготовки, возможно решение ряда региональных / муниципальных проблем. Например, увеличение занятости населения и его особых целевых групп (беженцев, бывших военнослужащих, молодежи и др.) путем реализации специальных программ; рациональное и эффективное использование муниципальных инвестиционных фондов для микрокредитования и муниципальных площадей под малый бизнес. Возможна функция бизнес-инкубатора как гаранта и поручителя за своих клиентов в лизинговых и кредитных программах.

Одним из объектов общественно-частного партнерства могут быть стипендиальные программы и гранты. Примеры такого взаимодействия бизнеса, некоммерческих организаций и вузов сегодня есть в России. Так, Благотворительный фонд В.Потанина совместно с высшими учебными заведениями успешно реализует четыре стипендиальные программы: федеральную, «северную», поддержки победителей международных олимпиад, для курсантов военных вузов. Федеральная стипендиальная программа направлена на то, чтобы помочь студентам найти свое место в жизни, расширить их возможности в выборе профессиональной карьеры. Стипендии назначаются по результатам серьезного многоступенчатого конкурсного отбора (в форме деловой игры). Во всех федеральных округах деловые игры проводятся с участием студентов и работодателей, что обеспечивает их интенсивное взаимодействие. Всего за 10 лет Благотворительный фонд предоставил более 18 тыс. стипендий и грантов аспирантам и молодым преподавателям. В качестве управляющей компании для реализации стипендиальной программы привлечена неправительственная организация – САФ-Россия.

Программа именных стипендий АФК «Система» также действует более 10 лет. Она направлена на привлечение кадрового резерва – перспективной молодежи, которая начнет подготовку к работе в компании уже со студенческой скамьи. Помимо собственно стипендии участие в программе означает гарантию трудоустройства. Студенты готовят курсовые и дипломные работы по тематике, отражающей производственные проблемы предприятия, куда планируется трудоустройство специалиста.

Исследователи рекомендуют выбирать в качестве основной точки концентрации ресурсов и усилий для расширения практико-ориентированной составляющей образовательного процесса такие относительно самостоятельные сегменты высшего образования, как преддипломная подготовка (преддипломная практика и написание диплома), бизнес-образование, дополнительное профессиональное образование (освоение дополнительной специализации и т.д.). Именно вложения в них на ос-

нове общественно-частного партнерства дают наибольший эффект с точки зрения усиления соответствия качества подготовки требованиям и запросам рынка труда.

Для развития прикладных аспектов высшего образования целесообразно стимулировать академическую мобильность студентов (стажировки в других вузах, НИИ, в зарубежных научно-образовательных центрах и т.д.). Не менее значима и мобильность профессорско-преподавательского состава, предполагающая, в том числе, возможность временного перехода преподавателей в бизнес-структуры на разных этапах карьеры, гибкое сочетание деятельности в академическом и бизнес-секторах. Вуз может кооперироваться с партнерами из разных секторов для создания интеллектуальной биржи образовательных услуг в регионе / муниципалитете, организации регионального менеджмента в этой сфере, опирающегося на базу данных об образовательных услугах и их качестве, о последующем трудоустройстве пользователей и т.д.

Увеличение «сервисной активности» вуза в регионе может быть достигнуто посредством развития системы обучения взрослого населения. Среди наиболее востребованных дополнительных образовательных программ, реализуемых самим учебным заведением с привлечением финансирования предприятий и региона / муниципалитета, можно выделить: бизнес-образование; тренинги по антикризисному развитию и управлению; программы, рассчитанные на привлечение и натурализацию мигрантов, их социокультурную интеграцию в региональное сообщество; и т.д. Возможны также совместные с партнерами вуза проекты в области развития предпринимательского мышления, коммуникативных качеств студентов и взрослого населения как фактора, обеспечивающего ускоренную адаптацию и интеграцию в профессиональную деятельность в условиях рыночной экономики, совместные центры сертификации профессиональных квалификаций кадров для малого и среднего бизнеса.

Участие бизнеса в образовательном процессе может быть организовано по модели «корпоративной кафедры» (иного структурного подразделения вуза на действующем предприятии). Например, испытывая нехватку квалифицированных специалистов в IT-сфере (при отсутствии нужных ей современных специальностей в системе высшего образования), компания IBS более 10 лет назад приступила к реализации образовательных программ совместно с профильными вузами. В 2006 г. IBS создала Академию IBS (структурное подразделение для подготовки молодых специалистов для компании в инфраструктуре образовательных учреждений). В настоящее время Академия IBS ведет подготовку специалистов по программам дополнительного профессионального образования, а также магистрантов в рамках магистерских программ, реализуемых на базе МФТИ и МИСиС. Суть программ и их специфика,

по оценкам экспертов, состоят в создании принципиально новых, востребованных современным рынком специальностей в сфере информационных технологий, по которым сегодня не готовит ни один российский вуз: системный архитектор, системный аналитик, IT-консультант в области управления бизнесом, IT-консультант по внедрению бизнес-приложений и т.д. В 2014 г. по этим видам профессиональной деятельности разработаны и утверждены в установленном порядке профессиональные стандарты.

Сегодня в России, как правило, практикуется следующая схема партнерства вузов и бизнес-структур: фундаментальное образование остается за традиционной системой высшего учебного заведения, а компании подключаются к учебному процессу на последних курсах. Корпоративная кафедра, используя многолетнюю научную базу вуза, за счет тесной работы с отраслевым предприятием и при его существенной финансовой поддержке создает образовательные программы, позволяющие готовить специалистов, отвечающих требованиям партнеров. Последние, в свою очередь, экономят на адаптационном периоде молодых специалистов, которые «с ходу» осваивают рабочие места.

Судя по мировому опыту, сегодня успешен университет, имеющий широкий спектр направлений подготовки и переподготовки; обслуживающий власть, бизнес, общественные структуры, отдельных граждан; предлагающий программы самого разного уровня, сроков реализации и форм обучения. При этом сетевое взаимодействие с другими структурами в соответствии с их специализацией позволяет избежать дублирования ресурсов и функций. Формирование крупных вузовских центров дает возможность оптимизировать организацию кадрового и лабораторного потенциала, эффективно использовать материально-технические ресурсы (экономический эффект масштаба). Кроме того, это оказывает влияние на рынки, ориентируя их на университетские услуги (создание базы клиентов).

Безусловно, под новые ресурсы, новых партнеров целесообразно модернизировать и внутреннюю организационную структуру вуза. Скорее всего, придется отказаться от узкопрофильной кафедральной структуры, объединять коллективы под задачи; выстроить новые сервисные службы с маркетинговыми функциями, поиском и организацией научных исследований, проектных разработок, востребованных образовательных программ, консалтинговых услуг. Власти и бизнес должны увидеть в вузе свой интеллектуальный ресурс, что возможно только при условии, когда он выступает инициатором проектов по развитию территорий и предприятий, владеет проблемами тех и других. Все это предполагает установление приоритетов разработческой и консалтинговой деятельности вуза и только на такой базе – организацию образовательных программ. Конечно, это потребует иного качества кадрового

потенциала и менеджмента, иных критериев внутривузовской системы оценки эффективности деятельности коллектива и отдельных подразделений.

Практико-ориентированная модель подготовки требует создания в вузе системы управления «по результатам» (это касается и научной, и инновационной, и образовательной деятельности). Результаты в образовательной сфере можно фиксировать только посредством процедур внешней и независимой от провайдера образовательных услуг оценки профессиональных, общепрофессиональных и общекультурных (универсальных) компетенций выпускников (сертификации квалификаций на основе профессиональных стандартов, иных квалификационных требований со стороны рынка труда). Идеология передачи в ходе обучения «готовых знаний» должна быть заменена стратегией освоения необходимых компетенций, перечень которых определяется в процессе взаимодействия преподавателей вуза и потенциальных работодателей. Компетентностная модель обучения неизбежно востребует использование современных образовательных технологий на базе активных методов обучения (кейсов, тренажеров, компьютерных симуляций, моделирования, проектных методов обучения), создание конкурентоспособных методических продуктов.

Стратегическое партнерство с работодателями (передовыми компаниями) позволит совместно модернизировать образовательные программы, выстроить систему целевой подготовки студентов, реализовывать магистерские и аспирантские программы, имеющие корпоративную направленность, создавать базовые кафедры, учебно-производственные площадки и лаборатории вуза на площадях предприятий – заказчиков кадров.

Литература:

1. Диденко Д., Ключарев Г. Профессиональное образование в России: пути догоняющей и инновационной модернизации // Вопросы образования. – 2013. – № 1. – С. 183-204.
2. Реестр профессиональных стандартов – <http://profstandart.rosmintrud.ru/reestr-professionalnyh-standartov>; Реестр областей и видов профессиональной деятельности – <http://profstandart.rosmintrud.ru/reestr-oblastej-i-vidov-professionalnoj-deatelnosti>; Реестр трудовых функций – <http://profstandart.rosmintrud.ru/reestr-trudovyh-funkcij>.
3. Стратегии развития российских вузов: ответы на новые вызовы / Под научн. ред. Н.Л. Титовой [Текст]. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 668 с.
4. Характер взаимодействия российских компаний и системы высшего образования глазами работодателей: итоги опроса 2013 г., по данным Левада-Центра // Вопросы образования. – 2014. – № 1. – С. 162-175.
5. Компетентностно-ориентированное образование. Методология и практика / Под общ. ред. Е.Я. Когана. – Самара: ИД «Федоров», 2014. – 128 с.

References:

1. Didenko D., Klyucharev G. Vocational Training in Russia: ways of overtaking and innovative modernization // Education Matters. – 2013. – № 1. – P. 183-204.

2. The Register of professional standards – <http://profstandart.rosmintrud.ru/reestr-professionalnyh-standartov>; The Register of domains and types of professional activities – <http://profstandart.rosmintrud.ru/reestr-oblastej-i-vidov-professionalnoj-deatelnosti>; The Register of job functions – <http://profstandart.rosmintrud.ru/reestr-trudovyh-funkcij>.

3. The corporate strategy of Russian universities: Meeting the New Challenges / Under scientific supervision by N. Titova [Text]. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 668 p.

4. The nature of the interaction of Russian companies and the higher education system as seen by employers: The results of the survey in 2013, according to the Levada Center // Education Matters. – 2014. – № 1. – P. 162-175.

5. Competence-oriented education. Methodology and practice / Under total edition by E. Kogan. – Samara: Publishing House «Fedorov», 2014. – P. 128.

УДК 159.922

ОСОБЕННОСТИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ УЧАЩИХСЯ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, СКЛОННЫХ К АДДИКЦИЯМ

PECULIARITIES OF PSYCHIC STATES OF STUDENTS AND TEACHERS SUSCEPTIBLE TO ADDICTIONS

ГРЯЗНОВ А.Н., д-р психол. наук, проректор по научной работе, профессор кафедры педагогики Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: angkazan@rambler.ru

GRYAZNOV A., Doctor of Psychology, vice-rector on R&D, Professor of Pedagogy Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: angkazan@rambler.ru

Аннотация

В статье изложены подходы к исследованию особенностей психических состояний учащихся и преподавателей учреждений профессионального образования разных уровней, склонных к аддикциям.

Дано определение психического состояния по А.О. Прохорову. Предложены авторские определения: аддикции, склонности к аддиктивному поведению, снижение уровня аддиктивного поведения. Установлено, что у студентов с высокой и низкой склонностью к аддикциям в целом более явно выражены негативные эмоционально-оценочные психические состояния. Выявлены особенности эмоционально-оценочных психических состояний, которые заключаются в том, что у студентов высокая склонность к алкогольной зависимости выражается в следующих доминирующих эмоционально-оценочных психических состояниях: пассивности, тревожности, низком тоне, эмоциональной напряженности или снижении эмоциональной устойчивости, беспокойстве, унынии, низкой удовлетворенности жизнью и своими достижениями, уходе в сомнения и отрицательном образе себя.

Ключевые слова: аддиктивная личность, психические состояния, аддиктивность, эмоциональные состояния, оценочные состояния, профессиональная школа.

Abstract

The article describes the approaches used to analyze features of mental states of students and teachers of professional education institutions of different levels, who are susceptible to addictions. The author mentions the definition of mental state given by A.O. Prokhorov and gives his own definition of addiction, a tendency to addictive behaviour, reducing the level of addictive behavior. He states that students with high and low susceptibility to addictions in general have more pronounced negative emotional and evaluative mental states. The author stresses peculiarities of emotional-evaluative mental states lie in the fact that a high tendency to alcohol dependence in students is expressed in the following dominant emotional and evaluative mental states: passivity, anxiety, low tone, emotional tension or decrease in emotional stability, anxiety, depression, low life satisfaction and their achievements, leaving in doubts and a negative image of yourself.

Key words: *addictive personality, mental state, addictiveness, emotional state, estimated state, professional school.*

Актуальность разработки темы «особенности эмоционально-психических состояний аддиктивных личностей» не вызывает сомнения и обуславливается тем, что одним из наиболее негативных факторов, который препятствует благоприятной социализации и успешному личностно-профессиональному становлению студентов, является склонность молодежи к аддиктивному поведению. А.Н. Грязновым установлено, что неумение управлять психическими состояниями приводит человека к заболеванию и другим негативным последствиям. «Психическое состояние – это отражение личностью ситуации в виде устойчивого целостного синдрома (комплекса) в динамике психической деятельности, выражающегося в единстве поведения и переживания в континууме времени» [4].

Современная ситуация развития общества требует научно обоснованного подхода к построению психолого-педагогического сопровождения, направленного на повышение эффективности снижения склонности к аддиктивному поведению у студентов в процессе их профессионального становления.

Объект исследования: студенты и преподаватели ссузов и вузов, склонные к аддикциям.

Цель исследования: провести теоретический анализ особенностей эмоционально-оценочных психических состояний учащихся и преподавателей учреждений профессионального образования разных уровней, склонных к аддикциям, выявить особенности регулятивной функции эмоционально-оценочных психических состояний лиц, склонных к аддикциям.

Исследование проводилось в ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России, ЧОУ ВО «Академия социального образования, медико-фармацевтический колледж ФГБОУ

ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России.

В исследовании принимали участие 527 человек, в том числе 391 студент, 136 преподавателей.

В ходе исследования использовались: методы эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, эксперимент), а также методы теоретического исследования (абстрагирование, анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному). Для проверки достоверности полученных результатов исследования применены методы статистической обработки данных.

Нами осуществлен теоретический анализ проблемы изучения особенностей эмоционально-оценочных психических состояний аддиктивных личностей в профессиональной школе разных уровней. В проведении исследования использовали следующие подходы к изучению эмоционально-оценочных психических состояний аддиктивных личностей, обучающихся в профессиональных образовательных учреждениях разных уровней:

- социально-статический для изучения особенностей психических состояний при аддиктивности;

- социально-динамический для изучения влияния психических состояний на аддиктивность и изменений данного свойства личности при изменении психических состояний в социальных группах;

- системно-динамический, который позволил обобщить полученные данные и разработать программы коррекции психических состояний при аддиктивности студентов ссузов и вузов, минимизировать патологические личностные статусы аддиктивной личности.

Под личностными статусами аддиктивной личности нами понимаются качественно определенные части или устойчивые состояния человека, это социокультуральное наполнение содержанием психобиологической основы человека. Личность активизирует (первая проба), развивает, а затем формирует (а-р-ф) патологический личностный статус: я – алкоголик, я – наркоман, я – вор и т.д. и становится аддиктивной личностью. В 1990 г. Блюм установил, что зависимости нам передаются на генетическом уровне, но не все развили зависимость, а только те, кто активировал объект зависимости (алкоголь, наркотики, гемблинг и т.д.), затем развил и сформировал личностный статус, например, я – алкоголик.

Автором настоящего исследования показано, что ценность – это неравнодушное пристрастное отношение субъекта к объекту. В то время как у аддиктивной личности имеет место не просто пристрастное отношение к объекту (психоактивному веществу), а страсть, которая и приводит субъекта к смерти. Им также предложено универсальное определение зависимости от психоактивного вещества (психоактивное

вещество – это любое вещество, которое изменяет сознание) [3]. Аддикция – это зависимость от психоактивного вещества, это равнодушное, страстное отношение субъекта к объекту (объекту зависимости: алкоголю, наркотикам и т.д.), которая наносит вред соматическому, психическому здоровью и социальному окружению.

Под *снижением склонности к аддиктивному поведению* мы понимаем социально-психологическое воздействие на аддиктивную личность, при котором происходит изменение: снижение уровня склонности личности к той или иной зависимости, изменение основных потребностей, а также умение приобретать бытийные ценности, умение мобилизовать личностный потенциал и развиваться в своем стиле, в своем алгоритме, чтобы не быть зависимым.

В ходе теоретического исследования установлено, что у студентов с высокой и низкой склонностью к аддикциям в целом более явно выражены негативные эмоционально-оценочные психические состояния. Сделан вывод о том, что у студентов с высокой склонностью к аддикции, как к алкогольной, так и к наркотической зависимости, эмоциональное восприятие образа себя значительно более негативное, чем у студентов с низкой склонностью. Их доминирующим психическим негативным эмоционально-оценочным состоянием, обуславливающим высокий уровень склонности к зависимости от психоактивных веществ, является состояние, вызванное недостаточной адекватностью самооценки либо заниженной или завышенной, что одинаково негативно сказывается на поведении – неприятием себя.

Установлено, что у студентов с высокой и низкой склонностью к аддикциям особенности эмоционально-оценочных психических состояний проявляются в целом в их более сильной выраженности. Сделан вывод о том, что у студентов с высокой склонностью к аддикции как к алкогольной, так и к наркотической зависимости эмоциональное восприятие образа себя значительно более негативное, чем у студентов с низкой склонностью. Их доминирующим психическим негативным эмоционально-оценочным состоянием, обуславливающим высокий уровень склонности к зависимости от психоактивных веществ, является состояние, вызванное недостаточной адекватностью самооценки, неприятием себя.

По результатам эмпирического исследования выявлены особенности эмоционально-оценочных психических состояний, которые заключаются в том, что у студентов высокая склонность к алкогольной зависимости выражается в следующих доминирующих эмоционально-оценочных психических состояниях: пассивности, тревожности, низком тоне, эмоциональной напряженности или снижении эмоциональной устойчивости, беспокойстве, унынии, низкой удовлетворенности жизнью и своими достижениями, уходе в сомнения и отрицательном обра-

зе себя. У студентов с низкой и высокой склонностью к наркотической зависимости также было установлено достоверное различие средних показателей по шкале положительный-отрицательный образ себя.

Выявлено, что у студентов с высоким уровнем склонности к аддикциям регулятивная функция стресса как эмоционально-оценочного психического состояния выражена сильнее, чем у студентов с низким уровнем склонности. Они сильнее подвержены стрессу, он оказывает более сильное влияние на их соматические, психологические и поведенческие реакции, им труднее совладать со стрессовыми ситуациями и связанными с ними эмоциональными проявлениями.

При сравнении студентов и преподавателей ссузов и вузов установлено, что у студентов наблюдается примерно одинаковое распределение уровней склонности к аддикциям, а среди преподавателей большей склонностью к аддикциям обладают преподаватели вузов.

В ходе решения задачи установлено, что у студентов вуз с разными уровнями склонности к аддикциям устойчивость эмоций находится примерно на одинаковом среднем уровне, а у студентов с высокой склонностью к аддикциям снижена активность, повышены напряженность и тревожность. Показано, что у студентов ссузов с высокой склонностью к аддикциям значительно ниже бодрость и устойчивость эмоций. У студентов вузов и у студентов ссузов с высокой склонностью к аддикциям эмоциональное восприятие образа себя значительно более негативное, чем у студентов с низкой склонностью. Их доминирующим психическим негативным эмоционально-оценочным состоянием, обуславливающим высокий уровень склонности к аддикциям, является состояние, вызванное недостаточной адекватностью самооценки, неприятием себя.

У преподавателей вузов с высокой склонностью к аддикциям установлена высокая неустойчивость эмоций и отрицательное восприятие себя и тенденция к напряженности, их раздражает социальное окружение. У преподавателей ссузов с высокой склонностью к аддикциям выявлено усиление негативных проявлений всех эмоционально-оценочных психических состояний, кроме состояния активности, которая незначительно выше, чем у преподавателей с низким и средним уровнем склонности.

У студентов ссузов и вузов с высокой склонностью к аддикциям в целом все эмоционально-оценочные психические состояния имеют более низкую степень выраженности, но при этом доминируют негативные формы психических состояний.

У преподавателей ссузов и вузов как с высокой, так и с низкой и средней склонностью к аддикциям все эмоционально-оценочные психические состояния, как положительные, так и отрицательные, выражены примерно одинаково.

Выявлено, что у студентов ссузов с высоким уровнем склонности к аддикциям регулятивная функция эмоционально-оценочных психических состояний снижена по отношению к управлению психическими процессами, физиологическими реакциями и, как и у студентов склонных аддикциям вуз, по отношению к регуляции своего поведения.

У преподавателей вуз с высоким уровнем склонности к аддикциям регулятивная функция эмоционально-оценочных психических состояний сильно повышена в плане усиления переживаний, в то время как у преподавателей ссузов она тормозит и психические процессы, и физиологические реакции, и переживания, отрицательно сказываясь на контроле за своим поведением.

Литература:

1. Грязнов А.Н., Камалеева А.Р., Грузкова С.Ю. Психология аддиктивной личности и задачи терциарной социализации // Проблемы современного педагогического образования, 2017.
2. Грязнов А.Н. Социально-психологические проблемы и последствия алкоголизма // Неврологический вестник. Ж-л им. В.М. Бехтерева. – 2004. – № 3-4. – Т. XXXVI. – С. 49-57.
3. Камалеева А.Р., Грязнов А.Н., Шигапова Н.В. Альтернативные рейтинговые и комбинированные оценочные системы оценивания результатов обучения // Вестник «ТИСБИ». – 2017. – № 1.
4. Прохоров А.О., Габдреева Г.Ш., Васильева Т.Н. Хрестоматия: психология состояний. – М.: Пер се; СПб.: Речь, 2004.

References:

1. Gryaznov A., Kamaleeva A., Gruzkov S. Psychology of an addictive personality and the problem of tertiary socialization // Problems of modern pedagogical education, 2017.
2. Gryaznov A. Socio-psychological problems and the consequences of alcoholism // Neurological Bulletin. Bekhterev Journal. – 2004. – № 3-4. – Т. XXXVI. – P. 49-57.
3. Kamaleeva A., Grubov A. Shigapova N. Alternative rating and combined assessment systems for evaluating outcomes of training // «TISBI» Bulletin. – 2017. – No. 1 (included in the Rintz).
4. Prokhorov A., Gabdreeva G., Vasilieva T. Reader in psychology of states. – M.: Perce; St. Petersburg: Rech, 2004.

УДК 378.1

СИСТЕМА ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ УПРАВЛЕНИЯ «ТИСБИ»: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE SYSTEM OF CIVIC-PATRIOTIC UPBRINGING AT THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»: EXPERIENCE OF FORMATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

АППАЛОНОВА Н.А., канд. экон. наук, доцент, проректор по воспитательной работе Университета управления «ТИСБИ»

E-mail: n.appalonnova@mail.ru

APPALONOVA N., PhD, Candidate of Economics, Associate Professor, Vice-rector for educational work, the University of Management «TISBI»

E-mail: n.appalonnova@mail.ru

Аннотация

В статье обозначена актуальность патриотического воспитания молодежи, сформированы цель и принципы патриотического воспитания, раскрыты основные направления патриотической работы с молодежью в Университете управления «ТИСБИ», описана деятельность Военно-патриотической организации «Легион».

Ключевые слова: патриотическое воспитание, воспитательная работа, «ТИСБИ», военно-патриотическая организация, просвещенный патриотизм.

Abstract

The article stresses the urgency of patriotic education of youth, forms the purpose and principles of patriotic education, discloses the basic directions of patriotic work with young people at the University of Management «TISBI», and describes the activities of the military-patriotic organization «Legion».

Key words: Patriotic education, educational work, «TISBI», military-patriotic organization, enlightened patriotism.

Сложная геополитическая обстановка в мире, а также социально-экономические изменения внутри нашей страны требуют отлаженной работы всей системы воспитания молодежи. Особую актуальность и значимость в современных условиях приобретают патриотическое воспитание и гражданское становление. Наличие чувства любви к своей Родине и его осознанность имеют большое значение в социальном, духовном, нравственном и физическом развитии личности человека.

В настоящее время патриотическое воспитание студентов символизирует идею исторической преемственности, связи поколений. Организация данной работы в вузе предусматривает взаимодействие всех

субъектов образовательного процесса, направленного на воспитание студентов, формирование у них патриотических убеждений и устойчивых норм поведения.

В этих условиях все более ощущается необходимость признания патриотического воспитания наряду с образованием и обучением неотъемлемой и важнейшей частью педагогического процесса в вузе. Патриотическое воспитание, являясь составной частью общего воспитательного процесса, представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность преподавательского состава и студенческого актива.

Исходя из инновационного подхода к воспитательной работе со студентами Университета управления «ТИСБИ», система гражданско-патриотического воспитания была выделена в качестве одного из приоритетных направлений. Она предусматривает формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в процессе обучения и воспитания, массовую патриотическую работу, основанную на взаимодействии внешних и внутренних административных структур с общественными объединениями и организациями. Каждая из структур занимает важное место в организации основных мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию.

Основной целью, которую ставит в процессе своей патриотической деятельности Университет управления «ТИСБИ», является формирование у студентов высокого патриотического сознания, нравственных принципов, чувства долга, готовности к самоотверженному служению Отчизне.

Сфера патриотического воспитания является одной из наиболее значимых и сложных сфер воспитательной деятельности, поскольку в ней формируются не только соответствующие мировоззренческие ориентации, идеалы и принципы, но и происходит становление необходимых личностных качеств, обеспечивающих жизнедеятельность молодого гражданина в условиях современного российского демократического общества [2].

Среди основных принципов патриотического воспитания следует выделить следующие:

- формирование национального сознания у студенческой молодежи как одного из основных условий жизнеспособности молодого поколения, обеспечивающего целостность России;

- становление России как великой державы, занимающей одно из ведущих мест в мировом сообществе;

- связь между поколениями, освоение и приумножение культуры во всех ее проявлениях, воспитание гражданских качеств и социальной ответственности за благополучие своей страны [3].

В рамках реализации программы и ежегодных планов мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию студентов предусматриваются мероприятия, направленные на формирование у студентов высокой нравственности, патриотизма и гражданской ответственности за судьбу своей Родины.

Воспитание просвещенного патриотизма – это установка на непрерывное саморазвитие и самообразование, что реализуется в вузе с помощью института кураторов, Родительской Академии, школы старост и студенческих советов. В кодексах чести студента и преподавателя «ТИСБИ» идеальный тип современного профессионала – это личность творческая, трудолюбивая, толерантная, гармонично сочетающая интеллектуальные, эстетические и этические компоненты своей модели духовной культуры. Важнейший воспитывающий фактор – осознание студентом собственного успеха во всех сферах вузовской жизни, что позволяет разрешать наиболее острые проблемы сегодняшней социализации юношей и девушек.

Главные идеи воспитания просвещенного патриотизма материализуются через лаконичные призывы, обращенные к студентам: «Если ты студент «ТИСБИ» – будь трудолюбив, талантлив и толерантен!»; «Будь законопослушным патриотом, служи Отечеству!»; «Карьера начинается в вузе!»; «Будь уверен в своих силах! Воспитывай характер! Побеждай!». Реализация этих призывов осуществляется на ежегодных адаптационных тренингах волонтерами психологического центра, тьюторами, кураторами на кураторских часах, внесенных в расписание. Еще 23 февраля 2001 г. Университетом управления «ТИСБИ» разработана и принята Декларация о провозглашении территории вуза «территорией культуры мира». Этой Декларацией участники образовательной среды приняли на себя ответственность и обязанность следовать этическим правилам, изложенным в общих принципах гражданина и кодексах чести студента и преподавателя Университета управления «ТИСБИ».

Патриотическая работа с молодежью в Университете управления «ТИСБИ» ведется по следующим направлениям:

- а) историко-краеведческое (целевые беседы, посещение музеев и выставок народного творчества, уроки духовного общения, интеллектуальные игры, проведение викторин, олимпиад, конкурсов об истории и традициях российского государства);

- б) литературно-музыкальное (конкурс стихов, сочинений, конкурс военной и солдатской песни, концерт для ветеранов ВОВ и труда, театрализованное представление «Банки в годы войны», дебаты);

- в) физкультурно-оздоровительное (соревнования, походы, День здоровья, интеллектуальная игра «В здоровом теле – здоровый дух», студенческая игра «Зарница»);

г) семейное (День Матери, изучение родословной, конкурс «Наши корни»);

д) героико-мемориальное (проведение торжественных собраний, встречи с ветеранами, Уроки мужества, «Вахта памяти», поисковая деятельность, военно-исторический музей, презентация деятельности ВПО «Легион»).

Оплотом патриотической работы «ТИСБИ» является военно-патриотическая организация «Легион» – добровольческое объединение студентов.

Отряд «Легион» создан в 2009 г., и за эти годы его бойцы приобрели большой опыт участия и организации военно-патриотических мероприятий и поисковых работ. Поисковики военно-патриотической организации «Легион» Университета управления «ТИСБИ» награждены значимой ведомственной наградой – знаком отличия «За отличие в поисковом движении» III степени. Руководитель организации А.А. Александров за активную поисковую работу награжден в 2013 г. Почетным знаком РОСТОДОСААФ «За патриотизм», а в 2014-м – памятной медалью «Патриот России». ВПО «Легион» является призером и победителем конкурсов и фестивалей военно-патриотических клубов.

Деятельность отряда особо отмечают и на республиканском уровне – ВПО «Легион» является финалистом и победителем конкурса «Студент года» разных лет. В 2014 г. «Легион» признан победителем 10-й ежегодной студенческой премии Республики Татарстан «Студент года» в номинации «Студенческая общественная организация вуза».

На базе отряда создан военно-исторический мобильный музей Великой Отечественной войны из экспонатов, найденных в ходе поисковых работ на местах сражений. Стенды мобильного музея представляют собой переносные ящики из-под снарядов, в которых расположены экспонаты, найденные во время поисковых работ на местах сражений ВОВ. Кроме того, в мобильном музее представлены оружие образцов ВОВ, форма и обмундирование РККА. В 2015 г. музей занял 1-е место в Республиканском творческом конкурсе на лучшую экспозицию и 3-е место на Республиканском молодежном форуме «Наш Татарстан» [3].

В 2015 г. бойцы отряда принимали участие в 3-х поисковых экспедициях в Ленинградскую область и Республику Беларусь.

В 2016 г. (весной и летом) командир отряда «Легион» Александр Александров вместе со своими бойцами трудились недалеко от г. Выборг. Именно в этом районе было обнаружено место, куда в 1942 г. силами военнопленных и солдат финской армии свозили тела воинов Красной Армии, погибших в боях за город в марте 1940-го и августе 1941 гг. Такие меры были приняты в свое время финскими властями Выборга в санитарных целях, а также для высвобождения участков частных территорий и владений от воинских захоронений и незахороненных

останков. По предварительным оценкам в этой братской могиле должно находиться более тысячи красноармейцев, погибших в начале Великой Отечественной войны. За все время поисковых экспедиций бойцами студенческих поисковых отрядов Республики Татарстан была проведена поистине титаническая работа. Всего удалось поднять останки 434 погибших солдат. Найдено 7 медальонов (из них 2 прочитано) и 5 именных предметов, установлено 4 имени бойцов Красной Армии.

В течение года бойцы отряда проводят уроки мужества в учебных заведениях с демонстрацией экспозиции военно-исторического мобильного музея. Данная работа направлена на совершенствование патриотического воспитания детей и подростков через внедрение инновационных методов информационной, исследовательской и поисковой работы.

ВПО «Легион» поддерживает в порядке памятники и мемориалы воинской славы, расположенные на территории г. Казань. За 2014-2016 гг. бойцы отряда семь раз производили сверку с реестром захоронений, уборку и облагораживание захоронений. Памятные акции приобрели характер мемориального, знакового события для Университета.

В ходе архивной работы студентами производятся поиск информации о погибших, пропавших без вести, определение мест гибели и наградных документов с последующей передачей родственникам. Таким образом, молодые люди получают навыки сбора и оформления документальных материалов, исследования истории, вносят свой вклад в формирование подлинной исторической картины и повышение значимости заслуг нашей страны.

Военно-патриотической организацией «Легион» был разработан социальный проект «ПроПоиск», направленный на привлечение внимания молодежи к теме войны, к военно-патриотической и поисковой деятельности. Проект стал победителем Конкурса на предоставление субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям, в том числе молодежным и детским общественным объединениям, на проведение мероприятий по содействию патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации Министерства образования и науки РФ, а также вышел в финал Республиканской премии «Студент года-2016» в номинации «Проект года».

С октября по декабрь 2016 г. проект был реализован в школах семи регионов РФ: в Республике Татарстан, Республике Чувашия, Республике Марий Эл, Удмуртской Республике, Самарской, Нижегородской и Ульяновской областях. Бойцы поискового отряда представляют документальные фильмы об экспедициях по местам боев Великой Отечественной войны, литературно-музыкальные композиции. В рамках проекта разработан видеокурс, обучающий ведению поисковой документации, правильному поиску информации о погибших и без вести

пропавших в федеральных базах данных, оформлению результатов поисковой деятельности и многому другому.

Реставрируя наше прошлое, восстанавливая корни, возрождаются утраченные традиции, а история Отечества, ее герои всегда были главными в воспитании патриотических чувств молодежи.

ВПО «Легион» является активным участником республиканских и городских мероприятий. Бойцы отряда выступают в качестве ведущих на открытии республиканской Вахты Памяти, участвуют в акции «Марш Памяти» на территории районов Татарстана, в акции «Свеча Памяти» (22 июня), в сменах военно-патриотического лагеря «Десантник», Республиканском открытом Фестивале поисковых отрядов «Чайка». Ребята добиваются высоких результатов в спортивных, интеллектуальных и творческих конкурсах, демонстрируя своим сверстникам прекрасный пример всесторонне развитого человека – сильного телом и духом.

В условиях попыток искажения исторических фактов и принижения заслуг нашей Родины необходимо восстанавливать правдивое видение истории Отечества и укреплять чувство сопричастности к великому прошлому и культуре России. В целях противодействия использованию в своих интересах потребности молодежи в самореализации и общении с различными сектами, экстремистскими и преступными группами особенно важно владеть современными приемами и методами донесения информации, которые, в конечном счете, помогут выиграть «тендер» в борьбе за умы, сознание и души молодого поколения. Патриотизм как фактор формирует в личности студента социально значимую направленность, помогает четко определить жизненную ориентацию, способствуя формированию личности успешного человека с сохранением нравственных ценностей.

Литература:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537).
2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493.
3. Официальный сайт УВО «Университет управления «ТИСБИ»: www.tisbi.ru [дата обращения: 20.01.2017].

References:

1. The Russian Federation national security strategy up to year 2020 (approved by Presidential Decree dated 12.05.2009, № 537).
2. The state program «Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2016-2020», approved by the Russian Government dated 30 December 2015 № 1493.
3. The official website of the University of Management «TISBI»: www.tisbi.ru [reference date 01/20/2017].

УДК 616.314-082: 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОДОНТОФОБИИ И СПОСОБЫ ЕЕ КОРРЕКЦИИ

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF DEVELOPMENT OF ODONTOPHOBIA AND WAYS OF ITS CORRECTION

ГОРЯЧЕВ Д.Н., канд. мед. наук, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

БАДЕРТДИНОВ И.И., студент, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

E-mail: ibragim.ksmu@ya.ru

ГОРЯЧЕВ Н.А., канд. мед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

Тел.: 8(917)269-21-06

GORYACHEV D., PhD, Kazan State Medical University, the Ministry of Health of Russia

BADERTDINOV I., student, Kazan State Medical University, the Ministry of Health of Russia

E-mail: ibragim.ksmu@ya.ru

GORYACHEV N., PhD, Associate Professor, Kazan State Medical University, the Ministry of Health of Russia

Tel.: 8(917)269-21-06

Аннотация

В статье анализируются психологические факторы развития страха перед стоматологическими манипуляциями. Выделены основные группы причин его возникновения и механизмы развития. Рассмотрены методики диагностики психоэмоционального состояния пациентов. Описаны методы борьбы с одонтофобией и способы ее предотвращения.

Ключевые слова: одонтофобия, стоматологические услуги, психология в стоматологии.

Abstract

The article analyzes the causes of fear of dental manipulation. The main groups of causes of odontophobia, mechanisms of its development are identified. Methods for diagnosing the psycho-emotional state of patients are considered. Methods of combating odontophobia and ways to prevent it are described.

Key words: odontophobia, dental services, psychology in dentistry.

Проблема взаимоотношений врача-стоматолога и пациента всегда оставалась достаточно сложной и актуальной. В некоторых ситуациях страх пациента перед стоматологическими манипуляциями может помешать врачу оказать необходимую стоматологическую помощь в полном

объеме. Повышенный уровень тревожности и психоэмоционального напряжения понижает порог болевой чувствительности и может сформировать негативное отношение к врачу-стоматологу, что отрицательно скажется на результате предстоящего лечения [8]. Поэтому понимание причин и механизмов развития одонтофобии, знание принципов ее диагностики и лечения является необходимым инструментом практикующего врача-стоматолога.

Одонтофобия (стоматофобия) – это страх перед стоматологическими манипуляциями. Она довольно часто встречается у людей, независимо от пола или возраста. Одонтофобия обычно связана с другими фобиями, например: страхом перед инъекционной иглой (трипантофобия), страхом перед врачами (ятрофобия), страхом перед больницами, белыми халатами и т.д.). Следует понимать, что степень выраженности одонтофобии может различаться, поэтому и неудобства, которые она доставляет, также будут разнообразными. Если в одном случае пациент испытывает легкую тревогу, которая не сказывается на процессе стоматологического лечения, то в другом одонтофобия может стать причиной развития панических атак. В таких случаях необходим комплексный подход к решению данной проблемы с применением медикаментозной или психологической коррекции.

Причиной одонтофобии, которая бывает исключительно приобретенной, является негативный опыт пациента, который был связан с посещением им врача-стоматолога в прошлом. Стоматологическое лечение часто включает в себя болезненные процедуры, так же, как и работа в корневых каналах, препарирование кариозных полостей, экстракция зубов и т.д. Боль служит начальным этапом развития страха перед стоматологическими манипуляциями. В дальнейшем она начинает ассоциироваться с любыми другими стоматологическими вмешательствами, даже с теми, которые не являются болезненными или проводятся под обезболиванием.

Первое посещение врача-стоматолога, которое обычно происходит еще в детстве, независимо от возраста пациента или его психотипа, всегда связано с яркими переживаниями, а страх перед неизвестным, ожидание боли еще сильнее усиливают психоэмоциональное напряжение. Даже незначительная боль при любых стоматологических манипуляциях в данных условиях запускает цепь гормональных, нервных и метаболических изменений, поэтому первый стоматологический прием часто является сильным стрессом для пациента [7].

Чувствительность пациента к боли и выраженность психоэмоциональных реакций зависят от главенствующих в данный момент факторов мотивации и эмоций. Например, положительные эмоции, снижают общее ощущение боли, а противоположные чувства страха, тревоги усиливают восприятие боли, поэтому психоэмоциональный статус па-

циента на момент стоматологического лечения играет важную роль как в развитии болевого синдрома, так и в формировании одонтофобии [6].

Для человека со сформированной одонтофобией на последующих приемах у врача-стоматолога достаточно наличия небольшого стимула, чтобы его уровень тревожности резко повысился. Этим стимулом может стать любая составляющая стоматологического приема: запахи медикаментов, звуки бормашины или яркий свет стоматологической лампы.

Чувство беспомощности, отсутствие контроля над текущей ситуацией вызывают у пациентов в кресле врача-стоматолога чувство страха перед стоматологическими манипуляциями.

Несмотря на то, что основная причина развития одонтофобии – негативный опыт, связанный с предыдущим лечением у врача-стоматолога, можно выделить следующие причины возникновения страха перед стоматологическими манипуляциями:

- Травматический опыт при посещении врача-стоматолога в прошлом или в детстве.
- Боязнь осуждения из-за плохой гигиены полости рта.
- Боязнь боли, связанной со стоматологическим лечением родителей или близких, которые также боялись врачей-стоматологов, а затем внушали страх детям, описывая свой негативный опыт.
- Ощущение беспомощности или отсутствия контроля над ситуацией при посещении врача-стоматолога.

В ожидании стоматологического приема у некоторых пациентов наблюдаются те или иные психоэмоциональные реакции. Обычно они обратимы и характеризуют выраженность психоэмоционального стресса. Каждая эмоциональная реакция имеет ту или иную степень развития, что в совокупности определяет психологический статус пациента. Для определения выраженности психоэмоциональных реакций, представления их структуры с целью прогнозирования возможных психовегетативных осложнений предложен метод экспресс-оценки психоэмоционального состояния пациентов перед стоматологическим вмешательством под названием «Шкала клиническая стоматологическая» (ШКС) [9].

Оценка психоэмоционального состояния пациента с использованием данного метода производится субъективно на основе клинического наблюдения и представления его результатов цифровыми значениями в виде шкалы, где по горизонтали отмечены основные типы психоэмоциональных реакций, определяющих соответствующее данному моменту состояние пациента [10].

Одонтофобия может проявляться целым рядом физических и психических симптомов: чувство тревоги и страха, обильное потоотделение, сухость во рту, тремор, чувство тошноты, обморок, изменение гемодинамических показателей, частоты дыхания, уровня сахара в крови, обострение сопутствующих общесоматических заболеваний [1].

Одонтофобия может принять вид полномасштабной панической атаки, когда во время лечения пациент ведет себя неадекватно, стремится убежать, спрятаться и т.д.

Отказ от посещения пациентом врача-стоматолога является одной из наиболее распространенных ситуаций, которая может привести к различным осложнениям из-за длительного отсутствия контроля за состоянием полости рта врачом-стоматологом. Часто из-за этого пациенты приходят уже с осложненными стоматологическими заболеваниями, что подразумевает более сложное лечение и высокую стоимость [3].

Для проведения психологической защиты пациента от развития у него одонтофобии врачу-стоматологу в первую очередь необходимо установить с ним доверительные отношения. Этому способствуют поведение и речь врача-стоматолога, которые снимают накопившееся эмоциональное напряжение, оказывают положительное влияние на пациента. Тактику психологической профилактики одонтофобии следует подбирать в зависимости от психосоматического статуса пациента, определяющегося возрастом, темпераментом, личностными качествами, особенностями поведения и настроением [5]. Создать комфортную обстановку для стоматологического лечения помогает простая доверительная беседа с пациентом, которая снимает психоэмоциональное напряжение и настраивает пациента на позитивный лад. Вопросы, которые врач-стоматолог задает во время беседы, показывают его заинтересованность личностью пациента, а это, в свою очередь, повышает уровень доверия к нему. Каждый врач-стоматолог в той или иной мере является психологом. Поэтому оценку психоэмоционального состояния и коррекцию поведения пациента он часто проводит на бессознательном, интуитивном уровне [3].

Основными методами психологической защиты от одонтофобии, которые целесообразно применять на стоматологическом приеме, являются рациональная психотерапия, суггестивная психотерапия, когнитивная психотерапия, условно-рефлекторная психотерапия, методики психологической релаксации и аутогенной тренировки [4].

В заключение следует отметить, что грамотно проведенная профилактика развития одонтофобии, которая включает оценку психоэмоционального состояния, налаживание доверительного контакта, использование методов малой психотерапии, снижает психоэмоциональную нагрузку пациентов во время лечения, что способствует повышению качества оказываемых стоматологических услуг.

Литература:

1. Анисимова Е.Н. Психологический способ коррекции страха и тревоги перед стоматологическими вмешательствами / Анисимова Е.Н., Гасанова З.М., Молчанов А.С., Рязанцев Н.А. // Эндодонтия Today. – 2012. – № 1. – С. 31-35.

2. Бадертдинов И.И. Психологическая защита пациента в стоматологической практике / Бадертдинов И.И., Горячев Н.А., Горячев Д.Н. // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – 2016. – № 3 (5). – С. 21-23.

3. Бойко В.В. Распознавание и преодоление страха на стоматологическом приеме // Институт стоматологии. – 2002. – № 1. – С. 15-23.

4. Горячев Н.А. Психологические аспекты стоматологической практики: Метод. пос. для врачей-стоматологов / Н.А. Горячев, Д.Н. Горячев, И.И. Бадертдинов. – Казань: Медицина, 2015. – 48 с.

5. Казакова Л.Н. Комплексная система мер профилактики острого стресса у детей на стоматологическом приеме: В сб. Military and political sciences in the context of social progress // Problems and ways of modern public health development, 2011. – P. 116-118.

6. Лепелин А.В. Психоэмоциональное напряжение как основа дентофобии и причина развития страха // Стоматология детского возраста и профилактика. – 2004. – № 3. – С. 18-25.

7. Молофеева В.А. Дентофобия: почему дети боятся стоматолога? // Проблемы стоматологии. – 2013. – № 3. – С. 63-66.

8. Черкасов С.М. Взаимоотношения производителей и потребителей стоматологических услуг / С.М. Черкасов, С.А. Галеса, В.Г. Дьяченко // Дальневост. мед. ж-л. – 2013. – № 1. – С. 137-141.

9. Шевцова Ю.В. Профессиональный стресс врача и медицинский стресс пациента // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 7. – С. 124-130.

10. Шувалов С.М. Психологическая подготовка и контроль тревожности у пациентов на стоматологическом приеме / Шувалов С.М., Малаховская А.А. // Вестник стоматологии. – 2013. – № 1 (82). – С. 143-147.

References:

1. Anisimova E. Psychological way of correction of fear and anxiety before dental manipulations // Endodontics Today. – 2012. – № 1. – P. 31-35.

2. Badertdinov I. Psychological protection of a patient at the dentist's. / Badertdinov I., Goryachev N., Goryachev D. // Modern problems of social science and humanities. – 2016. – № 3 (5). – P. 21-23.

3. Boyko V. Recognition and overcoming of fear at the dentist's // The Institute of Stomatology. – 2002. – № 1. – P. 15-23.

4. Goryachev N. Psychological aspects of dental practice: Manual for dentists / N.Goryachev, D.Goryachev, I.Badertdinov. – Kazan: Medicine, 2015. – 48 p.

5. Kazakova L. Complex system of measures for the prevention of acute stress in children at a dentist's room. Military and political sciences in the context of social progress // Problems and ways of modern public health development. – 2011. – P. 116-118.

6. Lepelin A. Psycho-emotional stress as the basis of dentophobia and the cause of the development of fear // Dentistry of Childhood and Prevention. – 2004. – № 3. – P. 18-25.

7. Molofeeva V. Dentobobia: why do children fear dentists? // Problems of dentistry. – 2013. – № 3. – P. 63-66.

8. Cherkasov S. The relationship between manufacturers and consumers of dental services / S.Cherkasov, S.Galesa, V.Dyachenko // Far-Eastern Medical Journal. – 2013. – № 1. – P. 137-141.

9. Shevtsova Ya. The professional stress of a doctor and the medical stress of a patient // Current trends in the development of science and technology. – 2016. – № 7. – P. 124-130.

10. Shuvalov S. Psychological preparation and control of anxiety in patients at a dentist's / Shuvalov S., Malakhovskaya A. // Dentistry Bulletin. – 2013. – № 1 (82). – P. 143-147.

УДК 330.357.2

**ПРИМЕНЕНИЕ ФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ И РАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ
В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННОГО ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА****THE APPLICATION OF FUTURISTIC AND RATIONAL FORECASTS
IN CONDITIONS OF CONSTANT CHANGES OF SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF A SOCIETY**

ВАХИТОВ Д.Р., д-р экон. наук, зав. кафедрой экономики Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия, профессор
Казанского кооперативного института
E-mail: vahitov1972@gmail.com

VAKHITOV D., Doctor of Economic Science, Head of the Department of
Economics, Russian State University of Justice, Kazan branch, Professor,
Kazan Cooperative Institute
E-mail: vahitov1972@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена вопросам эффективности и реалистичности прогнозов в условиях постоянных изменений внешних условий, а также турбулентности социально-экономических отношений. Автор рассмотрел два вида прогнозов – футурологические, построенные на мнении экспертов и использующие моральную оценку рассматриваемой проблемы, и рациональные, базирующиеся на результатах предыдущих исследований с обязательным применением математического аппарата. При выработке комплексной стратегии развития общества необходимо грамотное сочетание элементов обоих видов прогнозов.

Ключевые слова: Парижское соглашение, футурологические прогнозы, рациональные прогнозы, комплексная стратегия развития общества.

Abstract

The article is devoted to the issues of the efficiency and realism of forecasts in conditions of external changes, as well as the turbulence of socio-economic relations. The author considered two types of forecasts – futurological, built on the opinion of experts and using a moral assessment of the problem in question, and rational, based on the results of previous studies with the mandatory application of the mathematical apparatus. In developing a comprehensive strategy for the development of society, a competent combination of elements of both types of forecasts is necessary.

Key words: Paris Convention, futurological forecasts, rational predictions, integrated strategy the society development.

Бурное развитие технологий одновременно во многих отраслях производства и обращения, сопровождаемое информационной революцией, вызвало большой интерес, граничащий с опасениями относительно возможного будущего и технологий, и мировой экономики, и человечества в целом. Как и в прошлые периоды развития человеческой цивилизации нет недостатка в различного рода прогнозах, футурологических концепциях, в большинстве своем отражающих негативный сценарий развития ситуации. Но если в прошлые века такого рода прогнозы опирались на научную основу и черпали информацию из священных книг, то XXI в. присуща научная картина происходящего, которая опирается на те или иные теории с цитатами известных ученых.

Современные ученые в большинстве своем получили узкоспециализированное образование, хорошо разбираются в своей области знаний, однако порой совсем не владеют информацией о тенденциях развития в сопряженных разделах науки или же опираются на популярную литературу, информацию из Интернет-источников, порой ошибочную. Опираясь на такую информацию, делаются громкие, но ошибочные прогнозы, которые заставляют сомневаться в компетенции футурологов. В ряде случаев вмешиваются политики, и ученые, которые должны быть беспристрастны, чтобы выявить научную истину, иногда идут на поводу политиков или бизнесменов, заинтересованных в определенной (выгодной для них) интерпретации событий. Примером может служить широко обсуждаемая и освещаемая в СМИ проблема «глобального потепления». Антропогенный характер такого потепления считается априори доказанным, так что ученые, которые хотя бы пытаются оспорить эту трактовку или обращающие внимание на другие факторы (изменение солнечной активности, извержение вулканов), не приглашаются на конференции, их статьи не публикуются, у них не берут интервью журналы. Зато в антропогенном факторе заинтересованы крупные корпорации (в первую очередь из западноевропейских стран), выпускающие ресурсосберегающую технику, предлагающие «зеленые» технологии. Таким образом, во главу угла ставится прибыль конкретных производителей, а не будущее всего человечества. Результатом такой массовой пропаганды стало подписание в 2016 г. Парижского соглашения, которое обязывает страны-участницы сократить выбросы промышленных предприятий, транспорта, аграрных производств в атмосферу, в воду и почву. Выполнение этих требований означает, например, для России закрытие десятков предприятий, замену энергетического комплекса (с «загрязняющего» на «экологически чистый»). Благодаря Парижскому соглашению одни страны (развитые) смогут заработать от продажи необходимых технологий, а других ожидают рост безработицы, замедление темпов экономического роста. Разрыв в уровне и качестве жизни

между развитыми и развивающимися странами не только не уменьшится, но и возрастет. По факту Парижское соглашение выступает в качестве инструмента конкурентной борьбы, позволяющего одним странам доминировать над другими.

Бывший вице-президент США Альберт Гор, возглавивший агитационную работу и снявший документальный фильм с апокалиптическими прогнозами, даже получил Нобелевскую премию мира, хотя спустя 10 лет эти прогнозы, громко озвученные политическим деятелем, в большинстве своем не сбылись. Соединенные Штаты, будучи одними из активнейших инициаторов Парижского соглашения, уже в 2017 г. объявили о своем выходе из него, обосновывая это национальными экономическими интересами. Действенность таких международных соглашений вызывает большое сомнение, если крупнейшая экономика мира в них не участвует (цели предыдущего Киотского соглашения, в котором США также не участвовали, не были достигнуты). Можно ли верить высказываниям Альберта Гора, если его предыдущие прогнозы не сбылись? На наш взгляд, такая безответственность в высказываниях и позициях отдельных личностей, к тому же не являющихся учеными, отрицательно сказывается на доверии общества к науке в целом, к концепциям и предложениям настоящих академических ученых, которые избегают голословных утверждений, а опираются на серьезные научные изыскания. Например, в настоящее время в Республике Саха-Якутия под руководством Сергея Зимова, начальника Северо-Восточной научной станции РАН, старшего научного сотрудника Тихоокеанского института географии ДВО РАН, идет создание нового плейстоценового парка, благодаря которому можно будет не только замедлить процесс таяния вечной мерзлоты, но и повернуть его вспять [9]. Такой проект, в отличие от Парижского соглашения, может действительно помочь человечеству, но не сулит прибылей корпорациям, поэтому практически игнорируется на международном уровне. Если же принять во внимание мнения другой группы ученых, утверждающих обратное: нас ожидает не потепление, а похолодание [7], то можно сделать вывод о том, что нынешние меры ошибочные, а человечество движется в неправильном направлении. Такие ошибки в прогнозах, влекущие за собой перестройку всего механизма мировой экономики, могут не только обернуться финансовыми и материальными потерями для стран и континентов, но и регрессом всего человечества.

Приведенный пример иллюстрирует тот факт, что в условиях информационного цунами, захлестывающего современного человека, очень трудно разобраться и понять, какая информация правдивая, а какая – ошибочная. Причем если в ретроспективном периоде возможно проверить ее, то в отношении перспектив развития отдельного субъекта экономики или цивилизации в целом приходится или доверять мнению

футуролога, или пытаться провести самостоятельный анализ. Понимание структуры или классификации прогнозов позволит, с нашей точки зрения, избежать ошибок при принятии решений. На наш взгляд, все прогнозы условно можно разделить на две группы: футурологические и рациональные.

Первая группа прогнозов имеет давнюю историю, уходящую в глубь веков, опираясь на тысячелетний опыт человеческого общества. Чтобы делать такие прогнозы, совсем не обязательно быть ученым, достаточно иметь навыки ораторского искусства и уметь делать выводы. Поэтому таким способом пользовались и известные исторические личности, включая религиозных деятелей, и многочисленные авантюристы, использующие такого рода прогнозы-предупреждения для достижения личных целей. Футурологические прогнозы строятся по одной схеме: критический анализ предыдущей истории человечества с акцентом на отрицательные, негативные моменты, а затем формулировка вывода о неизбежном крахе человечества, если не будет предпринято неотложных мер и действий. Разбирая отрицательные моменты, футурологические прогнозисты могут концентрировать внимание на отдельных духовных, политических, экономических, экологических или других проблемах, при этом игнорируя факты, противоречащие последовательного ухудшения условий жизни человечества, падения нравов. Например, в историографии закрепился термин «темные века», охватывающий период с краха Западной Римской империи (середина V в.) до начала 2-го тысячелетия, то есть примерно 6 веков. Термин появился в трудах европейских ученых и по-прежнему остается популярным, дополняясь другим термином – Ренессанс или Возрождение, которое последовало после «падения» человечества. Однако такие историки под человеческой цивилизацией понимают исключительно европейскую, игнорируя и эпоху династии Тан в Китае, и рассвет исламской цивилизации, давшие миру великолепные технические новации, научные достижения, экономические инструменты (появление бумажных денег), шедевры поэзии и прозы. На основе таких ошибочных теорий затем делаются и другие выводы о том, что только западная цивилизация идет правильным путем, а все остальные страны и народы должны перенимать «западные» ценности и опыт, если хотят добиться успеха. Используя такие «теории» в качестве идеологического обоснования, уже в XXI веке успешно реализуется неокOLONиальная политика, позволяющая странам-доминантам извлекать выгоду из выстроенной иерархии государств путем эксплуатации трудовых ресурсов стран-доноров, потребляя природные богатства развивающихся стран [1]. Таким образом, прогноз не является безобидным предположением, сделанным ученым, или предупреждением, сформулированным неравнодушными гражда-

нами, а может стать инструментом проведения современной политики, достижения успеха в международной конкурентной борьбе.

Если проанализировать известные дошедшие до нас футурологические прогнозы или обратиться к современным прогнозистам, в коих недостатка не наблюдается, то можно отметить общую черту. Она объединяет большинство рекомендаций по выходу из многочисленных кризисов в самых разных отраслях экономики и жизнедеятельности и даже для избегания краха человеческой цивилизации. Вкратце их можно свести к набору императивных положений, которые содержатся в текстах священных писаний мировых религий: соблюдать нравственные законы, бережно относиться к окружающей среде, избегать войн и конфликтов, с уважением относиться к другим людям и т.д. Причем достигается беспроязычный вариант такого прогноза: если не выполнять вышеприведенные положения, то человечество не ждет ничего хорошего, о чем прогнозист и предупреждал. Однако добиться того, чтобы все общество, а не отдельные его члены, исполняло безукоризненно все положения-заповеди, не смогло еще ни одно религиозное общество (если брать уровень хотя бы одного государства). Логично, что современные футурологи-прогнозисты в качестве обоснования собственных прогнозов используют прогнозы предыдущих лет, а также статистику, подтверждающую их выводы о непрекращающейся деградации человечества. Особенно ярко это проявляется в тех областях человеческой жизнедеятельности, где математический аппарат применить или сложно, или невозможно (например, популярна сентенция о «падении нравов» человечества, согласно которой раньше люди были более духовно богаты, лучше относились друг к другу, а нынешняя нравственность не оставляет шансов на благополучное для общества развитие событий). Однако измерить «степень» такого нравственного воспитания, а также составить шкалу нравов с использованием беспристрастных, независимых критериев оценки невозможно, поскольку и сами нравы меняются, и интерпретация их у разных народов, в разных регионах мира, в разные периоды времени отличается друг от друга.

Справедливости ради отметим, что существуют и обратные примеры, когда футурологические прогнозы строятся только на позитивном опыте, опять-таки не замечая тех фактов, которые не коррелируются с заранее сформулированной гипотезой. Такие прогнозы характерны, прежде всего, для ученых из преуспевающих, развитых стран, которые на протяжении десятилетий наблюдали рост уровня и качества жизни сограждан, усиление конкурентных позиций своих стран, что позволяет, например, некоторым прогнозистам делать оптимистические выводы об успешном преодолении и будущих экономических кризисов, коли человечество справлялось с ними ранее. Возьмем в качестве примера сферу финансовых отношений, где странам-должникам присваивают

рейтинг, и США, начиная с 40-х годов XX века, традиционно его возглавляют. Несмотря на то, что размер государственного долга Соединенных Штатов превысил их собственный ВВП [4], многочисленные эксперты не сомневаются в надежной защите инвестиций в американскую экономику. В качестве аргумента приводится отсутствие дефолтов у этой страны в прошлом. Однако беспристрастный анализ как раз и свидетельствует, что дальнейшее увеличение займов приведет к невозможности их возврата, поскольку финансовых средств будет взять неоткуда. Примеров стран, прошедших через этот сценарий, множество на всех континентах.

Советские ученые еще в 80-х годах тоже делали оптимистические прогнозы в отношении освоения космоса, энергетики, других областей науки, не предполагая, что уже в начале 90-х годов страна перестанет существовать, а научные исследования будут заморожены или даже прекращены из-за недостатка финансирования.

Таким образом, как пессимистические, так и оптимистические прогнозы играют свою роль в напоминании человечеству о проблемах, требующих первостепенного внимания, целей, на которые целесообразно сконцентрировать усилия, однако с точки зрения научной базы фактологические обоснования требуют серьезной доработки. Футурологическим прогнозам противопоставляются рациональные, использующие в качестве основы научные изыскания, определенные алгоритмы расчета. В рациональном прогнозе не дается моральная оценка происходящего, а делается попытка выявить причины сложившейся ситуации, факторы, оказывающие влияние на изучаемую тенденцию. На основе выявленных причин и факторов разрабатывается стратегия поведения в будущем, реагирования на внешние и внутренние условия системы. Рациональные прогнозы настолько прочно вошли в современную жизнь, что уже нельзя представить принятия каких-либо программ развития на уровне субъекта экономики (отдельного индивида, предприятия или государства) без составления предварительного прогноза. В связи с этим рациональным прогнозированием занимаются и отдельные ученые, и специализированные институты и университеты, и государственные организации, в том числе и разведывательные службы (ЦРУ), и международные организации (ООН, ЮНЕСКО, МВФ и др.). В поле их зрения попадают практически все сферы жизнедеятельности человечества: экономика, научно-технический прогресс, климат, даже тенденции изменения языков. Общим элементом для разных рациональных прогнозов является опора на математический аппарат, методы научного познания, разработанные и апробированные ранее, а также анализ результатов прогнозов за предшествующие периоды. Например, в упомянутой выше проблеме изменения климата помимо изучения и компилирования разных теоретических концепций проведено огромное количество научных экспериментов в различных регионах мира с целью

выявления угроз для жителей планеты, мировой экономики, биоценоза, атмосферы. Согласно прогнозу, составленному пограничной службой США, только в штате Флорида к концу XXI века до 6 млн. человек могут лишиться жилья из-за повышения уровня Мирового океана [5]. Причем это негативно скажется не только на жителях городов, на сельскохозяйственных угодьях, но и на продуктивности рыбных промыслов: повышение температуры воды отрицательно влияет на весь биоценоз Мирового океана. Уже к середине нынешнего века человечество может сократить в два раза вылов рыбы по причине исчерпания рыбных запасов [6], при этом уже сейчас проблема голода стоит очень остро (более миллиарда человек на планете голодает), а с учетом роста численности населения кризисные явления могут распространиться и на внешне благополучные регионы. Приведенные прогнозы составлены с использованием системы больших данных (Big Data), а также результатов сканирования территории планеты спутниками НАСА. Кроме того, авторы исследований продолжили расчеты других ученых, занимавшихся этой проблемой в 80-х и 90-х годах, поэтому опирались не на умозрительные концепции, характерные для прогнозистов-футурологов, а на реальные факты, на прогнозы, которые подтвердились, доказав правильность выводов исследователей.

Однако и у рационального подхода имеются недостатки, которые не позволяют полностью доверять данному методу. Метод рационального прогнозирования построен на экстраполяции существующих тенденций и предполагает, что в рассматриваемой области знаний ранее выявленный тренд будет продолжаться. Однако даже в отношении физических величин возможно влияние такого количества факторов, что делать выводы, например, о продолжительности жизни звездного образования (планеты, астероида) также невозможно со стопроцентной точностью. На них могут оказать влияние события, которые существующими научными средствами выявить пока невозможно: вспышка сверхновой или появление «черной дыры» могут уничтожить целые звездные системы. Если же рассуждать о такой области, как экономика, то успешные прогнозы встречаются гораздо реже, чем неудачные. Например, многочисленные стратегии развития России (Стратегия-2010, Стратегия-2020 и др.) не были выполнены в полной мере, а цифровое расхождение составило значительные величины [2, с. 111], одной из причин чего явился субъективный фактор.

Прогнозов в отношении отдельного субъекта на основе рационального метода, которые затем подтверждаются на практике, достаточно много, но чтобы экстраполировать данные на социум в целом, необходим набор знаний о его эволюции, которым в настоящее время научное сообщество не обладает. Тем не менее, прогнозы, даже неудачные, играют положительную роль в публичном обсуждении проблем чело-

вечества, в поиске путей выхода из кризисных ситуаций в различных областях жизнедеятельности. Поэтому именно рациональные прогнозы должны находиться в основе стратегии развития человечества, а футурологические прогнозы позволяют дать необходимую моральную оценку принимаемых решений.

Литература:

1. Вахитов Д.Р. Неоколониальная политика ведущих стран мира в условиях глобализации мировой экономики // Современные исследования основных направлений гуманитарных и естественных наук: Материалы Междунар. научно-практич. конф. 2 марта 2017 г. Секция: «Современные тенденции и перспективы развития бухгалтерского учета и финансов». – Казань: Изд-во «Печать-сервис XXI век», 2017 (электронное изд.).
2. Вахитов Д.Р. Перспективы реиндустриализации экономики РФ в условиях глобализации и нестабильности мировой экономической системы // Вестник «ТИСБИ». – 2016. – № 2. – С. 61-71; № 3. – С. 104-130.
3. Виндж В. Технологическая сингулярность. – www.computerra.ru/think/35636/
4. www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2079rank.html
5. www.coast.noaa.gov/czm/
6. www.ngov/nex/projects/1356/ex.nasa
7. www.mir24.tv/news/15729314
8. www.philocv.files.wordpress.com/2013/02/finisevolutionphilocv-wordpress.pdf
9. www.poisknews.ru/theme/science/22128/

References:

1. Vakhitov D. Neocolonial policy of the world leading countries in the context of the globalization of the world economy // Modern research of the main directions in humanities and natural sciences: materials of the International scientific and practical conference, March 2, 2017. Section: «Modern trends and prospects for the development of accounting and finance». – Kazan: Publishing House «Printing Service XXI Century», 2017 (electronic edition).
2. Vakhitov D. Prospects for the re-industrialization of the Russian economy in the context of globalization and the instability of the world economic system // Bulletin of «TISBI». – 2016. – № 2. – P. 61-71; № 3. – P. 104-130.
3. Vinge V. Technological singularity. – www.computerra.ru/think/35636/
4. www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2079rank.html
5. www.coast.noaa.gov/czm/
6. www.ngov/nex/projects/1356/ex.nasa
7. www.mir24.tv/news/15729314
8. www.philocv.files.wordpress.com/2013/02/finisevolutionphilocv-wordpress.pdf
9. www.poisknews.ru/theme/science/22128/

**ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ
СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**THE PROBLEMS OF METHODOLOGY
OF MODERN NATIONAL ECONOMIC SCIENCE**

БЛАГИХ И.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры истории экономики и экономической мысли экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Тел.: +7(921)551-21-82
E-mail: ivan-blagikh@yandex.ru

BLAGIKH I., Doctor of Economics, Professor, History of Economics and Economic Thought Chair, the Faculty of Economics, St. Petersburg State University
Tel.: +7 (921)551-21-82
E-mail: ivan-blagikh@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен краткий обзор основных методологических течений, которые находились и продолжают находиться в поле зрения методологии современной отечественной экономической науки. Автор не ставил перед собой целью в краткой статье осветить все накопившиеся проблемы методологических оснований российской школы экономической мысли. Отдельные сюжеты, рассмотренные в статье, послужили лишь ориентирами выявления авторского видения перспектив развития самостоятельного осмысления целей и задач экономической методологии и ее роли в экономической теории.

Ключевые слова: научное познание, методология, методы познания, позитивизм, политическая экономия, марксизм, неоклассическая школа, прагматизм.

Abstract

The article presents a brief overview of the main methodological trends that were and continue to be in the field of view of the methodology of modern national economic science. The author did not set out to cover all the problems of the methodological basis of the Russian school of economic thought in the short article. Some subjects discussed in the article served only as reference points to identify the author's vision of the prospects for the development of an independent understanding of goals and objectives of economic methodology and its role in economic theory.

Key words: scientific knowledge, methodology, methods of obtaining knowledge, positivism, political economy, Marxism, neoclassical school, pragmatism.

Применяемая в современной экономической науке методология эклектична. Данное обстоятельство осложняет экономистам понимание друг друга. В особенности это касается российских экономистов,

отказавшихся от «марксистского» диалектико-материалистического подхода, а вместе с ним и от метода политической экономии, но не овладевших в полной мере методологическим аппаратом позитивизма и прагматизма, которые задают исследовательский вектор эмпиризма и практицизма у западных коллег.

Проблема усложняется тем, что в современной России пытаются не только по линии торгово-бухгалтерских стандартов, но и в образовании, в науке, в массовом сознании перейти на западные стандарты. При этом используется старый фокус с подменой понятий. Чтобы не употреблять в экономической науке термин «стандарты», что явно указывает на несамостоятельность мышления ученого, исследующего, например, процессы, происходящие в мировой или национальной экономике, исследовательскую программу связывают с термином «парадигма», полагая, что она, как философский камень, способна превратить если не свинец в золото, то нечто субъективное в объективное. По умолчанию упускается из виду, что парадигма сама по себе представляет определенный устойчивый набор тех или иных стандартов (или мировоззренческих идеалов) научности. Стандарты, а, следовательно, и парадигма, формируются субъективным образом, это продукт определенной идеологии [1]. Даже наиболее часто употребляемое в западной науке определение парадигмы как «норм и образцов научного мышления, приобретающего в данном научном сообществе характер традиции, определенных научных шаблонов мышления, в рамках которых решаются разнообразные исследовательские задачи» [2], показывает, что парадигма не обладает свойством «нейтральности». Как она проявляется в условиях так называемого методологического плюрализма?

При выборе той или иной исследовательской программы дело представляется так, как будто бы мировоззренческие идеалы оказывают определяющее влияние на выбор экономистом той или иной методологии. Кажется, что если экономист-исследователь разделяет позиции социально-ориентированного хозяйства, ему не чужды социалистические идеалы, то он, очевидно, сделает выбор в пользу марксистской или, в крайнем случае, институционалистской методологии; экономист с либеральным типом мышления, скорее всего, предпочтет неоклассику или монетаризм, или еще что-то, ограничивающее понятие экономики торговлей и ростовщичеством. Естественно, что такой взгляд на процедуру исследовательского выбора и схему человеческого поведения в целом значительно упрощает картину мира. Однако при этом выполняется главная постановочная задача – уход от реальности, поскольку вуалируется роль господствующих идеологических стереотипов в формировании того или иного типа экономической методологии, а, следовательно, формируется «правильное», «научное» с точки зрения режиссера-постановщика мировоззрение. Какое оно – марксистское,

анархистское или суперрыночное, это уже не суть важно, поскольку уйдя в виртуальную реальность, оно находится в безопасной колее.

Методологический плюрализм, который по представлениям господствующих в отечественной экономической науке экономистов возник в мире с распадом СССР, – иллюзия, поскольку если бы он существовал в реальности, российские экономисты общались бы со своими западными коллегами как слепой с глухим или, по крайней мере, так, как это было в период идеологической борьбы и вооруженно-экономического противостояния двух мировых систем – капитализма и социализма. С 1991 г. в отечественной экономической науке существовало методологическое единство – порождение однополярного мира. В настоящее время вместе с зарождением нового многополярного мира наступает, по мнению автора, эра плюрализма методологий. Российской экономической науке необходимо определиться со своей методологией, которая в наибольшей степени приблизит российскую экономическую науку к российской реальности и к реальности политического и экономического положения России в современном мире [3].

Следуя данной установке, в статье рассматриваются экономическая методология не только как самостоятельное направление экономических исследований, но и как определенный тип мировоззрения, как идеология.

Экономическая методология как метатеоретический уровень экономического познания

Понятие «методология» употребляется в двух смыслах – как учение об основных исследовательских методах науки и как совокупность методов, имеющих в распоряжении той или иной конкретной науки, причем первая трактовка методологии является более глубокой по своему смыслу, чем вторая [4]. Основная задача методологии состоит в обосновании пути поиска истины в экономической науке, а также исследовании ее критериев и основных способов подтверждения [5].

Проблема истины в экономической науке одна из самых старых и наиболее сложных из всех методологических проблем. Несомненно, что для научного сообщества наиболее убедительным в поиске истины является научный метод, ведущий к неким обобщениям универсального характера. Иные методы экономического исследования (основанные на житейском опыте, обыденном знании, вере и т.д.) будут малоубедительными и малоэффективными.

Проблема экономической истины тесно связана с проблемой экономического заблуждения, которую объяснил еще Фрэнсис Бэкон, и с методологией. Исследователи, работающие в сфере методологии экономической науки, выделяют от четырех до пяти революций в ее истории (смен господствующих «парадигм», или «исследовательских

программ»). Например, английский экономист Д.Хаусман выделяет четыре методологических направления, которые вполне можно интерпретировать в духе исследовательских программ: дедуктивистское (Дж. Ст. Милль); позитивистское (М.Блауг); «предикционистское» (от англ. prediction – предсказание, прогноз) (М.Фридмен) [6]; эклектическое (Д.Маккелси и др.) [7]. О.И. Ананьин указывает на существование четырех основных парадигм в экономическом знании [8]. И.П. Гурова также считает, что существуют четыре парадигмы, причем в духе советологии она относит марксистскую политэкономия к теоретической экономической системе тоталитаризма [9]. Нет необходимости подчеркивать, что у отечественных методологов, пришедших в «лихие 90-е» на смену «марксистским» диалектикам, наблюдается явное стремление к поиску истины готовыми, уже проторенными путями [10].

Мировоззренческие идеалы и стандарты экономической науки

Трудно определить, с какого мыслителя следует начинать изложение истории методологического знания в экономической науке. Традиционно отчет идет от английской классической политэкономии (А.Смит, Д.Рикардо, Дж.Ст. Милль, И.Бентам). Классическая школа стремилась создать предельно абстрактную картину экономической действительности (особенно начиная с Д.Рикардо и т.д.), что привело в значительной степени к разрыву между теоретическим и эмпирическим базисом в научном исследовании, вульгаризировало методологию этой школы и дало почву для справедливой критики данного направления со стороны К.Маркса и немецкой исторической школы.

Марксистская политическая экономия – одна из самых разработанных в методологическом плане школ экономической мысли. Объясняется это в том числе и тем, что использование в «Капитале» исследовательского метода путем «восхождения от абстрактного к конкретному», а затем – метода «наполнения конкретного абстрактным» как метода изложения придало мощную аналитическую и доказательную силу марксизму [11]. В противовес классической политэкономии Маркс широко применял исторический и эволюционный методы [12].

Маржиналистская теория («политическая экономия рантье» – по выражению марксистов), возникшая во второй трети XIX в., представляла собой одновременно отказ от главенства философии над экономической методологией. Многие принципы, разработанные до того английской политэкономией и марксизмом (идеологичность и классовость экономической науки при одновременном объективизме научного познания, качественные методы анализа и пр.), оказались совершенно неприемлемыми с точки зрения маржиналистов. Маржинализм попытался «отменить» классовый подход путем предельно абстрактной постановки проблемы целей и задач экономики и экономического познания. Он

ввел понятия равновесия и равновесного подхода (Л.Вальрас), которые удобны в экономическом моделировании учебных ситуаций, но никогда не встречается в реальности. При этом природа экономических благ потеряла всякое объективное измерение и стала исключительно субъективной. Главным принципом экономической деятельности индивида стало стремление иметь наибольшее количество таких благ. Целый ряд методологических идей маржинализма по-своему отразился в последующих экономических методологиях, особенно в методологических программах новой австрийской школы (Ф.Хайек и др.) и неоклассики [13].

Методология кембриджской школы представлена, прежде всего, Альфредом Маршаллом. Взгляды Маршалла на экономическую методологию изложены в его «Принципах экономической науки» [14]. Маршалл приходит к мнению, что «политическая экономия» как наука уже не служит интересам господствующего класса, поскольку в Западной Европе во второй трети XIX в. в понятие «производительный класс» вполне вписывались не только промышленники и пролетариат, но и банкиры, торговцы, спекулянты и другие представители не «богоугодных» ремесел.

Касаясь проблемы методов экономического исследования, Маршалл придерживается прагматической точки зрения: экономическая наука может использовать любой метод, который является эффективным в достижении ее целей. Абсолютно неважно, будет ли это метод, разработанный маржинализмом или классической политической экономией, либо, к примеру, исторический или теоретический метод, вербальный или математический метод; в любом случае, если он продуктивен, если его применение формально дает приращение некоего нового знания, то эта методология применима в исследовании экономических объектов и явлений [15].

Отдельной школой в методологической теории Запада стоит кейнсианство. Кейнсианцы (включая самого Дж.М. Кейнса) активно занимались методологическими проблемами, и их вклад в развитие методологии экономического знания должен быть признан весьма весомым. Одной из заслуг Дж.М. Кейнса и его последователей стала эмпирически и теоретически доказанная идея, что начиная с XX столетия экономика не может существовать без активного государственного вмешательства (интервенционизма) [16].

К другому важнейшему феномену методологической программы экономической мысли Запада относится неоклассическая школа (сюда же относятся монетаризм и экономика предложения), которая, якобы, возродила идеи английской политической экономии на основе синтеза маржинализма и кембриджской школы. Она позиционировала себя как консервативный ответ кейнсианству в 60-80-е гг. XX в. Методологические идеи неоклассической школы ставят экономическую мысль в

направлении максимально возможного формально-абстрактного (включая математическое) описания экономической действительности; иррациональность поведения хозяйственного субъекта в такой системе описывается как неполное рациональное поведение; но, в принципе, рационализации можно подвергнуть описание всех экономических процессов; исторический аспект анализа и региональный уровень рассмотрения экономических явлений, судя по всему, здесь не имеют существенного значения [17].

Методы экономических исследований

Методы экономического исследования принято делить на всеобщие, общие и частные. Однако экономическая наука уже давно «сама себе философия» и не стремится вписаться в научную картину мира [18]. Всеобщие методы в экономической науке – это ее собственные «философские методы», т.е. принципы и законы «экономической философии», которые существенным образом отличаются от «философии философской». Всеобщие и общие методы экономической науки – это те экономические методы, которые применимы на всех уровнях экономического исследования, но при этом не являются философскими методами [19]. Иначе говоря, это методы, которые используются помимо экономики и в других науках, но не охватывают собой абсолютно все науки, а только некоторую их часть [20].

К таким методам можно отнести все математические и статистические методы, метод эксперимента, некоторые виды наблюдения, моделирование и т.д. Все они могут быть применены как в экономическом исследовании, так и в исследованиях других социальных, естественных и технических наук [21].

Третью группу научных методов составляют частные методы экономической науки – методы, используемые исключительно в рамках экономической науки и нигде больше неприменимые. Частные методы в основном содержательны и непосредственно относятся к самому предмету познания, а не к познанию как таковому, элементами которого они являются. К числу частных методов экономического исследования можно отнести следующие методы: экономическое наблюдение, экономический эксперимент, экономическое моделирование, экономическая индукция, построение экономических гипотез, исторический анализ хозяйственных явлений и т.д. Их еще можно назвать нелогическими или алогичными методами научного исследования [22]. Нелогический метод экономического исследования может даже опережать логический метод: так, например, некоторые ученые-экономисты сначала интуитивно постигали какие-либо истины, а уже потом доказывали и обосновывали их [23].

Эмпирические методы экономического познания – это методы познания экономической реальности, действующие на уровне опыта. Существуют два основных эмпирических метода: экономическое наблюдение и экономический эксперимент, а важнейшей их составляющей является процедура (операция) измерения [24].

Экономическое наблюдение – это целенаправленное и организованное восприятие фактов хозяйственного мира (экономических фактов), доставляющее первичный материал для научного экономического исследования. Наблюдатель либо с помощью каких-либо приборов, либо без них фиксирует те или иные экономические факты, активно не воздействуя на объект наблюдения. Эти факты, соответствующим образом обработанные и осмысленные, используются в теоретических моделях и построениях [25].

Экономический эксперимент – исследование какого-либо хозяйственного явления путем активного воздействия на него, при этом либо создаются какие-то новые экономические данные эксперимента и меняется течение хозяйственного процесса в нужном направлении, либо сам хозяйственный процесс воспроизводится искусственно посредством его моделирования (например, это может быть или математический эксперимент в экономике, или мысленный эксперимент в экономике) [26].

В заключение следует сказать, что экономическая методология выполняет две основные функции – инструментальную и рефлексивную. В первом случае она играет роль инструмента экономического исследования, а во втором помогает размышлять о способах достижения целей экономической деятельности индивида и общества.

Современная господствующая экономическая методология эклектична. Она базируется на положениях четырех основных школ: английской классической политэкономии; марксизме; маржинализме; кембриджской школе. К направлениям экономической методологии следует отнести: австрийскую школу; немецкую историческую школу; кейнсианство в его различных вариантах; неоклассическую школу; институционализм и неоинституционализм. Господствующий с начала XXI в. методологический плюрализм уступает, в условиях многополярного мира, свое место плюрализму методологий.

Литература:

1. Благих И.А., Дубянский А.Н. История экономических учений. – М.: Юрайт, 2014. – С. 97.
2. Малюшин И.И. Основные школы экономической науки о роли государства в экономике // В сб.: Современная экономика России: теория, история, политика / Под ред. проф. И.А. Благих. – СПб, 2017. – С. 32.
3. Ананьин О.И. Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 48.

4. Гаркавенко И.А., Булах Е.А., Благих И.А. О взаимосвязи экономического анализа с историей и эволюцией // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2 (50). – С. 356-359.
5. Благих И.А. Новый подход к исследованию инфляции // Экономист. – 2015. – № 9. – С. 94-96.
6. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. – М., 1972. – С. 89.
7. Благих И.А. Петербургско-ленинградская историко-экономическая школа // Экономист. – 2009. – № 6. – С. 81-93.
8. Дубянский А.Н. Введение в метаэкономику и основания экономических наук. – М., 2002. – С. 26-37.
9. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М., 1993. – Т. 1. – С. 226.
10. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М., 1983. – С. 205.
11. Благих И.А. О научной разработке учебного курса «Экономическая история России» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Серия 5. Экономика. – 2006. – № 2. – С. 142-145.
12. Благих И.А. Механизм кризиса в российской экономике и антикризисные действия правительства // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 3 (55). – С. 31-35.
13. Орехов А.М. Методы экономических исследований. – М., 2009.
14. Buzgalin A., Kolganov A. Critical political economy: The «Market-Centric» Model of Economic Theory must remain in the past-notes of the Post-Soviet school of critical Marxism Buzgalin A., Kolganov A. Cambridge Journal of Economics. – 2016. – № 2. – Vol. 40. – P. 575-598.
15. Белозеров С.А., Дубянский А.Н. Михаил Андреевич Балугьянский / В кн.: Очерки по истории финансовой науки / Ансберг О.Н., Базулин Ю.В., Белозеров С.А. и др. / Под ред. В.В. Ковалева. – М., 2009. – С. 109-116.
16. Дж.М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 2015. – С. 63.
17. Благих И.А. О научной разработке учебного курса «Экономическая история России» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Серия 5. Экономика. – 2006. – № 2. – С. 142-152.
18. Богомазов Г.Г., Благих И.А. История экономики и экономической мысли России. – М.: Экономика, 2010. – С. 389.
19. Кейнс Дж.Н. Предмет и метод политической экономии. – М., 1899. – С. 7.
20. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. – М., 1972.
21. Благих И.А. Петербургско-ленинградская историко-экономическая школа // Экономист. – 2009. – № 6. – С. 81-93.
22. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. – Т. 2. – Вып. 4.
23. Благих И.А., Громова Ж.В. И.В. Вернадский и русско-немецкая школа в политической экономии // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. – Серія: Економіка. – 2011. – № 131. – С. 53-56.
24. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М., 1993. – Т. 1. – С. 226.
25. Богомазов Г.Г. Предмет и метод экономической истории // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Серия 5. Экономика. – 2000. – № 1. – С. 109.
26. Малюшин И.И. Основные школы экономической науки о роли государства в экономике // В сб.: Современная экономика России: теория, история, политика / Под ред. проф. И.А. Благих. – СПб., 2017. – С. 32.

References:

1. Blagikh I., Dubyanskiy A. History of Economic Thought. – М.: Yuright, 2014. – P. 97.
2. Malyushin I. The main schools of economic science on the role of the state in the economy // In: The Modern Economy of Russia: Theory, History, Politics. Ed. prof. I. Blagikh. – S.-Pb., 2017. – P. 32.

3. Ananin O. Economic science in the mirror of methodology. Questions of philosophy. – 1999. – № 10. – P. 48.
4. Garkavenko I., Bulakh E., Blagikh I. On the relationship between economic analysis and history and evolution // Problems of Modern Economics. – 2014. – № 2 (50). – P. 356-359.
5. Blagikh I. The new approach to the study of inflation // The Economist. – 2015. – № 9. – P. 94-96.
6. Pento R., Gravitz M. Methods of Social Sciences. – M., 1972. – P. 89.
7. Blagikh I. Petersburg – Leningrad Historical and Economic School // The Economist. – 2009. – № 6. – P. 81-93.
8. Dubyansky A. Introduction to meta-economics and the foundations of economic sciences. – M., 2002. – P. 26-37.
9. Marshall A. Principles of economic science. – M., 1993. – Vol. 1. – P. 226.
10. Popper K. Logic and the growth of scientific knowledge. – M., 1983. – P. 205.
11. Blagikh I. On the scientific development of the training course «The Economic History of Russia» // Bulletin of St. Petersburg University. – Series 5. Economics. – 2006. – № 2. – P. 142-145.
12. Blagikh I. The mechanism of the crisis in the Russian economy and the government's anti-crisis actions // Problems of the modern economy. – 2015. – № 3 (55). – P. 31-35.
13. Orekhov A. Methods of economic research. – M., 2009.
14. Buzgalin A., Kolganov A. Critical political economy: The «Market-Centric» Buzgalin A., Kolganov A. Cambridge Journal of Economics. – 2016. – № 2. – Vol. 40. – P. 575-598.
15. Belozorov S., Dubyansky A. M.A. Balugiansky / In: Essays on the History of Financial Science / Ansberg O., Bazulin Yu., Belozyorov S. and others. Edited by V.Kovalev. – M., 2009. – P. 109-116.
16. Keynes J. General theory of employment, interest and money. – M., 2015. – P. 63.
17. Blagikh I. On the scientific development of the training course «The Economic History of Russia» // Bulletin of St. Petersburg University. – Series 5. Economics. – 2006. – № 2. – P. 142-152.
18. Bogomazov G.G., Blagikh I.A. History of the economy and economic thought of Russia. – Moscow: Economics, 2010. – P. 389.
19. Keynes J.N. The subject and method of political economy – M., 1899. – P. 7.
20. Pento R., Gravitz M. Methods of Social Sciences. – M., 1972.
21. Blagikh I.A. Petersburg – Leningrad Historical and Economic School // The Economist, 2009. – № 6. – P. 81-93
22. Fridman M. The methodology of positive economic science / THESIS, 1994. – V. 2. – Issue. 4.
23. Blagikh I.A., Gromova Zh.V. I.V. Vernadsky and the Russian-German school in political economy // News of Kiev Taras Shevchenko National University. Economist, 2011. – № 131. – P. 53-56.
24. Marshall A. Principles of Economic Science. – M., 1993. – V. 1. – P. 226.
25. Bogomazov G.G. A subject and a method of an economic history // the Bulletin of the St.-Petersburg University. Economics, 2000. – № 1. – P. 109.
26. Malyushin I.I. The main schools of economic science on the role of the state in the economy // In: The Modern Economy of Russia: Theory, History, Politics. Ed. by Prof. Blagikh I.A. St.Ptb, 2017. – P. 32.

УДК 330.101

О НАУЧНОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ «СОВРЕМЕННЫХ» ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПРЕДМЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ON THE SCIENTIFIC CONSISTENCY OF «MODERN» DEFINITIONS OF THE ECONOMIC THEORY SUBJECT

БУДОВИЧ Ю.И., д-р экон. наук, доцент, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Тел.: 8(985)763-68-45

E-mail: JBudovich@fa.ru

BUDOVICH Ju., Doctor of Economics, Associate Professor, Economic Theory Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Тел.: 8(985)763-68-45

E-mail: JBudovich@fa.ru

Аннотация

В статье раскрывается авторский подход к формированию концепции предмета экономической теории, рассматривается концепция предмета науки, представленная в современных отечественных учебниках и учебных пособиях по экономической теории, анализируются определения предмета науки, на основе которых она формируется, доказываются неадекватность этих определений, в связи с чем обосновывается необходимость скорейшей реконструкции концепции предмета исследования экономической теории на предлагаемых автором принципах.

Ключевые слова: предмет экономической теории, объект исследования, предмет исследования, критерий экономики.

Abstract

The article reveals the author's approach to the formation of the concept of the economic theory as a subject, the concept of the subject of science presented in modern Russian textbooks and textbooks on economic theory, the definitions of the subject of science, based on which it is formed. The author proves the inadequacy of these definitions, and justifies the need for an early reconstruction of the concept of the subject of economic theory research on the principles proposed by the author.

Key words: subject of economic theory, object of research, subject of research criteria of economics.

В методологии какого-то вида научного или практического исследования все должно быть подчинено цели обеспечения его максимально эффективного функционирования. Целью концепции предмета исследования является обеспечение полноты исследования и рационального разделения труда между его отдельными видами (т.е. закрепления за

ними исследовательских результатов, в получении которых они обладают преимуществом). Если это так, то понятие «предмет исследования» следует трактовать как общественно полезные результаты исследования, закрепляемые за его данным видом. Эти результаты характеризуются, прежде всего, объектами исследования, к которым они относятся. В связи с этим на 1-м этапе определение предмета исследования предполагает определение объектов исследования, т.е. процессов, на изучении которых специализируется рассматриваемый вид исследования (как ясно из сказанного, их может быть несколько) в силу наличия у общества потребности в результатах их познания. Процессы выделяются на основе их классификации. При этом ключевым вопросом классификации экономических процессов является определение критерия, в соответствии с которым процессы относятся к экономике (а не к политике, технике и т.д.), в том смысле, что до ответа на него немислимо формировать саму эту классификацию.

Адекватный критерий экономики может быть назван «товарно-денежные отношения». В соответствии с ним к экономике относятся процессы, порожденные собственно добровольным (свободным, договорным) обменом между людьми, а также денежными операциями в принудительном (вынужденном, по закону) обмене. Так, деятельность предприятия порождена добровольным обменом. Им же порождены, в частности, такие основные элементы его деятельности, как снабжение и реализация. Эти процессы являются экономическими. Такой основной элемент деятельности предприятия, как производство, и такие элементы процессов снабжения и реализации, как хранение и транспортировка ценностей, могут существовать и в натуральном хозяйстве, в связи с чем эти процессы не относятся к экономике (хотя и входят в экономические процессы как их элементы). Отбор дани в виде продуктов не относится к экономике. Но взимание денежных налогов является экономическим процессом. Деятельность налоговой инспекции, порожденная взиманием денежных налогов, также является экономическим процессом.

Общественно полезные результаты исследования, закрепляемые за каким-то его видом, также характеризуются разными результатами исследования одних и тех же объектов исследования. Они и устанавливаются на следующем этапе формулировки предмета. Важно отметить, что у видов исследования могут быть общие объекты исследования, в связи с чем эти виды различаются результатами их исследования. Для выделения соответствующих результатов используется классификация исследовательских результатов, отражающая их характер. Соответствующая классификация, охватывающая наиболее важные признаки, представлена в табл. 1.

Таблица 1. Классификация исследовательских результатов, отражающая их характер

Признак	Типы и их характеристика
1. Этап познания	(Для конкретного экономического исследования, т.е. исследования, результаты которого характеризуют функционирование реальных экономических объектов) 1) факты; 2) проблемные ситуации; 3) причины проблемных ситуаций; 4) прогнозы их влияния на деятельность, выступающую объектом познания, при неказании активных ответных мер; 5) варианты ответных мер и возникающие под их воздействием изменения; 6) лучшие варианты ответных мер; 7) сами ответные меры (организационно-мотивационные воздействия на процесс-объект познания и на процессы его внешней среды); 8) аналогичные результатам 1-7 результаты деятельности по контролю за осуществлением мер и изменений (обеспечение реализации намеченных преобразований).
2. Степень точности	1) точные (результаты, включающие определенные значения изучаемых параметров или их изменений); 2) неточные (результаты, включающие приблизительные значения изучаемых параметров или их изменений).
3. Степень абстрактности	1) конкретные (результаты, характеризующие функционирование реальных экономических объектов, даже если эти результаты являются приблизительными, или неточными); 2) абстрактные (результаты, характеризующие функционирование типичных, или «средних», экономических объектов, даже если эти результаты являются точными).
4. Отношение к прошлому	1) характеризующие функционирование экономических объектов в прошлом; 2) характеризующие функционирование экономических объектов в настоящем; 3) характеризующие функционирование экономических объектов в будущем.
5. Отношение к тому, что есть	1) характеризующие фактическое функционирование экономических объектов («что есть»); 2) характеризующие желаемое или идеальное функционирование экономических объектов («что должно быть»). По данному признаку само исследование делится на позитивное и нормативное.
6. Изучаемые причины	1) отражающие влияние внутриэкономических причин; 2) отражающие влияние социальных причин; 3) отражающие влияние политических причин и пр.

Источник: составлено автором

Результаты познания определенного процесса, закрепляемые за каким-то видом исследования, могут быть выделены на основе одного или одновременно нескольких (и даже всех) признаков из рассмотренных выше.

Концепция предмета, таким образом, характеризует процессы, результаты познания которых интересуют общество, изучаемые данным видом исследования, и сами полезные для общества результаты их исследования. Только рассмотренная выше трактовка концепции (определения) предмета способна перевести дискуссию о предмете науки в конструктивное русло, в частности, обеспечить четкость проводимых различий между предметами политической экономии и экономикса.

Концепцию предмета, или определение предмета, не следует путать с определением (сущности) самого вида исследования, т.е. с формулировкой его черт, отличающих его от остального исследования. Именно формулировка сущности вида исследовательской деятельности является основой для формулировки его предмета (или исходным пунктом спора о предмете). Так, из трактовки сущности экономической теории как фундаментальной экономической дисциплины или науки, выступающей теоретической и методологической основой других экономических наук, следует, что объектами ее исследования являются абсолютно все экономические процессы, а общественно полезными результатами их исследования в науке выступают наиболее абстрактные формы соответствующих результатов. Важно отметить, что в науке усиленно путают определение науки и определение ее предмета. При этом определение предмета может происходить в форме определения науки, если последняя определяется в разделе (главе, параграфе, пункте) под названием «Предмет» (см. ниже).

Современное отечественное определение (концепция) предмета экономической теории сформировалось при переходе в нашей стране на преподавание западного экономикса в начале 90-х гг. XX в. Оно представляет собой объединение пяти определений предмета науки, восходящих к определениям, некогда сформулированным К.Марксом, Ф.Энгельсом, А.Маршаллом, Л.Роббинсом и Г.С. Беккером.

Как написал К. Маркс в «Предисловии к первому изданию» I тома своего знаменитого произведения «Капитал» (1867), «предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [1, с. XXXII]. Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» (1876-1878) под заголовком (названием параграфа) «Предмет науки» определил ее следующим образом: «Политическая экономия, в широком смысле слова, есть наука о законах, управляющих производством и обменом в процессе производства материальной жизни человеческих обществ» [2, с. 191]. Данные определения были модернизированы в советской науке. Форма, в которой они перешли в современную российскую экономическую теорию, представлена в одном из последних советских учебников по политической экономии, а именно в учебнике В.А. Медведева, Л.И. Абалкина, О.И. Ожерельева др. «Политическая экономия» (1989): «По-

литическая экономия изучает производственные отношения в их единстве и взаимодействии с производительными силами и надстройкой. Она выясняет законы, управляющие производством, распределением, обменом и потреблением жизненных благ в различных формациях, всем экономическим развитием общества» [3, с. 48].

В произведении английского ученого-политэконома А.Маршалла «Принципы экономической науки» (1890) отечественных экономистов-теоретиков как определение предмета впечатлило определение науки, с которого начинается глава I «Введение»: «Политическая экономия, или экономическая наука (Economics), занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» [4, с. 56]. Так, именно его приводит в качестве определения предмета общей экономической теории, сформулированного А.Маршаллом, И.Д. Мацкуляк в статье «Предмет и метод общей экономической теории» (2016) [5, с. 64]. При этом в отечественной экономической теории не рассматриваются высказывания А.Маршала о том, чем занимается наука, в главе II «Предмет экономической науки», в том числе высказывания, в которых то, чем она занимается, непосредственно именуется предметом. Так, эта глава начинается словами: «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей повседневной жизни. Но предметом ее исследований являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни» [4, с. 69]. В самой главе I А.Маршалл пишет, что предметом изучения экономической науки является богатство [4, с. 59].

Английский экономист Л.Роббинс в статье «Предмет экономической науки» (1935) дал следующее определение предмета науки: «... Формы, которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляют единый предмет экономической науки» [6, с. 18]. Более понятно, по мнению Л.Роббинса, политическая экономия изучает любые формы человеческого поведения, если оно имеет место в условиях редкости ресурсов, имеющих альтернативные направления использования. Российские ученые рассматривают в качестве определения предмета политической экономии, данного Л.Роббинсом, приведенные выше слова плюс определение экономической науки в рассматриваемой статье, которое дается со ссылкой (для сравнения) на работы Менгера, Мизеса и др.: «Экономическая наука – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [6, с. 18]. Именно эти две цитаты в

учебнике «Курс экономической теории» под ред. М.Н. Чепурина и Е.А. Киселевой (2007) предваряются словами: «Наиболее распространенной и общепризнанной в силу своей точности и лаконичности является формулировка предмета науки, данная английским экономистом Лайо- нелом Роббинсом» [7, с. 28]. Кстати, статья Л.Роббинса объясняет то, почему российские экономисты-теоретики из всех определений науки или предмета науки, представленных в работе А.Маршалла, в качестве его определения предмета выбрали именно то, о котором говорилось выше. Дело в том, что это высказывание А.Маршалла в качестве его определения предмета, кстати, критикуя его, рассматривает Л.Роббинс.

Американский ученый Г.С. Беккер в статье «Экономический анализ и человеческое поведение» (1987) (эта статья представляет собой переработку «Введения» книги «Экономический подход к человеческому поведению» (1976)) проводит мысль, что экономическая теория занимается изучением всех форм человеческого поведения, к которым приложим «экономический подход»: «... Я убежден, что экономическая теория как научная дисциплина более всего отличается от прочих отраслей обществоведения не предметом, а своим подходом» [8, с. 31]. Экономический подход Г.С. Беккера включает предположения о максимизирующем поведении (т.е. поведении, основанном на максимизации отношения «удовольствия/страдания», или на экономическом принципе), рыночном равновесии (рыночном механизме распределения ограниченных ресурсов) и стабильности предпочтений людей (в отношении здоровья, престижа, чувственных наслаждений и т.д.) [8, с. 31-33]. При этом экономический подход Г.С. Беккера впечатлил российских экономистов-теоретиков, прежде всего, максимизирующим поведением и таким элементом рыночного механизма, как конкуренция за ограниченный спрос. Это видно из примеров «рыночных категорий», присутствующих в «далеких от экономики» сферах деятельности, которые приводятся в учебнике «Экономика» под ред. А.И. Архипова, А.Н. Нестеренко и А.К. Большакова (2001) в ходе комментирования определения предмета Г.С. Беккера. Как пишут авторы учебника о ситуации, «... если к малоквалифицированному врачу будет большая очередь (низкая полезность и высокие издержки), то больной, скорее всего, вообще не пойдет в поликлинику. Нежелание больного нести высокие издержки ради низкой полезности свидетельствует о том, что даже в такой далекой от экономики сфере проявляется чисто экономический, рыночный принцип сравнения издержек и выгод» [9, с. 28]. Как далее усложняется «медицинский» пример, «...«продавцы» (в данном случае – врачи, предлагающие своим своим медицинским знаниям и навыкам) конкурируют между собой за «покупателя» (больного)...» [9, с. 28].

Объединение в одном предложении рассмотренных выше пяти определений предмета могло бы выглядеть приблизительно следующим

образом: предметом экономической теории являются человеческое поведение, действия индивидов и групп людей, их законы, производственные отношения между людьми во взаимодействии с производительными силами и надстройкой в процессах производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ и всего экономического развития общества, осуществляемых в целях максимизации полезности в условиях ограниченности ресурсов, имеющих альтернативные направления использования, которые порождает конкуренцию за эти ресурсы. Несложно обнаружить, что определения предмета, представленные в современных российских учебниках и учебных пособиях по экономической теории с той или иной степенью полноты, очевидно, в зависимости от представлений их авторов о допустимом размере определения, степени адекватности рассмотренных выше пяти определений и об относительной важности отраженных в них черт предмета, охватывают «обобщающее» определение (табл. 2). Авторы, к которым восходят определения, перечислены в порядке отражения черт их определений в определениях предмета в представленных работах.

Таблица 2. Определения предмета в ряде российских учебников и учебных пособий по экономической теории и их происхождение

Источник	Определение предмета	Происхождение
1. Учебник «Экономическая теория» под ред. В.Д. Камаева (1999)	Предметом современной экономической теории являются поведение, деятельность человека, субъекта с целью максимизации прибыли в условиях ограниченности ресурсов и безграничности потребностей	А.Маршалл, Г.С. Беккер, Л.Роббинс
2. Учебник «Экономическая теория» под ред. Н.В. Сумцовой и Л.Г. Орловой (2000)	...Определение предмета экономики... претерпело длительную эволюцию... до науки о законах, управляющих производством, обменом, распределением, и о производственных отношениях. / Современное понимание предмета экономической теории базируется, во-первых, на определении экономической теории как исследовании поведения людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов; во-вторых, на том, что экономическая теория исследует проблемы эффективного использования ограниченных производственных ресурсов или управления ими с целью достижения максимального удовлетворения потребностей человека	Ф.Энгельс, К.Маркс, А.Маршалл, Л.Роббинс, Г.С. Беккер

3. Учебник «Основы экономической теории. Политэкономия» под ред. Д.Д. Москвина (2003)	Политическая экономия изучает производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами как общественные отношения людей, обусловленные отношениями собственности	К.Маркс
4. Учебник Л.М. Куликова «Экономическая теория» (2005)	В центре внимания экономической теории – хозяйственная, производственная жизнь общества, экономические связи и отношения между людьми в процессе создания, распределения, обмена и потребления благ	А.Маршалл, К.Маркс
5. Учебник «Экономика» под ред. А.С. Булатова (2006)	...Экономическая теория – это наука об основах (законах – Ю.Б.) хозяйственной жизни общества	Ф.Энгельс
6. Учебник «Курс экономической теории» под ред. М.Н. Чепурина и Е.А. Киселевой (2007)	...Экономическая теория изучает деятельность людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ в условиях альтернативности целей и возможностей использования редких ресурсов	А.Маршалл, Л.Роббинс
7. Учебник В.М. Козырева «Основы современной экономики» (2007)	Современная экономическая теория изучает поведение людей как хозяйствующих субъектов на всех уровнях экономической системы в процессах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг в целях удовлетворения человеческих потребностей при ограниченных ресурсах семьи, фирмы и общества в целом	А.Маршалл, Л.Роббинс
8. Учебное пособие «Курс экономической теории: общие основы экономической теории. Микроэкономика. Макроэкономика. Основы национальной экономики» под ред. А.В. Сидоровича (2007)	Предметом экономической теории являются экономические отношения в обществе... Экономическая теория – это наука о системах экономических отношений общества	К.Маркс
9. Учебник В.З. Баликоева «Общая экономическая теория» (2008)	...Общая экономическая теория есть наука о производственных отношениях между людьми в условиях ограниченности ресурсов. Она изучает всю совокупность экономических отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг между членами общества, закономерности и тенденции их развития на всех уровнях: индивида, предприятия (фирмы), общества	К.Маркс, Л.Роббинс, Ф.Энгельс, А.Маршалл

10. Учебник «Экономическая теория (политэкономия)» под ред. В.И. Видяпина и Г.П. Журавлевой (2008)	Общая экономическая теория – это общественная наука, которая изучает поведение людей и групп в производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ в целях удовлетворения потребностей при ограниченных ресурсах..., что порождает конкуренцию за их использование	А.Маршалл, Г.С. Беккер
--	--	------------------------

Источник: составлено автором на основе [10, с. 123-124, 313-318]

Об адекватности концепции предмета науки, представленной в отечественной экономической теории, можно судить по адекватности каждого их определений предмета, на основе которых она формируется. Начнем ее анализ по порядку.

«Политическая экономия изучает производственные отношения в их единстве и взаимодействии с производительными силами и надстройкой» (восходит к определению К.Маркса).

«В единстве» буквально означает, что единственным объектом познания экономической теории является общество в целом (так как производительные силы, и тем более надстройка, являются макрокатегориями). Далее будем исходить из того, что выражение «в единстве» является неудачной попыткой подправить Марксово определение предмета, на которую не следует обращать внимание.

В соответствии с рассматриваемым определением в экономике объектами познания науки являются только экономические связи (т.е. производственные отношения), а именно купля продажа-товаров, купля-продажа рабочей силы, выдача и погашение кредитов, купля-продажа ценных бумаг и т.д., в том числе функционирование соответствующих рынков. Между тем, экономические связи далеко не исчерпывают круг экономических процессов. Трактовка предмета науки как производственных отношений необоснованно исключает из объектов познания экономической теории, в частности, такие традиционные объекты ее познания, как деятельность предприятия, функционирование народного хозяйства (т.е. экономики страны без государственного управления); такие объекты познания современной науки, как экономическая политика государства (так как она является деятельностью надстройки), функционирование экономики страны (так как экономическая политика, выступающая ее частью, относится к надстройке).

«Во взаимодействии» означает, что объектом познания науки является функционирование производительных сил (совокупности таких составляющих, как люди, средства производства, наука и внутрихозяйственная организация производства) и надстройки (при воздействии на них производственных отношений). Однако эти процессы не относятся

к экономическим и не являются объектами познания экономической теории.

Из данного определения следует, что наука изучает влияние на экономику только таких факторов, как отклонения в функционировании национальных производительных сил и надстройки. Однако экономическая теория изучает влияние не только этих факторов, но и отклонений во внутренней среде национальной экономики, внешних экономических и надстроечных факторов, национальных и международных природных факторов.

Определение «производственные» буквально говорит о том, что в науке изучаются отношения в сфере производства, т.е. внутрихозяйственная организация труда, что абсолютно неверно. Приходится объяснять, что в данном случае производство используется как синоним народного хозяйства. Далее, отношения бывают двоякого рода, а именно отношения людей к природе (вещам) и друг к другу, в то время как в данном случае под отношениями понимаются только отношения между людьми. Это также приходится пояснять.

В определении не получают отражения иные типы результатов, кроме тех, которые выделяются по признаку изучаемых факторов, очевидно исходя из того, что «по умолчанию» в качестве таковых в политической экономии традиционно рассматриваются законы, то есть результаты, соответствующие 6-му этапу познания в конкретном исследовании (после обеспечения реализации намеченных преобразований), неточным и абстрактным результатам, а также результатам, относящимся к прошлому и к тому, «что есть».

Следует отметить, что сам К.Маркс считал объектом исследования политической экономии не только производственные отношения, но и народное хозяйство, или, в терминах процесса, функционирование народного хозяйства, как ясно из его определения предмета исследования в «Капитале». Производственные отношения стали «единственным» объектом познания политической экономии «по Марксу» после перехода в нашей стране к марксистско-ленинской политической экономии капитализма на рубеже 20-30-х гг. XX в., что объяснялось целью этой науки, сформулированной В.И. Лениным. Как пишет Л.Сегаль в «Кратком курсе политической экономии» (1934), «Теория марксизма «прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их переходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией» (Ленин, т. I, с. 225)» [11, с. 24]. Формы антагонизма и эксплуатации – не что иное, как капиталистические формы производственных отношений, т.е. хозяйственных связей, в том числе отношений собственности (куп-

ли-продажи акций, облигаций, фирм и т.д., владения капиталом и получения доходов на него). Неизбежную, скорую и революционную смену капиталистических отношений социалистическими (общественными) и обосновывал К.Маркс в своем знаменитом труде. Из сказанного ясно, что рассматриваемое определение предмета носит на себе отпечатки идеологического воздействия.

«Она выясняет законы, управляющие производством, распределением, обменом и потреблением жизненных благ в различных формациях, всем экономическим развитием общества» (восходит к определению Ф.Энгельса).

Согласно данному определению общественно полезные результаты экономико-теоретического исследования сводятся исключительно к законам. Между тем, результаты данного исследования, полезные для общества, выходят далеко за пределы законов. Так, в любом современном учебнике по экономической теории отмечается, что экономико-теоретическое исследование делится на позитивное («что есть») и нормативное («что должно быть»). Уже одно это говорит об узости трактовки полезных результатов науки как законов, так как последние относятся к категории знаний «что есть» (см. выше). При этом результаты экономической теории, передаваемые на сторону, не исчерпываются и знаниями, относящимися к соответствующему этапу познания. Так, общественную пользу представляет изучение мер экономической политики государства (т.е. государственной экономической политики), которые соответствуют результату 5-го этапа исследования в конкретном экономическом исследовании, а также его 7-го этапа в части корректирующих мер (см. выше).

Трактовка результатов исследования науки как законов никогда не отражала реального предмета политико-экономического исследования, а была лишь ширмой, использовавшейся учеными-политэкономами для того, чтобы оградить себя от преследований со стороны властей за вмешательство в государственную политику, которым фактически является даже ее изучение «что есть», не говоря уже о построении разного рода идеалов (изучение «что должно быть»), прежде всего идеалов той же государственной экономической политики, или выдаче советов правительственным чиновникам по конкретным вопросам управления экономикой страны. Именно из этих соображений Дж.Н. Кейнс (отец Дж.М. Кейнса) в своем знаменитом труде «Предмет и метод политической экономии» (1890) свел политическую экономию к «позитивной науке», «выбросив» из нее «нормативную науку», т.е. установление экономических идеалов, и «искусство политической экономии», т.е. ее практическую функцию науки (состоящую в решении учеными-политэкономами конкретных проблем управления экономикой страны) [12, с. 29]. К концу XIX в. ученые-политэкономы официально исключили из объектов свое-

го познания даже финансы государства, чтобы избежать проблем в связи с «вмешательством» в эту сторону деятельности власти. Несложно обнаружить, что практически во всех российских курсах политической экономии конца XIX – начала XX вв. отсутствовала тема «финансы государства» (в отделе «Распределение»), в частности в «Политической экономии» ректора МГУ А.И. Чупрова, вышедшей в 1892 г. [13]. Приходилось даже переименовывать науку, так как слово «политический» в ее названии намекало на интерес ученых к проблемам государства. Так, ее называли «Промышленная экономия». Как писал Л.Коссе в своей «Истории экономических учений» (1900), «именно это название носила кафедра, устроенная в 1819 г. для Ж.Б. Сэя в Conservatoire des Arts et Métiers, с ясным намерением избежать выражения «политическая экономия», которое, взятое в буквальном смысле, могло набросить тень на правительство, мало расположенное к распространению учений, имеющих какое-либо касательство до общественного управления» [14, с. 57]. Сам А.Смит предпочитал не использовать название «Политическая экономия». Как писал М.Капустин в книге «Чтения о политической экономии и финансах» (1879), «он избегал названия политической экономии, введенного в употребление физиократами, потому что не желал поучать правительства здоровой политике в области хозяйства...» [15, с. 10]. Таким образом, сведение результатов экономико-теоретического исследования к законам является отражением страхов ученых более чем «вековой» давности, политической ситуации в капиталистических странах, которая уже давно перестала быть актуальной.

Согласно данному определению объектом познания является функционирование всего общества, т.е. экономическая теория выступает в роли социологии. Дело в том, что традиционно в терминах «основных» процессов экономики традиционно передается содержание хозяйственной жизни страны как главного объекта исследования науки. В случае, когда к ней относятся все четыре процесса, хозяйственная жизнь начинает охватывать всю жизнь общества, в том числе личную (так, сон есть не что иное, как потребление спальни, кровати, спальных принадлежностей и т.д.), причем не имеет значения, о производстве и т.д. каких благ идет речь (жизненных, материальных и пр.). Следует отметить, что первым «превратил» политическую экономию в социологию, дополнив традиционные производство, распределение и обмен таким процессом, как потребление, французский ученый Ж.-Б. Сэй, включив в состав своей работы «Трактат по политической экономии, вышедшей в 1803 г., главы «Частное потребление» и «Потребление общественное» [16]. Это действие Ж.-Б. Сэя может быть оправдано тем, что в начале XIX в. науки «социология» с объектом познания «общество» еще не существовало, в связи, с чем ее соответствующие «обязанности» и исполняла политическая экономия. Развитие социологии, появление специальных

наук о потреблении, в частности домоводства, обусловили исключение из основных процессов экономики процесса потребления. Если в конце XIX – начале XX вв. в курсах политической экономии, в том числе российских, и сохраняется отдел «потребление», то в нем рассматриваются разве что вопросы расходования бюджетов денежных средств, как правило, только домашних хозяйств (и в связи с этим «рабочий вопрос»), и деятельность потребительских кооперативов (следует отметить, что адекватным «местом» для изучения вопросов расходования денежных бюджетов является отдел «обмен»). Отдел «потребление» отсутствует, в частности, в работе известного российского ученого-политэконома М.И. Туган-Барановского «Основы политической экономии» (1911) [17]. Вместе с исключением из курса науки данного отдела меняется и трактовка экономической жизни в терминах основных процессов, где она присутствует. Как пишет ученик А.И. Чупрова А.Боровой в работе «Популярный курс политической экономии» (1908), «... современная хозяйственная деятельность общества складывается из трех основных процессов – производства, обмена и распределения» [18, с. 92]. О необходимости включения в экономическую деятельность потребления лучше всего говорят определения предмета науки, данные К.Марксом и Ф.Энгельсом (см. выше). В них говорится об отношениях и законах соответственно в процессах только производства и обмена (распределение классики марксизма считали частным случаем производства, что «отчасти» верно). Потребление «не входило» в экономическую жизнь и после перехода в нашей стране к марксистско-ленинской политической экономии на рубеже 20-30-х гг. прошлого века, и так продолжалось до начала 70-х гг. Как писал Л.А. Леонтьев в книге «Начальный курс политической экономии» (1962), «политическая экономия является наукой о законах, управляющих производством и распределением материальных жизненных благ в человеческом обществе на различных ступенях его развития» [19, с. 5] (Л.А. Леонтьев, как и И.В. Сталин, считал обмен частным случаем распределения).

В советской науке потребление стало рассматриваться как часть экономической жизни страны с начала 70-х гг. XX в. как следствие жесточайшей критики советской политической экономии со стороны КПСС и советского государства, которой она подверглась за не исследование важнейших сторон экономической жизни СССР, что обуславливало провалы в государственном управлении экономикой. Академические институты, в частности «знаменитый» Институт экономики АН СССР, и кафедры политической экономии в вузах к 70-м годам превратились в синекуры, что стало возможным как раз благодаря трактовкам предмета науки, данным К.Марксом и Ф.Энгельсом, которые крайне сужали ее предмет (см. выше). Можно сказать, что ученые-политэкономы не исследовали все, что только можно было не исследовать (не изуча-

лись экономическая политика и управление экономикой на всех уровнях управления, в том числе государственная экономическая политика и государственное управление экономикой, и их элементы, в частности народно-хозяйственное планирование, методы государственного управления, не исследовались вопросы организации труда, расходования бюджетов общественных фондов потребления и бюджетов домохозяйств, отсутствовала практическая функция науки, т.е. ученые не занимались разработкой прогнозов и планов народно-хозяйственного развития, и т.д.). Рассмотренная ситуация хорошо отражена в коллективной монографии «Предмет и метод политической экономии социализма» (1974) [20], а то, как соответствующие определения предмета позволяли ученым отлынивать от работы, подробно проанализировано в монографии автора настоящей статьи «Дискуссия о предмете экономической теории в XXI в.: перевод в конструктивное русло» (2015) [10, с. 443-479].

В 60-70-е гг. XX в. особую актуальность приобрело теоретическое исследование расходования бюджетов общественных фондов потребления и бюджетов домохозяйств при социализме, которым политическая экономия практически не занималась. Обосновывалась же это тем, что потребление не относится к объектам познания науки, а именно в отделе «потребление», исключенном из науки, рассматриваются вопросы расходования денежных бюджетов (см. выше). Чтобы «заставить» ученых заниматься изучением расходования бюджетов денежных, с 70-х гг. прошлого века под давлением КПСС и советского государства потребление было вновь введено в определение предмета науки. Несложно понять, что в основе этого действия лежало то, что благодаря Ж.-Б. Сэю вопросы расходования денежных бюджетов с самого начала их изучения в науке стали необоснованно рассматриваться в отделе «потребление» (вместе с вопросами собственно потребления приобретенных или произведенных материальных благ).

Определение «навеяно» результатами обанкротившегося еще в XIX в. направления поиска критерия экономики на «отраслевом» пути. Начало этому поиску положил сам А.Смит, установив в качестве критерия экономики «материальные блага», которые и назывались богатством. Этот критерий означал, что экономическая жизнь представляет собой процесс, завершающийся поставкой к местам непроизводительного потребления (или уничтожения) материальных благ. В результате из хозяйственной жизни исключались очевидным образом экономические процессы, например, продажа труда домохозяйствами предприятиям, производящим услуги; деятельность коммерческих предприятий, оказывающих таковые; деятельность транспортных предприятий по перевозке пассажиров; деятельность банков в части обслуживания сферы нематериального производства, и в хозяйственную жизнь вклю-

чались очевидным образом неэкономические процессы, например, производство материальных благ в домашних хозяйствах для собственного потребления. Одним из вариантов отраслевого критерия, еще более сужающих сферу экономической жизни, и стал предложенный классиками марксизма критерий «жизненные блага», в соответствии с которым экономическая жизнь завершается поставкой к пунктам уничтожения только жизненно необходимых материальных благ (пища, жилье, одежда). История поиска критериев экономики и обоснование ее адекватного критерия (см. выше) рассматриваются в ряде работ автора настоящей статьи, в частности в вышеуказанной монографии и статье «Эволюция представления о критерии экономики» (2017) [21].

«Политическая экономия, или экономическая наука (Economics), занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» (А.Маршалл).

Из 1-й части определения следует, что объектом познания является функционирование общества. Это неверно, поскольку данный процесс выступает объектом познания социологии (см. выше).

«Создание и использование материальных основ благосостояния» в более привычных для отечественной науки терминах звучит как производство и потребление материальных благ. Включение в экономическую жизнь потребления необоснованно превращает ее в процесс функционирования общества в целом, а экономическую теорию – в социологию.

Данное определение пропагандирует неадекватный отраслевой критерий экономики (материальные блага), предложенный А.Смитом.

Далеко не все индивидуальные и общественные (групповые) действия людей в той сфере, о которой пишет А.Маршалл, выступают объектами познания экономической теории. Так, процессы изготовления продуктов, в том числе с использованием совместного труда (например, на конвейере), не являются объектами исследования экономической теории и экономической науки в целом, а являются объектами исследования технических (в широком смысле) наук.

Данное определение предмета не характеризует общественно полезных результатов исследования экономической теории.

«Формы, которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляет единый предмет экономической науки» (Л.Роббинс).

Данное определение предмета даже трудно назвать определением предмета. Реально оно представляет собой определение (сущности) экономической науки в целом, а не экономической теории, пусть даже она называется экономической наукой.

Рассматриваемое определение науки основано на одном из неверных, «аспектных» критериев экономики, согласно которому к экономическим процессам относятся любые процессы деятельности людей, если они осуществляются в условиях редкости используемых в них ресурсов, имеющих альтернативные (способные конкурировать) направления использования. Проблемой данного критерия экономики является то, что абсолютно любая деятельность людей характеризуется редкостью тех или иных ресурсов, используемых в ней, и наличием конкурирующих целей их использования. Даже в самом «безальтернативном» случае всегда есть такой конкурирующий вариант использования ресурсов, как прекращение производства, и современному экономиксу, рассматривающему соответствующий экономический выбор в теории издержек, это известно лучше всех. В связи с этим объектами исследования экономической теории становятся абсолютно все процессы человеческой деятельности, что, конечно же, не соответствует реальности. Л.Роббинс пишет, что существуют не имеющие отношения к экономике процессы, происходящие в случаях, когда «... средства ограничены, но не имеют альтернативного использования...» [6, с. 17] и когда «... у субъекта есть две цели и одно средство для их достижения, причем обе цели одинаково важны...» [6, с. 17], т.е. субъект не способен к выбору. Однако Л.Роббинс не может привести ни одного примера из реальной жизни, соответствующего этим случаям, заменяя их «сказочными» примерами. Вот пример первого случая: «Падающая с небес манна была редким благом, но, поскольку обменять ее на что-либо или отложить ее потребление было невозможно, она не являлась объектом какой-либо деятельности, имеющей экономический аспект» [6, с. 17]. Примером второго случая выступает осел из басни, бесконечно выбирающий между двумя равно привлекательными охапками сена [6, с. 17].

Формально Л.Роббинс вырабатывает свой «критерий» экономики в ответ на неадекватность такого «отраслевого критерия», как материальные блага, и такого «обменного» критерия, как рыночный обмен (к экономике относятся процессы, порожденные свободным обменом). Однако более глубокий анализ показывает, что рассматриваемый критерий экономики был выработан с целью оправдания захвата предметов других социальных наук. Л.Роббинс приводит, в частности, следующие примеры экономического поведения: «...если я хочу есть и спать, но в данный момент не могу полностью удовлетворить обе свои потребности...; если на протяжении своей жизни я хочу стать и философом, и математиком, но моя скорость усвоения знаний для этого недостаточна...» [6, с. 17]. Ясно, что здесь Л.Роббинс вторгается в область исследований такой самостоятельной социальной науки, как домоводство. Л.Роббинс с гордостью отмечает: «Наше определение охватывает ... и политическую экономию войн. Ведение успешной войны требует изъятия редких

благ и услуг из других, не военных областей применения, следовательно, оно имеет экономический аспект» [6, с. 18].

В свою очередь, потребность в захватах предметов других наук возникает тогда, когда в науке возникает кризисное состояние, т.е. она теряет способность адекватно осуществлять собственное исследование. Работа Л.Роббинса «Предмет экономической науки» вышла в 1935 г., т.е. после самого разрушительного в истории капиталистического хозяйства экономического кризиса 1929-1933 гг., продемонстрировавшего не только неспособность науки предвидеть наступление подобных кризисов, но и ее бессилие в части объяснения спадов такой глубины и выработки рецептов по их преодолению. Реакцией именно на эту ситуацию в политической экономии выступила «кейнсианская» революция, связываемая с выходом в 1936 г. книги Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег».

Важно отметить, что критерий экономики, предложенный Л.Роббинсом, фактически был разработан еще австрийским экономистом К.Менгером в книге «Основания политической экономии», вышедшей в 1871 г. [22, с. 103-105]. При этом если Л.Роббинс считал, что процессы становятся неэкономическими в силу отсутствия выбора, то К.Менгер считал, что они становятся таковыми в силу отсутствия редкости ресурсов. К.Менгеру, в отличие от Л.Роббинса, даже «удалось», хотя и, очевидно, с большим трудом, выделить реальные виды деятельности, которые в соответствии с его критерием экономики не относятся к хозяйству. К ним относятся школьное обучение и использование питьевой воды в городах [22, с. 114].

Экономическая теория занимается изучением всех форм человеческого поведения, к которым приложим «экономический подход» (Г.С. Беккер).

Данное определение предмета также реально является определением науки, а не ее предмета исследования, причем определением всей экономической науки.

Это определение науки также основано на «аспектном», в данном случае множественном, критерии экономики, который в принципе не может быть верным. Так, в соответствии с таким главным элементом данного критерия, как максимизирующее поведение, к экономике относятся процессы, управляемые на основе экономического принципа. Проблемой данного критерия экономики является то, что абсолютно любая деятельность людей управляется экономическим принципом. В связи с этим объектами исследования экономической теории также становятся абсолютно все процессы человеческой деятельности, что, естественно, не соответствует действительности.

Г.С. Беккер, как и Л.Роббинс, формально вырабатывает свой «критерий» экономики в порядке критики альтернативных критериев, а именно тех же материальных благ и рыночного обмена плюс критерия

Л.Роббинса. Как пишет Г.С. Беккер, «до сих пор в ходу по меньшей мере три противостоящих определения экономической науки (economics). Она, как утверждают, занимается изучением: а) распределения материальных благ ради удовлетворения материальных потребностей; б) рыночного сектора; в) распределения ограниченных средств для удовлетворения конкурирующих целей» [8, с. 28-29]. Реальной же целью выработки рассматриваемого критерия является захват предметов других наук. Беккер приводит целый ряд исследований из областей других наук, предпринятых в 60-70-х гг. XX в., которые были осуществлены на основе экономического подхода, а именно развития языка, посещаемости церквей, политической деятельности, правовой системы, вымирания животных, самоубийств, альтруизма и социальных взаимодействий, брака, рождаемости и разводов [8, с. 38], которые в связи с этим стали экономико-теоретическими исследованиями. Сам Беккер особо подчеркивает необходимость включения в орбиту исследований экономической теории такого вида деятельности, как война, разумеется, на основе экономического подхода [8, с. 37]. При этом Беккер, в отличие от Л.Роббинса, даже не приводит случаев, когда к тем или иным процессам не может быть применен экономический подход. Напротив, Беккер пишет: «...Я пришел к убеждению, что экономический подход ... применим ко всякому человеческому поведению – к ценам денежным и теневым, вменным (т.е. ценам нерыночного сектора. – Ю.Б.); к решениям повторяющимся и однократным, важным и малозначимым; к целям эмоционально нагруженным и нейтральным; к поведению богачей и бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся» [8, с. 35-36]. Именно за захват предметов других наук экономический подход Г.С. Беккера был назван «Экономический империализм».

Конечно, если бы Беккер утверждал, что, в частности, максимизирующее поведение характеризует не всю деятельность людей, можно было бы показать, что данный взгляд окончательно опровергнут еще в начале XX в. на примере сравнения процессов, разрабатываемых экономистом и техником. Действительно, долгое время считалось, что экономист разрабатывает свои процессы, руководствуясь экономическим принципом, а техник – нет. Как писал, например, Д.Д. Морев в своем «Руководстве политической экономии» (1892), «в каждом отдельном случае специальная задача экономии заключается в расчете, в сопоставлении суммы пожертвований, усилий, затрат с суммой ожидаемых к получению благ, а задача техники – в достижении поставленной цели за какую бы то ни было цену, хотя бы дело шло о выращивании ананасов на крайнем севере» [23, с. 19]. Конечно же, это заблуждение. Разрабатывая свои (технические) процессы, техник также руководствуется экономическим принципом. Как отмечал М.И. Туган-Барановский в «Основах политической экономии» (1911), «при устройстве машины техник

не может не принимать в соображение затраты механических сил при работе этой машины и полезного действия ее. Техника, которая не исходила бы в своих расчетах из принципа экономии сил, иначе говоря, из хозяйственного расчета, была бы непригодна ни для каких практических целей...» [17, с. 8-9].

Империализм Г.С. Беккера проявляется и в критике критерия экономики Л.Роббинса. Он хвалит это определение за то, что редкость ресурсов и вытекающий из нее выбор наблюдаются и в политике (решения, какие отрасли облагать налогом, как быстро расширять предложение денег и нужно ли вступать в войну), и в семье (выбор супруга и планирование размеров семьи, определение частоты посещения церкви, распределение времени между сном и бодрствованием), и в научной деятельности (распределение учеными времени и умственных усилий между различными проблемами) [8, с. 30]. Беккер критикует определение Роббинса за то, что оно всегда обставляется оговорками, исключаящими из анализа внерыночное поведение [8, с. 30], что сдерживает реализацию империалистических устремлений экономической теории.

Случай с критерием экономии Г.С. Беккера подтверждает ранее сделанный вывод о том, что стремление к захвату предметов других наук возникает в период кризиса науки. Работа Г.С. Беккера «Экономический подход к человеческому поведению», во «Введении» которой был представлен взгляд ученого на предмет науки, вышла в 1976 г., т.е. вскоре после того, как потерпела окончательный крах уже кейнсианская экономическая теория, когда на примере «кейнсианской» стабилизационной политики, проводившейся в США в период кризиса 1974-1975 гг., было доказано, что ее меры не достигают цели и, наоборот, приводят к дестабилизации экономики.

Важно отметить, что в конце XIX в. экономический принцип рассматривался не как критерий экономики, а как критерий экономического исследования в попытках разделить исследование одних и тех же процессов (результаты исследования) между экономикой и техникой. Дело в том, что благодаря немецкой науке в политической экономии утвердился абсолютно ошибочный взгляд, согласно которому экономика и техника имеют общие объекты исследования, каковыми выступают хозяйственные процессы. Как писал И.Горлов в «Началах политической экономии» (1859, т. 1), «в Германии с распространением университетского преподавания рано появился особый отдел наук, имеющих своим предметом государство, и даже только одну сторону государственной жизни, именно хозяйственную; среди этих-то наук, называемых камеральными, государственная экономия заняла свойственное ей место. Камеральные науки все имеют одну цель и один предмет (реально – объект. – Ю.Б.)...» [24, с. 18]. Как следует из работы Горлова, к камеральным наукам, помимо государственной (политической) экономии,

относятся технические науки, а также отраслевые (частные) экономики, экономическое право, финансовое право (т.е. экономическая политика и финансовая наука соответственно) и экономическая история и статистика [24, с. 14-15]. И в значительной мере на почве именно рассмотренного выше заблуждения, на фоне осознания неадекватности такого критерия разделения исследования хозяйственных процессов между экономикой и техникой, как экономический принцип (а вовсе не благодаря определению предмета в «Капитале» К.Маркса, на которое тогда никто не обращал внимания), в российской политической экономии к концу XIX в. закрепляется определение ее предмета как отношений между людьми (социальных отношений). Как писал А.И. Чупров в своей «Политической экономии», вышедшей в 1892 г., «...предметом экономии является анализ тех связей и отношений, которые завязываются в народном хозяйстве между отдельными входящими в него единичными хозяйствами» [13, с. 18]. В типичном курсе политической экономии закрепляется и соответствующее разграничение исследования между экономикой и техникой. Так, А.Боровой пишет в «Популярном курсе политической экономии» (1908): «Рассматривая хозяйственную деятельность, мы, прежде всего, замечаем в ней наличность определенных технических процессов, с помощью которых мы овладеваем силами природы и приспособляем их к служению нашим целям. Эта техническая сторона хозяйственной деятельности не подлежит ведению экономической науки, она изучается разнообразными техническими дисциплинами. Экономическая же наука исследует другой основной момент хозяйственной деятельности – социальные отношения» [18, с. 9-10].

После проведенного анализа определений, на основе которых формируется концепция предмета исследования в современной российской экономической теории, становится ясно, что данная концепция не только не выполняет своего предназначения, но и, мягко говоря, вводит читателей в заблуждение относительно реального предмета экономической теории. Это значит, что концепция предмета экономической теории должна быть срочно пересмотрена в духе современных представлений о структуре методологии (см. начало статьи), а определения, на основе которых она в настоящее время формируется, – отправлены на «свалку истории», т.е. в историю экономической мысли, причем с обозначением «Откровенные заблуждения».

Приведение концепции предмета экономической теории в «научный» вид необходимо еще и потому, что неправильное развитие данной концепции, вызванное возникшей в начале XIX в. сокращенной, а затем ставшей «рекламной» трактовкой предмета науки как богатства, привело к стихийному формированию и параллельному существованию множества конкурирующих методологических конструктов с функциями концепции предмета (проблемы, решаемые наукой, отделы науки, по-

зитивное и нормативное исследование, функции науки, задачи науки, роли экономиста-теоретика и др.), которые ни поодиночке, ни в совокупности и даже вместе с концепцией предмета не способны адекватно передать содержание предмета науки.

Литература:

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 1. – Кн. 1. Процесс производства капитала. – М.-Л.: Гос. изд., 1930 [XLVI]. – 621 с.
2. Энгельс Ф. Философия, Политическая экономия, Социализм (Переворот в науке, произведенный Дюрингом). – СПб.: Изд. В.И. Яковенко, 1905 [XXIV]. – 444 с.
3. Медведев В.А., Абалкин Л.И., Ожерельев О.И. и др. Политическая экономия: Учебник. – М.: Политиздат, 1989. – 735 с.
4. Маршалл А. Принципы экономической науки: Пер. с англ.: В 3-х т. – М.: Прогресс, 1993. – Т. 1. – 416 с.
5. Мацуляк И.Д. Предмет и метод общей экономической теории // Финансовая экономика. – 2016. – № 2. – С. 63-77.
6. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. – 1993. – Вып. 1. – С. 10-23.
7. Курс экономической теории: Учебник / Под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. – Киров: АСА, 2007. – 848 с.
8. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
9. Экономика: Учебник / Под ред. А.И. Архипова, А.Н. Нестеренко, А.К. Большакова. – М.: М.А. Захаров, 2001. – 784 с.
10. Будович Ю.И. Дискуссия о предмете экономической теории в XXI в.: перевод в конструктивное русло. – М.: МАКС Пресс, 2015. – 536 с.
11. Сегаль К. Краткий курс политической экономии. – М.: Ленинград: Государств. социально-экономич. изд., 1934. – 332 с.
12. Предмет и метод политической экономии. – М.: Типография И.А. Баландина, 1899 [IV]. – 279 с.
13. Чупров А.И. Курс политической экономии. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1918. – 356 с.
14. Коссе Л. Истории экономических учений. – Киев: Южно-русское книгоиздат-во Ф.А. Иогансена, 1900. – 471 с.
15. Капустин М. Чтения о политической экономии и финансах. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1879. – 382 с.
16. Сэй Ж.-Б., Бастиа Ф. Трактат по политической экономии / Ж.-Б. Сэй; Экономические софизмы. Экономические гармонии / Ф.Бастиа. – М.: Дело, 2000. – 232 с.
17. Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. – СПб.: Изд. Юридич. книжн. склада «Право», 1911 [XI]. – 510 с.
18. Боровой А. Популярный курс политической экономии. – М.: Книгоиздат-во «Польза» В.Антик и К^о, 1908. – 326 с.
19. Леонтьев Л.А. Начальный курс политической экономии. – М.: Госполитиздат, 1962. – 511 с.
20. Предмет и метод политической экономии социализма. – Саратов: Издат. Саратовск. ун-та, 1974. – 485 с.
21. Будович Ю.И. Эволюция представления о критерии экономики // Феномен рыночного хозяйства: векторы и особенности эволюции / Под ред. В.А. Сидорова, Я.С. Ядгарова, В.В. Чапли. – Ставрополь: LSP, 2017. – С. 68-74.
22. Менгер К. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – 496 с.
23. Морев Д.Д. Руководство политической экономии. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1892 [VIII]. – 315 с.

24. Горлов И. Начала политической экономии: В 2-х т. – СПб.: Типография П.А. Кулиша, 1859 [VIII]. – Т. 1. – 493 с.

References:

1. Marx K. Capital. Criticism of political economy. – V. 1. Book 1. The process of production of capital. – M.-L.: State Publishing House, 1930 [XLVI]. – 621 p.
2. Engels F. Philosophy, Political Economy, Socialism (A revolution in science, produced by Dühring). – Spb Publishing V.Yakovenko, 1905 [XXIV]. – 444 p.
3. Medvedev V., Abalkin L., Ozherelyev O. and others. Political Economy: A Textbook. – M.: Politizdat, 1989. – 735 p.
4. Marshall A. Principles of Economic Science: Trans. from English. In 3 volumes. – V. I. – M.: Progress, 1993. – 416 p.
5. Matskulyak I. The subject and method of general economic theory // Financial Economics. – 2016. – № 2. – 63-77 p.
6. Robbins L. The subject of economic science // THESIS. – 1993. – Iss. 1. – 10-23 p.
7. A course in economic theory: Textbook / Ed. by M.Chepurina, E.Kiseleva. – Kirov: ASA, 2007. – 848 p.
8. Becker G. Human behavior: an economic approach. Selected works on economic theory: trans. from English. – M.: State University of Higher School of Economics, 2003. – 672 p.
9. Economics: Textbook / Ed. by A.Arkipova, A.Nesterenko, A.Bolshakova. – M.: M.A. Zakharov, 2001. – 784 p.
10. Budovich Yu. Discussion on the subject of economic theory in the 21st century: transition into a constructive channel. – M.: MAKS Press, 2015. – 536 p.
11. Segal K. A short course of political economy. – M.: Leningrad: State social and economic digest, 1934. – 332 p.
12. The subject and method of political economy. – M.: Typography I.Balandina, 1899 [IV]. – 279 p.
13. Chuprov A. The course of political economy. – M.: M. and S.Sabashnikov Publishing House, 1918. – 356 p.
14. Kosse L. History of economic doctrines. – Kiev: South-Russian book publishing FA. Johansen, 1900. – 471 p.
15. Kapustin M. Readings on political economy and finance. – Yaroslavl: Printing house of the Provincial Board, 1879. – 382 p.
16. Sei J.-B., Bastia F. A Treatise on Political Economy / J.-B. Say; Economic sophisms. Economic harmony / F.Bastia. – M.: The Case, 2000. – 232 p.
17. Tugan-Baranovsky M. Fundamentals of Political Economy. – St. Pb.: Publication of the Legal book warehouse «Law», 1911 [XI]. – 510 p.
18. Borovoy A. A popular course of political economy. – M.: Publishing House «Polza» V.Antik and Co., 1908. – 326 p.
19. Leontyev L.A. The initial course of political economy. – M.: Gospolitizdat, 1962. – 511 p.
20. The subject and method of the political economy of socialism. – Saratov: Saratov University Press, 1974. – 485 p.
21. Budovich Yu. Evolution of the concept of the criterion of the economy // The phenomenon of market economy: vectors and features of evolution / Ed. by V.Sidorova, Ya.Yadgarova, V.Chapli. – Stavropol: LSP, 2017. – P. 68-74.
22. Menger K. Selected works. – M.: Territory of the Future, 2005. – 496 p.
23. Morev D. Leadership of political economy. – St. Petersburg: M.Stasyulevych Printing House, 1892 [VIII]. – 315 p.
24. Gorlov I. The beginning of political economy: In 2 vols. – V. 1. – St. Petersburg: Printing house P.A. Kulish, 1859 [VIII]. – 493 p.

УДК 330.101

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ДИАЛЕКТИКА И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД МЕТОДАМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ?

ARE THE DIALECTICS AND THE SYSTEM APPROACH METHODS OF ECONOMIC THEORY?

ЛЕБЕДЕВ К.Н., д-р экон. наук, доцент, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

E-mail: KNLebedev@fa.ru

LEBEDEV K., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Economic Theory Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

E-mail: KNLebedev@fa.ru

Аннотация

В статье раскрывается организмическая сущность таких «главных» методов экономико-теоретического исследования, как диалектика и системный подход, демонстрируются ограниченный характер их применения в научном и практическом экономическом исследовании и вред от него, обосновывается необходимость скорейшего исключения диалектики и системного подхода из метода экономической теории и экономического исследования в целом и формирования «своего», экономического, метода исследования.

Ключевые слова: диалектика, системный подход, метод экономического исследования, аналогии с организмами, научная индукция, эксперимент, математический метод, анализ.

Abstract

The article reveals the organismic nature of such «basic» methods of economic and theoretical research as dialectics and the system approach. The author demonstrates the limited nature of their application in scientific and practical economic research, justifies the need for an early elimination of dialectics and a systematic approach from the economic theory and economic research in general, and the formation of «one's own» economic method of research.

Key words: dialectics, system approach, method of economic research, analogies with organisms, scientific induction, experiment, mathematical method, analysis.

Заканчиваются 10-е годы XXI в., мир еще более усложнился, в экономике возникли новые масштабные проблемы, требующие срочного решения, а в отечественной экономической теории в качестве главных и безусловных подходов науки продолжают рассматривать давно «обанкротившиеся» в экономическом исследовании диалектику и системный подход. И на самом деле, как пишет И.Д. Мацкуляк в статье «Предмет

и метод общей экономической теории» (2016), «сложность и многоаспектность экономической системы требует адекватных методов ее познания. Фундаментальный принцип методологии общей экономической теории состоит в системном подходе к анализу производственно-хозяйственных явлений и процессов... Среди методов общей экономической теории выделим основные. / Диалектика – общий для всех наук метод познания, включая общую экономическую теорию» [1, с. 73]. Между тем, возможности диалектики и системного подхода в адекватном исследовании экономических процессов весьма ограничены, а их некритичное использование наносит экономическому исследованию существенный ущерб. Это следует из того, что они являются организмическими подходами к объектам исследования и самому исследованию.

Диалектика, о которой идет речь, включает «основные» законы диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания и законы взаимодействия взаимосвязанных философских категорий: сущности и явления, формы и содержания, свободы и необходимости, причины и следствия и др. Классики марксизма, к которым восходит диалектика, не подчеркивали организмического характера данного учения. Он также не следует из его названия. Однако этот характер ясен из определения диалектики и комментариев к нему, данных Ф.Энгельсом в примечаниях к «Анти-Дюрингу» (1876-1878): «В помещенном выше сочинении диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах всякого движения. Это означает, что ее законы должны иметь силу как для движения в природе и человеческой истории, так и для движения мышления» [2, с. 291]. Таким образом, речь идет о законах, одинаковых для «живой» и «неживой» природы, общества и мышления. Следовательно, их применение в экономическом исследовании есть применение аналогий с миром организмов.

Организмический характер диалектики подтверждают признания о том, под влиянием каких учений возникла диалектика. Как пишет М.М. Розенталь в книге «Марксистский диалектический метод» (1952), «особенно великую роль в становлении нового мировоззрения сыграла теория происхождения и развития органических видов Дарвина» [3, с. 24]. Как и в случае с системным подходом (см. ниже), формированию диалектики предшествовало появление учения, образовавшего «прорыв» в исследовании организмов.

Организмический характер диалектики подтверждает тенденция разъяснять суть и доказывать существование законов диалектики на примере организмов, переходя от них как от очевидных случаев к более сложным случаям из других областей исследования. Так, Ф.Энгельс в «Анти-Дюринге» в ответ на критику Е.Дюрингом К.Маркса за использование им философского закона отрицания отрицания для доказательства

«естественной» необходимости смены капиталистической собственности общественной собственностью выводит закон отрицания отрицания из случая с ячменным зерном: «...Если ... ячменное зерно найдет нормальные для себя условия, если попадет на благоприятную почву, то под влиянием теплоты и влажности с ним произойдет своеобразное изменение: оно прорастет; зерно как таковое перестает существовать, подвергается отрицанию; на его месте появляется выросшее из зерна растение – отрицание зерна. Каков же нормальный жизненный путь этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и, наконец, производит вновь ячменные зерна, а как только последние созреют, стебель отмирает, подвергается, в свою очередь, отрицанию. Как результат этого отрицания отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не просто одно зерно, а в десять, двадцать, тридцать раз большее количество зерен» [2, с. 106]. Далее Ф.Энгельс рассматривает отрицание отрицания на примере развития пластических декоративных растений и насекомых [2, с. 106]. Разъяснив суть и доказав существование данного закона на примере растительного и животного царств, Ф.Энгельс подтверждает его действие в геологии, математике, истории и философии [2, с. 107-110].

Организмический характер диалектики подтверждает подход, на смену которому она шла. Диалектика шла на смену метафизике. Если диалектика является организмическим подходом, то сменяемым ею подходом должен быть механистический подход, или механицизм, т.е. применение к объектам познания и к самому процессу их познания аналогий с механизмами. Метафизика и есть механицизм. Вот как этот подход описывается в уже упоминавшемся выше «Кратком философском словаре» под ред. М.Розенталя и П.Юдина (1954): «Для метафизиков характерен взгляд на природу как на состояние покоя и неподвижности, застоя и неизменяемости. Они считают процесс развития простым процессом роста, где количественные изменения не ведут к качественным. Метафизика отрицает внутреннюю противоречивость предметов; источником развития для нее является столкновение внешних противоположных сил» [4, с. 345]. А вот как в этом же словаре описывается механистический материализм (просто механицизма в словаре нет): «Движение он рассматривает не как изменение вообще, а как механическое перемещение тел в пространстве, являющееся результатом внешнего воздействия – удара тела о тело. Механистический материализм отрицает внутренние источники движения предметов, их качественное изменение, скачкообразность развития, развитие от низшего к высшему, от простого к сложному» [4, с. 347]. Кстати, то, что механицизм проходит под названием «Метафизика», также скрывает организмическую сущность диалектики.

Конечно же, организмический характер диалектики подтверждают «контрпримеры» законов диалектики в экономической жизни (см. ниже).

Организмический характер системного подхода ясен из истории его возникновения. Созданный ученым австрийского происхождения Людвигом фон Берталанфи и его сторонниками (К.Боулдингом, А.Раппопортом, У.Р. Эшби и др.) в середине XX в., он первоначально развивался как реакция на определенные недостатки биологического исследования, которые затем были позиционированы как недостатки всего научного и практического исследования в обществе. Одним из них было применение к объектам исследования модели механизма. Из-за этого в биологии не могли справиться с антинаучным течением «витализм». Как писал Л.Берталанфи в работе «Общая теория систем – критический обзор» (1962), «40 лет назад, когда я начал карьеру ученого, биология была вовлечена в спор между механицизмом и витализмом. Механистическая точка зрения, по существу, заключалась в сведении живых организмов к частям и частичным процессам, организм рассматривался как агрегат клеток, клетки – как агрегат коллоидов и органических молекул, поведение – как сумма безусловных и условных рефлексов и т.д. Проблемы организации этих частей для сохранения жизнеспособности организма, проблемы регулирования после нарушений и тому подобные в то время либо полностью обходились, либо в соответствии с виталистической концепцией объяснялись только действием таких факторов, как душа или аналогичные ей маленькие домовые, обитающие в клетке или организме, что, очевидно, было не чем иным, как провозглашением банкротства науки. В этих условиях я был вынужден стать защитником так называемой организмической точки зрения» [5, с. 27-28]. Результатом развития этой точки зрения стала «теория открытых систем», представляющая собой набор признаков (свойств), естественно, характеризующих функционирование и развитие организмов. К таковым относились (как ясно из вышупомянутого сочинения Л.Берталанфи), в частности: целостность (наличие у объекта свойств, не присущих его элементам в их разобщенности, или «целое больше суммы частей»), наличие комплекса элементов, взаимодействие между элементами, открытость (непрерывный обмен с внешней средой веществом, энергией, информацией), организация (внутренняя упорядоченность, взаимодействие частей объекта в силу внутренних законов последнего), прогрессивная дифференциация (возникновение у объектов специализированных частей, например, превращение клеток зародыша в специализированные клетки тканей и органов по мере развития организма, и развитие объектов по пути перехода от простых состояний к состояниям высокой сложности согласно внутренним законам их организации), наличие ведущей части, целенаправленность, телеология (зависимость поведения объекта от заранее известных целей), наличие

памяти (зависимость поведения объекта от его предшествующей истории), эквивинальность (способность достигать определенных состояний вне зависимости от исходных условий), рост во времени, конкуренция (борьба за существование между элементами системы), иерархия (наличие у объекта элементов нескольких уровней), спонтанная активность (обусловленность движений объектов не внешними стимулами, а внутренней потребностью), адаптация, развитие (рождение, рост, смерть).

Возникновение системного подхода было связано, прежде всего, с распространением модели открытой системы на объекты исследования и само исследование во всех его областях. Данная модель стала элементом такой части системного подхода, как «общая теория систем» (в узком смысле – общей теорией систем часто называют системный подход в целом). В последнюю, в результате включения в состав системного подхода кибернетики, созданной американцем Н.Винером (см. ниже), также вошла модель кибернетической системы, представляющая собой набор общих свойств управления в объектах различной природы, прежде всего, в организмах и саморегулирующихся технических системах, в который входят, в частности, такие известные свойства систем, как саморегулирование на основе обратной связи (т.е. на основе сравнения с эталоном результата деятельности) и гомеостазис (саморегулирование на основе сравнения с эталоном какого-то числового параметра объекта, который в нормальном состоянии должен поддерживаться на неизменном уровне, например, поддержание организмом температуры тела на уровне 37 градусов). Затем общая теория систем стала пополняться моделями других «сложных» систем (самоорганизующейся, целенаправленной и т.д.). Однако все эти «сложные» системы объединяет то, что приписываемые им свойства, какой бы общий характер они не носили, обязательно являются и свойствами организмов (следует отметить, что общая теория систем в узком смысле включила и «простые» системы, выступающие антиподами «сложных», например, закрытую систему, выступающую антиподом открытой системы, что скрывает организмическую сущность системного подхода).

К недостаткам биологического исследования, которые затем стали рассматриваться как недостатки всего исследования в обществе, Л.Берталанфи и его сторонники также относили исследование «с расчленением на части», по их мнению, крайне задерживавшее процесс познания. Это изучение однофакторных зависимостей в ущерб изучению зависимостей от ряда одновременно действующих факторов, изучение поведения частей целого в ущерб изучению поведения самого целого, изучение поведения целого на основе изучения поведения его частей. Как способ преодоления этих недостатков системный подход включил в себя метод и на уровне общенаучных и соответствующих им конкретных

методов исследования (диалектика и общая теория систем в рассматриваемом отношении выступают элементами «философского» уровня метода исследования). Как отмечал У.Р. Эшби в работе «Общая теория систем как новая научная дисциплина» (1958), имея в виду системный подход и входящую в него кибернетику, «...сейчас появляется новая научная дисциплина, которая исследует системы без их расчленения. Внутренние взаимодействия при этом не нарушаются, и система изучается в полном смысле слова как единое целое» [5, с. 127].

Метод системного подхода не включает научную дедукцию (мысленное и с помощью технических средств, таких как ручка и бумага, калькулятор, ЭВМ и др., моделирование изучаемого процесса на основе знания законов поведения осуществляющего его объекта и объектов его внешней среды, или их элементов), поскольку использование этого приема исследования требует предварительного изучения поведения частей целого, что замедляет исследование. Интересно, что на том основании, что дедукция требует «расчленения на части», дедукция в системном подходе относится к «механистическому» методу. Как писал А.Раппопорт в работе «Математические аспекты абстрактного анализа систем», появившейся в 1966 г., о «механистическом» методе, «он включает все формы анализа, которые стремятся объяснить действие целого из действия его частей» [5, с. 87].

В основе метода системного подхода лежат разработанный в кибернетике метод «черный ящик» и математический метод системного подхода. Суть «черного ящика» образуют приемы индуктивного исследования функционирования объектов в форме простого наблюдения или научного эксперимента (в полном виде «черный ящик» включает и математические приемы обработки результатов соответствующего эмпирического исследования). Один из аспектов метода «черный ящик» (в рассматриваемом отношении), очевидно наиболее известный, хорошо отражен в «Большой Советской Энциклопедии» (1978): «Черный ящик» – объект изучения, внутреннее устройство которого либо неизвестно, либо слишком сложно для того, чтобы можно было по свойствам его составных частей (элементов) и структуре связей между ними делать вывод о поведении объекта; метод исследования таких объектов. Метод «Черный ящик» применяют в тех случаях, когда внешнему наблюдателю известны лишь входные воздействия на объект и его ответная реакция, а процессы, в нем протекающие, неизвестны. Простейшим примером использования метода «Черный ящик» может служить изучение многополюсника, внутренняя схема которого неизвестна. Наблюдая достаточно долго за поведением такого объекта и, если потребуется, выполняя активные эксперименты над ним, т.е. изменяя некоторым образом входные воздействия, можно достигнуть такого уровня знания

свойств объекта, чтобы иметь возможность предсказать изменение его поведения при любом заданном входном воздействии» [6, с. 107].

Другим аспектом метода «черный ящик» является определение структуры (строения) объекта «без расчленения на части». На этом аспекте метода «черный ящик» акцентирует внимание У.Р. Эшби. Как он писал в вышеупомянутой в работе, «представим себе, что перед исследователем находится «черный ящик», который по целому ряду причин нельзя открыть. В распоряжении исследователя имеются различные входы: переключатели, которыми можно оперировать, зажимы, на которые можно подавать различные напряжения, фотоэлементы, которые можно освещать, и т.д. Кроме того, исследователь может использовать различные выходы – клеммы, на которых измеряются напряжения, индикаторные лампочки, стрелки, движущиеся по градуированным шкалам, и т.д. Задача исследователя состоит в следующем: манипулируя по своему желанию с входами и проводя любые наблюдения над выходами, он должен сделать вывод о том, что может содержаться внутри ящика» [5, с. 131]. В работе «Введение в кибернетику» (1958) У.Р. Эшби также отмечает возможность замены «черного ящика» при его изучении объектом, изоморфным ему по поведению. Как пишет У.Р. Эшби, «...использование изоморфных систем – обычное и важное явление. Оно важно потому, что большинство систем имеет как трудные, так и легкие для изучения участки. Когда экспериментатор доходит до трудного участка исследуемой системы, то при наличии изоморфной формы может случиться, что соответствующий участок в этой новой форме будет гораздо легче для понимания, или управления, или изучения. И опыт показал, что возможность перейти к изоморфной форме хотя и не дает абсолютно надежных результатов..., но тем не менее оказывает в высшей степени полезную и практическую помощь экспериментатору» [7, с. 141].

Из описания «черного ящика» и даже из его названия несложно понять, что этот метод разрабатывался на примере технического исследования и применим, прежде всего, в нем. Между тем, основатели системного подхода искренне верили в его общий характер. Как писал У.Р. Эшби о «черном ящике» в работе «Общая теория систем как новая научная дисциплина» (1958), «родился этот принцип в электротехнике, но сфера его применения на самом деле значительно шире и охватывает, по-видимому, всю науку» [5, с. 131].

Очевидно, что сущностью математического метода системного подхода являются модели с несколькими независимыми переменными. Как ясно из работы Л.Берталанфи «Общая теория систем – критический обзор» (1962), математический метод системного подхода включает в себя приемы «новой» и «классической» математики. О входящих в него приемах «новой» математики можно судить по кругу дисциплин, включенных Л.Берталанфи в системный подход. В него входят: кибер-

нетика, теория информации, теория игр, теория решений, топология (теории сетей и графов), факторный анализ и общая теория систем в узком смысле, образующие фундаментальную науку, а также ее корреляты в прикладной науке – блок, состоящий из системотехники, исследования операций и инженерной психологии [5, с. 29-30]. При этом в самой данной работе получают освещение только математические модели, остающиеся в рамках «классической» математики, в частности, дифференциальные уравнения, о чем Л.Берталанфи специально предупреждает, желая на них продемонстрировать особенности применения математического метода в системном подходе [5, с. 54]. И на самом деле, его обзор касается уравнений, которые могут быть использованы для описания общих свойств объектов различной природы. Как пишет Л.Берталанфи, характеризуя, в частности, признак системы «конкуренция», «следует особо подчеркнуть, что и в динамике популяций, и в биологической «борьбе за существование», и в эконометрии, и в исследовании гонки вооружений и т.д. – во всех этих случаях используется одно и то же семейство уравнений...» [5, с. 59]. Таким образом, спецификой использования математического метода в системном подходе является выявление математических моделей, характеризующих признаки систем, которые вместе с самими признаками могут применяться для изучения объектов различной природы.

Важно отметить, что математический метод рассматривался основателями системного подхода как метод получения точных и окончательных выводов. Как писал У.Р. Эшби в работе «Общая теория систем как новая научная дисциплина» (1958), характеризуя использование математического метода в кристаллографии, рассматриваемое им как идеал, «установлено, что множество всех мыслимых кристаллов должно подчиняться определенным законам, так что математическая кристаллография может точно прогнозировать, какого рода кристаллы могут быть созданы в том или ином случае» [5, с. 128]. Математическая модель «черного ящика», получаемая в результате обработки протокола испытаний, также предназначена для получения точных и окончательных данных о поведении исследуемого объекта в прошлом или будущем.

Метод системного подхода также включает анализ (как расчленение на части) внутренней и внешней среды изучаемого объекта, ориентирующийся на их физическое строение на начало исследования. В работе А.Д. Холла и Р.Е. Фейджина «Определение понятия системы» (1956) в качестве примера использования анализа приводится выделение подсистем в такой физической системе, как радиосистема, которое для такого ее элемента, как усилитель, является и выделением элементов во внешней среде изучаемой системы. А.Д. Холл и Р.Е. Фейджин пишут о примере радиосистемы, что «...он хорошо иллюстрирует метод

разделения систем на подсистемы. Сам усилитель является довольно сложной системой; звукосниматель и громкоговоритель, которые также являются системами определенного вида, могут рассматриваться как части окружающей среды усилителя. В свою очередь, усилитель может быть разделен на фазы, и каждая из электрических цепей может рассматриваться как отдельная подсистема» [5, с. 260-261].

Проблемой диалектики и системного подхода как альтернативных методологий исследования в экономике является то, что входящие в них законы функционирования и развития изучаемых объектов и методы их исследования (в случае с системным подходом) как законы и методы исследования организмов имеют весьма ограниченное применение в экономическом исследовании.

Ограниченность законов диалектики и свойств «сложных» систем как подходов экономического исследования обусловлена тем, что аналогии с организмами охватывают далеко не все стороны экономических объектов и, как правило, не являются прямыми. Как писал об этом К.Менгер в работе «Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (1883), «во-первых, лишь некоторая часть социальных явлений обнаруживает аналогию с естественными организмами... Во-вторых, аналогия между социальными явлениями и естественными организмами даже там, где о таковой, согласно сказанному, и может быть речь, не бывает полной, охватывающей все стороны существа известных явлений...» [8, с. 390]. Такая ситуация сдерживает исследование экономических процессов, если оно ориентируется на организмические аналогии.

Во многих же случаях экономические объекты обладают признаками, противоположными признакам организмов, или демонстрируют противоположные формы их проявления, и при этом их функционирование является эффективным. По этой причине применение аналогий с организмами приводит к получению в экономическом исследовании неверных исследовательских результатов (экономических законов, мер экономической политики и т.д.). В связи с этим история экономического исследования выступает накоплением организмических «контрпримеров».

Одним из наиболее ярких контрпримеров диалектики в экономической жизни, обозначивших ее банкротство как подхода экономического исследования, стал провал идеи «мировой революции» (победы пролетарской революции во всем капиталистическом мире вскоре после Октябрьской революции 1917 г. в нашей стране). Он показал неприменимость в экономическом исследовании целого ряда законов диалектики, прежде всего наиболее убедительного положения, использованного К.Марксом для доказательства скорой и неизбежной гибели капитализма в результате пролетарской революции, а именно закона взаимодействия формы и содержания. Согласно этому закону содержание

определяет форму; содержание развивается эволюционно, а форма меняется революционно в те моменты, когда форма, не развиваясь вместе с содержанием, окончательно перестает ей соответствовать; форма оказывает обратное воздействие на развитие содержания, максимально способствуя ему после своей революционной смены и максимально затрудняя его к моменту очередной смены. В Марксовой экономической теории формой была такая сторона капиталистического способа производства, как производственные отношения, а содержанием – производительные силы (в «последней» версии – совокупность рабочей силы, средств производства, организации производства и науки). В основе гибели капитализма лежала гибель капиталистического способа производства, под которой понималась революционная смена капиталистических производственных отношений (межхозяйственных связей), прежде всего отношений собственности (отношений пользования и распоряжения активами, приносящими доход), «общественными» производственными отношениями (характеризующимися общественной собственностью на «средства производства») как соответствующими общественному характеру производства, которым таковое стало при капитализме в силу усиления централизации и концентрации капитала и т.д.

Основанная на рассмотренном выше философском законе картина общественного развития и описывается в широко известном отрывке из предисловия в произведении К.Маркса «К критике политической экономии» (1859): «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый, переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются за его разрешение» [цит. по 9, с. 123].

Несмотря на колоссальное по всем признакам усиление общественного характера производства в капиталистических странах, даже признаков грядущей смены капиталистических производственных отношений общественными не наблюдается и через 100 лет после Октябрьской революции. Таким образом, закон соответствия формы содержанию, который можно обнаружить в развитии тех же насекомых (как и закон отрицания отрицания – см. выше), «не сработал» как закон развития капитализма.

Одним из первых ярких «контрпримеров» системного подхода в экономическом исследовании, кстати, обнаруженном ученым из области менеджмента, т.е. науки, в наибольшей степени подвергнувшейся влиянию системного подхода Л.Берталанфи, хотя и не идентифицированном как таковой, стал «контрпример» такого признака систем, как «прогрессивная дифференциация» (см. выше). Изначально в менеджменте-науке специализация на отдельных операциях рассматривалась в качестве фактора повышения производительности труда. Однако П.Друкер в работе «Практика менеджмента» (1954) показал, что специализация на отдельных операциях, или «фордовский» принцип, далеко не всегда приводит к росту производительности даже в такой «классической» в рассматриваемом отношении отрасли, как машиностроение. Как отмечает П.Друкер, «в машиностроении можно найти массу примеров того, что реализация принципа «одно движение – один вид работы» не всегда давала максимальную производительность» [10, с. 291]. В качестве примера он приводит организацию процесса сборки авиамоторов во время Второй мировой войны. Весь процесс сборки, состоящий более чем из 80 операций, осуществлял один работник. К работе привлекались полуграмотные женщины, в связи с чем были разработаны подробные инструкции по сборке. Как пишет П.Друкер, «результат удивил всех: работа выполнялась быстрее и качественнее, а ее объем был больше, чем при использовании труда высококвалифицированных механиков или на традиционной сборочной линии» [10, с. 291]. П.Друкер показал, что в экономике происходит отказ от организации труда по «фордовскому» принципу, обосновывая его тем, что более сильными факторами роста производительности труда выступают необходимость задумываться над исполняемой работой, возможности принятия самостоятельных решений и повышения уровня квалификации. Он привел пример реорганизации службы по работе с письмами заказчиков на одном из заводов. Раньше один служащий отвечал только на жалобы, другой – только на запросы, третий работал с погашением кредитов и т.д. По новой системе каждый работник работает с определенной группой клиентов, но со всей корреспонденцией. Как отмечает П.Друкер, «в результате производительность труда возросла почти на 30%, а «текучесть кадров» в этом подразделении снизилась на две трети» [10, с. 291-292].

Как показывает анализ, аналогии с организмами оказывают реальную пользу исследованию, главным образом только на ранних стадиях исследования экономических объектов или при их исследовании на ранних стадиях их развития. Данный вывод подтверждается историей экономико-теоретического (политико-экономического) исследования. Организмические аналогии сыграли существенную роль в развитии экономико-теоретического исследования на его ранних стадиях. Наиболее значительные результаты от их использования получили физиократы. Так, они применили к экономике страны (без системы государственного управления ею) такой признак организмов, как организация (см. выше), и получили на его основе вывод о том, что экономика функционирует в силу внутренних законов и регламентация хозяйственной деятельности со стороны государства ей не нужна. Как писал о физиократах выдающийся отечественный специалист по истории экономической мысли Д.Н. Розенберг в лекциях «История экономических учений» (1940), «общество в целом они рассматривали наподобие человеческого организма. Тут, возможно, сказалось и то, что творец этой школы (Франсуа Кенэ. – К.Л.) сам был врачом и подходил к обществу как врач подходит к своему пациенту. Он говорил, что общество знает два состояния: здоровое состояние и болезненное состояние. Здоровое состояние, ... при котором хозяйственная деятельность ничем и никем не ограничена, когда производство, обращение, распределение функционируют вполне нормально... Народное хозяйство эпохи физиократов и кануна революции физиократы рассматривали как состояние болезненное. Отсюда очень важный вывод: как в природе, говорили они, имеются имманентные законы, законы, внутренне присущие данной природе, – так существуют имманентные законы и в обществе... Это положение подкрепляло их позицию в пользу невмешательства государственной власти в хозяйственную жизнь... Незачем еще вводить какие-то внешние законы, какую-то внешнюю регламентацию» [11, с. 77]. Кстати, ясно, что соответствующий признак организмов был хорошо известен в биологическом (медицинском) исследовании и находил применение и в нем, и в экономическом исследовании задолго до появления теории открытых систем Л.Берталанфи и ее распространения на все исследование.

Аналогии с системой кровообращения послужили Ф.Кенэ основой для создания теории кругооборота продуктов и доходов в экономике страны, отраженной в «экономической таблице», которая стала первой макроэкономической моделью, созданной в науке, навели на мысль о том, что производство является главной сферой общественного воспроизводства. Как писал Д.Н. Розенберг, «Кенэ как врач часто черпал образы из физиологии человека. Незадолго перед тем был понят механизм кровообращения, и вот Кенэ говорит, что обращение есть не что иное, как движение крови по кровеносным сосудам; по артериям кровь, кото-

рая должна питать организм, идет от сердца ко всем частям организма, а затем по венам отработанная кровь идет обратно. Производство – это сердце; кровеносные сосуды (обращение) крови не создают, они ее только разносят» [11, с. 79].

Однако даже на ранних стадиях развития экономической теории роль в нем аналогий с организмами не следует преувеличивать. На основе организмических аналогий никак не мог быть открыт экономический принцип, использованный А.Смитом для объяснения экономических явлений в его знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), что превратило политическую экономию в науку. Закон разделения труда в отдельном производстве, выведенный А.Смитом, был открыт без использования признака организмов «прогрессивная дифференциация», аналогом которого в обществе является разделение труда.

Понятно, что по мере развития экономической теории (политической экономии) и экономик стран объективное место аналогий с организмами в экономико-теоретическом исследовании постоянно уменьшалось, и попытки безоговорочно распространить на экономику очередные «организмические» учения не могли не встречать сопротивления со стороны экономической теории, особенно со стороны специалистов по методологии экономического исследования. Ярким примером борьбы с «органицизмом» в экономическом исследовании стала критика аналогий с организмами как метода социального исследования в уже упоминавшейся выше работе К.Менгера «Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (1883). Ее автор, очевидно, был настолько недоволен результатами организмических исследований, что вопреки своей же оценке возможностей аналогий с организмами в экономическом исследовании (см. выше) напроочь отвергал их применение. Как писал К.Менгер, «...перенесение результатов исследования физиологии и анатомии по аналогии в политическую экономию – такой абсурд, что ни один исследователь-методолог даже не удостоит его серьезным возражением. / Указанные ложные пути исследования, очевидно, те же, что физиолога или анатома, который вздумал бы законы и методы народно-хозяйственного учения без всякой критики переносить в свою науку, т.е. функции человеческого тела объяснять господствующими теориями народно-хозяйственного учения, например, кровотечение – одной из господствующих теорий денежного обращения или товарного обмена, пищеварение – одной из господствующих теорий потребления вещей, нервную систему – учением о телеграфном сообщении, функцию отдельных органов человеческого тела – функцией различных классов народа и т.д.» [8, с. 394-395]. Одним из результатов организмического исследования, которым был недоволен К.Менгер, была организмическая трактовка происхождения со-

циальных институтов, в соответствии с которой они заложены в самой природе организмов, которая фактически остановила соответствующее исследование. Как замечает К. Менгер по поводу данной теории, «... она не дает нам никакого разрешения рассматриваемой здесь проблемы, а лишь уклоняется от этого разрешения. Происхождение явления нимало не уясняется утверждением, что оно (явление) уже изначально существовало или что оно возникло натурально» [8, с. 407]. В итоге своей критики организмических аналогий К. Менгер допустил обоснованность их применения только для изложения готовых экономических выводов, если таковое облегчает их понимание, да и то в случаях, когда наука имеет дело с малообразованными слоями населения. Как писал К. Менгер, «...я никак не могу, однако, отрицать пользу известных аналогий между естественными организмами и социальными явлениями для определенных целей изложения... Как способ изложения аналогия может, конечно, быть полезной для известных целей и известных стадий изучения социальных явлений. Замечательнейшие умы пытались нередко выяснять своим современникам сущность социальных явлений сравнением с явлениями органическими, особенно в те эпохи, когда сущность первых явлений была еще более непонятна народу, чем в наши дни» [8, с. 395-396].

К сожалению, марксистская диалектика, как и позднее системный подход Л. Берталанфи, не стали объектами соответствующей критики со стороны экономической теории, прежде всего потому, что при внедрении в экономическое исследование были «скрытыми» формами органицизма. Очевидно, это существенным образом помогло утверждению диалектики в качестве главного метода отечественной политической экономии после перехода в нашей стране на рубеже 20–30-х гг. XX в. Представляется, что результат мог бы быть абсолютно иным, если бы диалектика подверглась в 20-х гг. прошлого века такой же критике, как «явное» организмическое учение «органической школы» в социологии (Г. Спенсер, П. Ф. Лилиенфельд, А. Шеффле, Р. Вормс, А. Эспинас и др.), о которой можно судить, в частности, по работе российского ученого С. Л. Франка «Очерк методологии общественных наук» (1922) [12, с. 40-46].

И системный подход внедрился в экономическое исследование в значительной мере благодаря тому, что был «скрытой» формой органицизма. Ведь в названиях «сложных» систем, подлежащих применению в исследовании, отсутствуют намеки на их органическое происхождение (открытая, кибернетическая, целеустремленная, самоорганизующаяся и др.).

Как было показано выше, системный подход отличается от диалектики тем, что включает собственно методы экономического исследования (методы, призванные «интенсифицировать» исследование). Методы исследования системного подхода не являются адекватными

методами экономического исследования в силу «особенностей» экономических процессов. А. И. Чупров в «Политической экономии» (1892), характеризуя главные из них (лежащие на стороне их причин, или обуславливающие «сложность» экономических процессов), отмечает, что «...причины, от которых зависят явления социальной жизни: а) многочисленны; б) эти многочисленные причины действуют большей частью совместно, так что представляется невозможным отделить действие одних от действия других; в) наконец, каждый из общественных факторов подлежит постоянным изменениям» [13, с. 43]. «Сложные» процессы, образующие основную массу экономических процессов, не могут быть изучены методом «черный ящик», хотя бы в силу множественности и совместного действия их факторов, не позволяющих осуществлять «изолированное» изучение влияния на них определенных воздействий, в том числе в ходе экспериментальных исследований. По этой причине использование для изучения соответствующих процессов метода научной индукции может привести к ошибочным выводам. Пример такого вывода приводит А. И. Чупров в своей вышеуказанной работе. Это вывод американского экономиста Х. К. Кэри о необходимости покровительственной системы и ввозных пошлин для развития промышленности. Как пишет А. И. Чупров, «для решения данной проблемы Кэри ... прибегает к эмпирическому приему, который состоит в сравнительной оценке последствий, сопровождавших введение покровительственной системы или отмену ее в различных странах. Пользуясь, таким образом, по-видимому, индуктивным методом разницы, Кэри с историческими фактами в руках старается убедить своих читателей в том, что введение покровительственной таможенной системы влечет за собой процветание промышленности, и, наоборот, упадок последней является прямым последствием установления начал свободной торговли» [13, с. 43-44]. Как отмечает А. И. Чупров, «такую связь можно было бы считать несомненно существующей лишь в таком случае, если бы можно было доказать, как это и требуется индуктивным методом разницы, что на процветание промышленности в данную эпоху не оказывали влияния никакие другие причины, кроме покровительственных тарифов» [13, с. 44].

Как было показано в работе автора настоящей статьи «Проблемы и перспективы науки «Экономический анализ»» (2013), эксперимент в экономике крайне затруднен (по причине его дороговизны, моральных и юридических ограничений, негативных неэкономических последствий для экспериментатора), а его познавательная ценность очень низка (из-за невозможности «изолировать» изучаемые факторы, невозможности применения результатов изучения поведения одних экономических объектов для изучения поведения других) [14, с. 182-184]. Благодаря системному подходу эксперимент был введен в состав методов советской политической экономии, что вызвало экспериментальный «бум» в науке

и практике государственного управления, поспособствовавший краху советской экономики и, как следствие, развалу великой страны. Этот крах был обусловлен, в частности, неадекватностью экспериментов по изменению хозяйственного механизма, которые показывали «блестящие» результаты не в силу изучавшихся изменений в управлении предприятиями, а по причине создания особо благоприятных условий для их деятельности при проведении экспериментов. Очевидно, что простая замена в качестве главного показателя работы предприятия валовой продукции на реализованную продукцию не могла привести к такому результату «эксперимента в Ахчи», когда за год в соответствующем со-вхозе производительность труда выросла в несколько раз, а зарплата рабочего хватало на покупку автомобиля [15].

Использование математического метода в экономическом исследовании сильно ограничено тем, что с его помощью могут определяться зависимости только между теми причинами и следствиями, которые отражаются посредством показателей, в то время как в экономике изучаются зависимости показателей от параметров, не относящихся к показателям (например, роста ВВП от смены экономического курса правительства), наоборот, параметров, не относящихся к показателям, от показателей (например, смены экономического курса правительства от динамики показателей неравенства в распределении дохода) и, наконец, зависимости последних друг от друга (смены экономического курса правительства от смены президента). В связи с этим ориентация на использование в экономическом исследовании математического метода сдерживает экономическое исследование.

Результаты использования экономико-математических методов в конкретном и точном экономическом исследовании (в отличие от исследования в кристаллографии) являются весьма ненадежными. Во многих случаях это объясняется не учетом математическим методом особенностей экономических процессов, прежде всего множественности их факторов и изменения силы их действия. Тогда соответствующие выводы по возможности корректируются с помощью метода научной дедукции. Так, на действие не учитываемых факторов подлежат корректировке результаты решения задачи выбора структуры выпуска на основе метода линейного программирования. Т.Ричард в книге «Количественные методы анализа хозяйственной деятельности» (1999) приводит перечень обстоятельств, которые необходимо обязательно учесть перед применением данных результатов: 1) могут использоваться дополнительные материалы, применяемые исключительно при изготовлении какого-то одного типа товара, количество которых может быть ограничено; 2) выпуск какого-то товара может быть ограничен покупательским спросом; 3) номенклатура продукции зависит от других сфер деятельности фирмы, например, от складских площадей; 4) прибыль на единицу товара

может изменяться при изменении объема выпуска в связи с тем, что от объема выпуска зависят издержки производства; 5) поведение конкурентов; 6) вопросы ценообразования; 7) планы продвижения товара; 8) маркетинговые мероприятия [16, с. 302-303]. Понятно, что использование в этих случаях математических приемов для получения окончательных выводов, т.е. в духе системного подхода, чревато неверными выводами и соответствующими ошибками в хозяйственной политике.

Благодаря математическому методу системного подхода, а точнее – такому его элементу, как факторный анализ (см. выше), такая отечественная наука об управлении, как анализ хозяйственной деятельности предприятий, стала развивать и навязывать практике управления методы так называемого детерминированного факторного анализа (методы цепных подстановок, абсолютных и относительных разниц, интегральный, логарифмический, долевого участия и др.), служащие для измерения влияния на отклонения результативных показателей деятельности предприятия различных факторов. Данные методы во многих случаях дают неверные результаты, причем иногда даже не способны верно определить направления влияния факторов на изменение анализируемых показателей, что было показано, в частности, в такой работе автора настоящей статьи, как «Методы детерминированного факторного анализа и методология экономического исследования» (2008) [17].

Метод анализа системного подхода, ориентирующийся на физическое строение объектов, лишь ограниченно годен для выявления элементов в процессах, изучаемых в экономике, и в их внешней среде. На его основе в деятельности предприятия могут быть выделены лишь процессы, соответствующие его формальным подразделениям различного уровня, или отдельным факторам производства (например, деятельность субъекта управления, т.е. заводоуправления, и управляемой подсистемы; в последней на 1-м уровне – деятельность производственной части, отдела снабжения, отдела продаж и финансового отдела). Не представляется возможным выделять процессы по признакам: работы (например, деятельность по снабжению производственными ресурсами распределена между отделом снабжения, отделом кадров, хозяйственным отделом и другими подразделениями предприятия, которым разрешено самостоятельно закупать ресурсы), отношения к динамике и статике (текущая деятельность и деятельность по внесению изменений, например, строительство цеха), элемента деятельности (преобразование, получение, передача, транспортировка, уборка, хранение), периода времени (деятельность в течение года, квартала, недели, смены и пр.) и др. Поэтому методика анализа системного подхода сдерживает экономическое исследование. Отсюда и соответствующие проблемы такой науки о деятельности по управлению, как планирование на предприятии. Как пишет А.И. Ильин в работе «Планирование на предприятии» (2004) об элементах

деятельности предприятия, «в современной экономической науке и практике пока не сложилось единого, общепринятого мнения относительно состава этих частей, что затрудняет процессы планирования. Нет даже общепризнанного термина, который служил бы научным обоснованием составной части производственного процесса... Нет единого мнения и в отношении критериев выделения составных частей производственного процесса, что затрудняет разработку научно обоснованной концепции внутрифирменного планирования» [18, с. 25].

Если на ранних стадиях развития исследования или развития самих объектов исследования организмические учения могут приносить пользу исследованию, то на зрелых стадиях таковые приносят, главным образом, вред, который, как было показано выше, состоит в сдерживании исследования и получении неверных исследовательских результатов. В ряде работ автора настоящей статьи, в частности в монографии «Системный подход и методология менеджмента» (2008), были подробно проанализированы последствия внедрения системного подхода Л.Берталанфи в менеджмент-науку и практику в 60-х гг. XX в., подтверждающие данный вывод. Благодаря системному подходу многие положения данной науки «застряли» на стадии экономической реальности 60-х гг. прошлого века или являются откровенно неадекватными [19].

Сказанное выше о диалектике и системном подходе говорит о необходимости их скорейшего исключения из метода экономической теории и экономического исследования в целом, а также о том, что экономике давно нужен свой, «экономический», метод исследования. Его главной особенностью должен быть отказ от любых «жестких» моделей, состав которых в науке далеко не ограничивается «системами» системного подхода. Как показал С.Крейнер в работе «Библиотека избранных трудов о бизнесе. Книги, сотворившие менеджмент» (2005), проверку временем не выдержала ни одна «жесткая» модель менеджмента: ни «пять сил» Портера, ни «7S» Питерса и Уотермана, ни реинжиниринг бизнес-процессов, ни ключевые компетенции и т.д. Все они оказались лишь соблазнительными упрощениями реальной действительности. Как отмечает С.Крейнер, «мы не прочь стать богаче и успешнее, жить полноценной и размеренной жизнью. И хорошо бы достичь всего этого, сделав не более десяти шагов, обладая только семью навыками, восемью качествами и шестью принципами. Здорово получить все немедленно, руководствуясь ясными указаниями» [20, с. 87]. Модели должны иметь условный характер. При этом в экономическом «моделировании» с успехом могут быть использованы организмические системы системного подхода, прежде всего, для преодоления недостатков экономических теорий и концепций, сформированных на их основе, которыми особенно изобилует менеджмент-наука, в форме организмической «контрмодели». Она предполагает изучение экономических объектов на предмет

наличия у них свойств, противоположных свойствам организмов, проявлений этих свойств нескольких уровней, противоположных их проявлениям у организмов, одновременного наличия и тех, и других.

Литература:

1. Мацкуляк И.Д. Предмет и метод общей экономической теории // Финансовая экономика. – 2016. – № 2. – С. 63-77.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1978. – 358 с.
3. Розенталь М.М. Марксистский диалектический метод. – М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1952. – 348 с.
4. Краткий философский словарь / Под ред. М.Розенталя и П.Юдина. – М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1954. – 704 с.
5. Исследования по общей теории систем: Сб. переводов. – М.: Прогресс, 1969. – 520 с.
6. Большая Советская Энциклопедия: В 30-ти т. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – Т. 29. – 640 с., [28] вкл. л.: ил., карты, фото.
7. Эшби У.Р. Введение в кибернетику: Пер. с англ. – М.: КомКнига, 2005. – 432 с.
8. Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 496 с.
9. Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – Т. 1. – 504 с.
10. Друкер П.Ф. Практика менеджмента: Пер. в англ. – М.: Вильямс, 2002. – 398 с.
11. Розенберг Д.Н. История экономических учений. – М.: Изд. военно-политической ордена Ленина академии РККА им. В.И. Ленина, 1940. – 304 с.
12. Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. – М.: Берег, 1922. 124 с.
13. Чупров А.И. Курс политической экономии. – М.: Изд. М. и С.Сабашниковых, 1918. – 356 с.
14. Лебедев К.Н. Проблемы и перспективы науки «Экономический анализ». – М.: МАКС Пресс, 2013. – 600 с.
15. Косыгинская реформа 1965 г. // URL: <http://www.economics.kiev.ua/index.php?id=844&view=article> (дата обращения: 10.10.2015).
16. Ричард Т. Количественные методы анализа хозяйственной деятельности: Пер. с англ. – М.: Дело и Сервис, 1999. – 402 с.
17. Лебедев К.Н. Методы детерминированного факторного анализа и методология экономического исследования // Вестник Финансового ун-та. – 2008. – № 4. – С. 78-81.
18. Ильин А.И. Планирование на предприятии. – Мн.: Новое знание, 2004. – 635 с.
19. Лебедев К.Н. Системный подход и методология менеджмента. – М.: Красная звезда, 2008. – 840 с.
20. Крейнер С. Библиотека избранных трудов о бизнесе. Книги, сотворившие менеджмент: Пер. с англ. – М.: Олимп-Бизнес, 2005. – 368 с.

References:

1. Matskulyak I. The subject and method of general economic theory // Financial Economics. – 2016. – № 2. – P. 63-77.
2. Engels F. Anti-Dühring. A breakthrough in science, produced by Mr. Eugene Dühring. – M.: Politizdat, 1978. – 358 p.
3. Rosenthal M. The Marxist dialectical method. – M: State publishing house of political literature, 1952. – 348 p.
4. Brief philosophical dictionary / Ed. by M.Rosenthal and P.Yudin. – M.: State-Publishing House of Political Literature, 1954. – 704 p.
5. Studies on the general theory of systems: Collection of translations. – Moscow: Progress, 1969. – 520 p.

6. Great Soviet Encyclopedia: In 30 volumes. – V. 29. – M.: Soviet Encyclopedia, 1978. – 640 pp. [28] inc. l.: ill., maps, photos.
7. Ashby U. Introduction to cybernetics. Trans. from English. – M.: KomKniga, 2005. – 432 p.
8. Menger K. Selected works. – M.: Territory of the Future, 2005. – 496 p.
9. Philosophical Encyclopedia. – M.: Soviet Encyclopedia, 1960. – V. 1. – 504 p.
10. Drucker P. Practice of management: Trans. from English. – M.: Williams, 2002. – 398 p.
11. Rozenberg D. History of Economic Thought. – M.: Publication of the military-political the Order of Lenin Academy, 1940. – 304 p.
12. Frank S. Essay on the methodology of social sciences. – M.: Bereg, 1922. – 124 p.
13. Chuprov A. The course of political economy. – M.: M. and S. Sabashnikov Publishing House, 1918. – 356 p.
14. Lebedev K. Problems and Prospects of Science of «Economic Analysis». – M.: MAKSPress, 2013. – 600 p.
15. The Kosygin reform of 1965 // URL: <http://www.economics.kiev.ua/index.php?Id=844&view=article> (date of access: 10.10.2015).
16. Richard T. Quantitative methods of analysis of economic activity: Trans. from English. – M.: Delo i Servis, 1999. – 432 p.
17. Lebedev K. Methods of deterministic factor analysis and methodology of economic research // Bulletin of the Financial University. – 2008. – № 4. – P. 78-81.
18. Iljin A. Planning at the enterprise. – Mn.: New knowledge, 2004. – 635 p.
19. Lebedev K. System approach and management methodology. – M.: The Red Star, 2008. – 840 p.
20. Kreiner S. Library of Selected Works on Business. Books that have made management: Trans. from English. – M.: Olymp-Business, 2005. – 368 p.

УДК 330.88

ИННОВАЦИИ В ИНТЕРАКТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ

INNOVATIONS IN THE INTERACTIVE SPACE: THEORY AND METHODOLOGY OF THE PROBLEM

ВЕДИН Н.В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории
КНИТУ-КАИ им. А.Н. Туполева
E-mail: nick_vedin@mail.ru

VEDIN N., Doctor of Economics, Professor, Economic Theory Chair,
A.N. Tupolev Technical University, KNITU-KAI
E-mail: nick_vedin@mail.ru

Аннотация

В статье представлен критический анализ подходов и концепций инновационных процессов, выясняется место инноваций в реальной экономике и современных теоретических системах. Формулируются основные принципы построения новой экономической парадигмы и ее параметры в сравнении с традиционной теоретической системой.

Ключевые слова: инновации, интеракции, сотрудничество, обмен, конкуренция, предпринимательство.

Abstract

The article presents a critical analysis of approaches and concepts of innovation processes, reveals the place of innovations in the real economy and modern theoretical systems. The basic principles of building a new economic paradigm and its parameters in comparison with the traditional theoretical system are formulated.

Key words: innovation, interaction, cooperation, exchange, competition, entrepreneurship.

Инновационность – синоним успешности национальной экономики, определяющий фактор ее динамичности и конкурентоспособности в современном мире. Признание этого обстоятельства стало общим местом в потоке научных публикаций и государственных программных документов, посвященных различным аспектам инновационной проблематики. При этом массивные усилия ученых, специалистов все заметнее приобретают сугубо практическую, нормативную направленность. Складывается впечатление, что теория и методология вопроса – пройденный этап. Но судя по тому, что практические результаты реализации масштабных государственных инновационных проектов в российской экономике последнего десятилетия оставляют желать лучшего, впечатление это обманчиво.

Настойчивые попытки построить *общую теорию инноватики* предпринимались в режиме «мозгового штурма» в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века отечественными исследователями, представителями разных отраслей научного знания: Ю. Вооглайдом (1978), В.С. Дудченко (1981), Н.И. Лапиным (1981), И. Перлаки (1980), А.И. Пригожиным (1981), Б.В. Сазоновым (1982), В.С. Толстым (1981) и рядом других авторов. Проблема разрабатывалась преимущественно в рамках социотехнического подхода к инновациям как процессуальной последовательности, упорядоченной по фазам, процедурам, участникам, целям, интересам, промежуточным и конечным результатам. Решалась амбициозная задача построения «универсальной всеохватывающей модели» – своего рода общезначимой «инновационной инструкции» [5, с. 69].

Затруднения, которые следует отнести на счет индуктивного метода, возникали, прежде всего, при формировании необходимого набора реальных инновационных ситуаций с формализованным описанием различных поведенческих вариаций. Поскольку в каждом конкретном случае присутствовало уникальное сочетание значимых параметров, перечень «инновационных поз» неизбежно увеличивался в прямой зависимости от количества исследуемых ситуаций, ибо каждая из них связана с конкретной организацией и соответствующим человеческим коллективом.

Основным источником осложнений стали проблема человеческого фактора и весь комплекс сопутствующих ему обстоятельств [2, с. 62]. Стремление препарировать инновационный процесс как уникальное явление неизбежно замыкало анализ на вопросах индивидуального творчества и возможности его формализации. Органически присущая процессу продуцирования новых знаний непредсказуемость блокировала возможность построения работающей инновационной модели. В результате исследователи столкнулись с высочайшим уровнем неопределенности, порожденной как внешней средой, которая оставалась за рамками анализа, так и внутриорганизационными отношениями, – столкновение индивидуальных и групповых интересов, несовпадение целей, мотиваций, предпочтений и т.д. Обращение же к экономической теории (политической экономии или неоклассике) с ее преимущественно экзогенным подходом к инновациям не могло существенно изменить ситуацию.

И все же было бы неверно игнорировать вклад авторов общей теории инноватики в разработку проблемы. Ни до, ни после этих исследований сколько-нибудь успешные попытки раскрыть первоисточник инноваций на личностном уровне не предпринимались. Между тем, вопросы обоснования эндогенного характера инноваций сохраняют свою актуальность и практическую значимость.

На рубеже столетий проблемная область экономической науки существенно расширилась за счет включения целого ряда социальных явлений информационно-гуманитарного свойства – знаний, умений, культуры, образования, норм доверия и сотрудничества, интерактивных коммуникаций, информации, а также механизмов ее инновационного прироста. Суть реальных перемен заключается не в самих явлениях, которые так или иначе сопровождали человечество на протяжении всей истории цивилизации, но в полноте и интенсивности их проявления – синергии взаимодействия.

Человеческое сообщество вообще основано на сотрудничестве как фундаментальной норме социальной жизни. Но само сотрудничество на доиндустриальной стадии поддерживалось мотивами выживания и сохранения общности, в том числе за счет подавления индивидуального развития (что характерно, главным образом, для аграрных сообществ). Доминирование общности выражалось в регламентации и ограничениях, накладываемых на процессы производства и передачи знаний, порядок и цели обучения, образцы поведения. Рутинность господствовала над изменениями, контроль – над проявлениями индивидуальности.

Выполняя историческую миссию по раскрепощению частной инициативы, капитализм разрушил систему «личной зависимости», заменив ее, по Марксу, отношениями «вещной зависимости». Мерой развития человека стало вещно-стоимостное богатство, пришедшее на смену коллективным ценностям – традициям и регламентам, вообще привыч-

ному жизненному укладу. Вместе с тем, конкурентные начала способствовали мобилизации активности и творческих сил человека. Разрушая общинные анклавы сотрудничества, противостояние частных интересов создавало в широких масштабах *мир-экономику* (И.Валлерстайн) общую атмосферу духовного подъема, инициированную не только растущей экономической активностью, но и опосредствующими ее разнообразными межличностными коммуникациями. Парадокс заключается в том, что нормы сотрудничества, адаптированные к новым социальным условиям, оказались востребованными конкуренцией не менее, а может быть даже более, нежели это наблюдалось в локальных сообществах. Интересно, что А.Маршалл вообще не относил конкуренцию как таковую к «коренным особенностям индустриальной жизни» и полагал, что факторы, побуждающие людей конкурировать друг с другом, вместе с тем «действительно толкают людей в направлении установления сотрудничества и создания всякого рода объединений – корыстных и бескорыстных» [1, с.3].

Интерактивное пространство,¹ получив мощный импульс для своего развития, в то же время подверглось существенной трансформации. Элементы его отчасти были коммерциализированы (образование, наука, книгопечатная продукция, искусство), а отчасти переместились в ненаблюдаемую (для экономистов) зону социально-нравственных архетипов. И все же реальные, не стерилизованные в экономической теории, условия общественной жизни давали немало поводов для поиска регуляторов и источников инновационной активности *на стыке* конкурентно-рыночного и интерактивного пространств. Но это была эпоха абсолютного доминирования товарно-стоимостной, конкурентной формы связи, что и нашло отражение в конкурентно-рыночной парадигме, очищенной от каких бы то ни было неэкономических (неконтрактных, неконкурентных) «примесей». Предупреждая упреки в следовании моде на критику экономикс, заметим, что аналогичную (товарно-монистическую) позицию в понимании экономического обмена нетрудно обнаружить и в марксистской политэкономии при всей глубине их идейно-теоретического и методологического расхождения.

Ситуация качественно изменилась с наступлением информационной эры. Роль доминирующего фактора в ресурсной основе общества переходит к интеллектуально-творческому потенциалу человека и его социокультурному окружению. Экономическая теория лишь отчасти приняла этот вызов, используя для *избирательного* анализа новых явлений подходы и инструменты, которые сформировались в предшествующую эпоху. Институционализм расширил возможности анализа за

¹ Под интерактивным пространством здесь подразумеваются система информационных межличностных коммуникаций, обеспечивающих продуцирование, накопление и использование в масштабах социума знаний и умений и формирующих общественную производительную силу.

счет включения в предмет нерыночных форм – главным образом, информации, знаний и институтов сотрудничества (в широком смысле). Заметим, однако, что избирательный и сугубо инструментальный подход к этим элементам не столько выявляет, сколько скрывает их системное единство. Последнее же имеет решающее значение для понимания экономической природы инноваций.

В гносеологическом аспекте внутренняя связь указанных *интерактивных* элементов подразумевает непродуктивность автономного изучения каждого из них в отдельности, вне общего системного контекста. Полагаем, что одна из главных причин принципиальных затруднений, с которыми столкнулись авторы «общей теории инноватики», а позднее – эволюционисты, заключается в том, что данный системный, а конкретнее – интерактивный контекст не был идентифицирован и реализован исследователями.

Принято считать, что инновационный процесс включает в себя две основные, последовательно расположенные фазы (мы сознательно опускаем опосредствующие звенья, которые в данном случае не имеют принципиального значения) – продуцирование новой идеи и собственно нововведение – создание и внедрение новшества. Согласно общепринятому представлению связь между этими фазами является линейно однозначной: нововведение выступает как практическое воплощение новой идеи. Чрезмерная упрощенность такого представления обнаруживается сразу же, как только принимается в расчет кумулятивный характер движения знаний в интерактивном пространстве информационного обмена для любого произвольно взятого масштаба общения. Для подкрепления этого тезиса сошлемся еще раз на авторитетное свидетельство А.Маршалла. Говоря о выгодах, извлекаемых работниками «из близкого соседства друг с другом», он отмечает, что «...достоинства изобретений и усовершенствований в машинном оборудовании и технологических процессах и в общей организации производства сразу же подвергаются обсуждению: если один предложил новую идею, ее подхватывают другие и дополняют собственными соображениями, и она, таким образом, становится источником, в свою очередь порождающим новые идеи» [1, с. 352].

Установить «точки жизненного цикла» какой бы то ни было идеи в пространстве, где каждая живая или кодифицированная мысль имеет неопределенно обширную интерактивную «окрестность», невозможно. Даже момент ее реализации в виде соответствующего нововведения отнюдь не означает окончания ее «жизненного цикла». Она продолжает жить и видоизменяться в ходе внедрения, включения в рыночный оборот и рутинизации новшества. Таким образом, *дискретное* пространство спорадически возникающих нововведений опосредствуется *перманентным* пространством интерактивного взаимодействия между людьми.

Уникальная особенность интерактивного пространства, имеющая критически важное значение для понимания экономической природы инноваций, связана с феноменом *проинноваций* – индивидуально-личностной интерпретации информационных сигналов, циркулирующих в сфере информационного обмена. В свою очередь, проинновационный «продукт» становится новым предметом интерактивного обмена, приближая процесс к стадии нововведения.

Разумеется, далеко не всегда эта интерпретация приобретает готовую форму научного открытия, нового метода или умения, отрицающих существующую рутину. Однако именно из этого источника возникают элементы новых знаний, умений, навыков, методов и структур деятельности. Данный процесс в высшей степени стохастический. В этом смысле он не поддается какому бы то ни было планированию или управлению. Даже сам индивид не в состоянии прогнозировать последствия собственных мыслепействий – настолько сложен и непредсказуем процесс индивидуальной переработки и интерпретации разнообразных информационных сигналов. Это, однако, не означает, что данный процесс вообще не поддается никакому воздействию. Очевидно, что его можно усиливать или ослаблять, изменяя интенсивность информационных потоков и масштабы информационного обмена, образовательный уровень участников, степень социальной комфортности (доверие и взаимопонимание) и пр. Это обстоятельство имеет не только теоретическое, но и практическое значение для разработки государственной (или внутрифирменной) инновационной политики.

Таким образом, связь между «классическими» фазами инновационного процесса носит весьма сложный и, во всяком случае, нелинейный характер. Движение новшества в дискретном (рыночном) пространстве нововведений сопровождается *затратой* капитальных ресурсов и мотивируется получением выгоды (прибылью, конкурентным преимуществом и пр.). Движение идей в интерактивном пространстве как таковом сопровождается *накоплением* знаний и умений, основано на сотрудничестве и предполагает иную, более сложную, мотивацию.

Как следствие, элементы интерактивного пространства обнаруживают свою специфическую, имманентную им экономическую природу только внутри данного пространства, функционально и содержательно трансформируясь в иной социально-экономической среде. Так, включаясь в рыночный оборот, знания и умения, доверие и солидарность превращаются (реально или усилиями теоретиков) в человеческий и социальный капитал, информация – в товар, инновации – в нововведения как инструмент конкурентных преимуществ.

В современной научной традиции инновации по преимуществу идентифицируются теорией внешним образом, как *нововведения* (продуктовые, технологические, организационные). Их появление при-

нимается как *данность*, с которой следует считаться, но которая не нуждается в специальном обосновании. Исследователи вспоминают о нововведениях, когда необходимо объяснить проблемы общего порядка – неравновесное состояние системы или способы достижения конкурентных преимуществ. Но какие-либо попытки объяснить инновационный процесс как органичный элемент экономической системы практически не предпринимаются. Судя по всему, в распоряжении неоклассики или товарно-стоимостной парадигмы попросту отсутствуют адекватные аналитические инструменты, которые могли бы раскрыть свернутую в понятии инноваций *экономическую* структуру.

Обращение экономистов (Р.Коуз, О.Уильямсон, Р.Р. Нельсон, С.Дж. Уинтер, Дж. Ходжсон и др.) к внутрифирменной структуре как источнику нововведений и механизму эволюционных изменений положило начало новым направлениям исследований – экономике организаций и эволюционной теории, но в то же время породило проблему совместимости организационной динамики с методологическим индивидуализмом.

Суть проблемы сводится к следующему. Если внутрифирменную координацию поручить иерархии, т.е. признать присущий фирме преднамеренный порядок взаимодействий, альтернативный рыночному механизму, то субъекты организации собственно не могут трактоваться в качестве рыночных субъектов. Они не могут выступать по отношению друг к другу как независимые, равноправные рыночные агенты, принимающие самостоятельные решения. И только все вместе, как целое, как внутренне недифференцированная (с точки зрения методологического индивидуализма) общность они могут рассматриваться в качестве *одного и того же* рыночного контрагента. Но тогда исследование возвращается к старой неоклассической модели, где фирма выступает в качестве «строительного блока», или «черного ящика». Если же организация рассматривается как «сплетение контрактов» найма между индивидуальными собственниками ресурсов, то фирма приобретает рыночную прозрачность. Раскрывается внутрифирменный преднамеренный порядок (иерархия) – исчезает рынок, появляются самостоятельные контрагенты, носители частного интереса, – исчезает фирма как альтернативный рынку способ координации. Версия отношенческой контрактации (О.Уильямсон) со встроенным механизмом разрешения конфликтов смягчает данный парадокс, но не устраняет его полностью. По-видимому прав В.М. Полтерович, утверждающий, что «экономическая теория устанавливает границы себя самой, подобно математической логике или физике» [6].

Эволюционисты (Р.Нельсон и С.Уинтер) не стали заострять внимание на этой проблеме, считая, что фирмы имеют право на самостоятельное существование, как «организации, в своей основе знающие, как вести дела», как «хранилище знаний» [3, с. 276-278]. Предполагается,

что это нисколько не мешает внутрифирменной *контрактной* кооперации владельцев человеческого капитала. Однако проблема сама себя обнаруживает при попытке моделирования инновационного процесса.

Частный интерес агентов – а именно в таком индивидуалистическом ключе трактуется поведение работников – и присущая инновациям неопределенность не подразумевают взаимных изменений личностных свойств работников, составляющих основу инновационного процесса. Если даже какой-либо индивид «придумает» нечто новое (как реакция на нестандартную ситуацию или результат обдумывания полученного задания), то такой эпизод скорее выпадает из теоретической системы, чем является ее органическим элементом. Во-первых, невозможно возвести это случайное событие в теоретический принцип, закономерным, по мнению самих же авторов эволюционной теории, является использование рутинных процедур [3, с. 180]. А, во-вторых, нет никаких гарантий, что появление подобной новинки не будет заблокировано оппортунистическим поведением «изобретателя» – поведением, которое восходит к частному интересу и органично встроено в индивидуалистическую парадигму.

В «сухом остатке» эволюционной теории остается, таким образом, понимание нововведений как своего рода эманации «хранилища знаний», что вполне соответствует конкурентно-рыночной эмпирии, но не выходит за рамки экзогенного подхода к инновациям. Мало что меняет в этой ситуации ссылка на эвристический потенциал НИОКР. Ограничивая пространство продуцирования новых идей научно-исследовательской сферой, эволюционисты обнаруживают инновационный процесс только на стороне научного труда, существующего «отдельно от производства» [3, с. 484] и доставляющего производственным подразделениям готовые инновационные продукты. Неявное противопоставление инноваторов и «рутинеров» переводит проблему в отраслевую плоскость специфики научного труда и вполне корреспондируется с трактовкой уникальности инновационного процесса как удела научной элиты.

Заметим, что идея уникальности инноваций не так уж далека от реальности, как может показаться на первый взгляд. Создание технополисов и наукоградов (типа Сколково) в экономике с отсталой технико-технологической базой может иметь, в зависимости от замысла и понимания ситуации проектантами, хорошие шансы на успех, а может оказаться провальным и к тому же весьма недешевым проектом. Если наукоградам отведена роль инновационного локомотива, который призван тянуть за собой инновационно инертный «состав» немалой протяженности, то вряд ли следует рассчитывать на успех. Предполагаемая (проектантами) или реальная индифферентность к инновациям основной массы предприятий блокирует любые усилия государства в этом направлении. Российская практика отчасти подтверждает реальность

такого сценария, так как многие из инновационных решений оказываются, в силу разных причин, невостребованными отечественной промышленностью, не демонстрирующей особой приверженности к нововведениям. Что же касается более оптимистичного варианта, то он вполне возможен, если усилия будут сосредоточены не только и не столько на создании элитарных центров (хотя сама идея наукоградов достаточно плодотворна и апробирована мировой практикой), сколько на формировании условий предельно широкой проинновационной активности различных социальных групп и хозяйствующих субъектов.

Поскольку категория инноваций не интегрирована в наиболее влиятельные научные направления, она выглядит в этой ситуации теоретически «бесхозной». Отчасти этим обстоятельством объясняется достаточно распространенная среди отечественных экономистов-теоретиков позиция, суть которой лапидарно сформулировал Ю.М. Осипов: «Никто не против исследования новшеств и их влияний на экономику, но ведь не это же главное. Во-первых, это всего лишь частность в экономике, не вся ее целостность; во-вторых, это хоть и важная частность, но не сугубо экономическая, скорее, техническая (технологическая)...» [4, с. 6].

Существует обширная сфера специальных теоретических и прикладных исследований инноваций именно как «частной» проблемы. Работающие здесь экономисты не слишком озабочены инновационным тестированием «высокой» теории. Разработка инновационных проблем не только не приостанавливается, но, наоборот, стремительно расширяется. Она востребована на всех хозяйственных уровнях и вполне диссертательна с точки зрения Высшей аттестационной комиссии РФ. Симптоматично, что в экономических науках возрастающая доля диссертационных исследований инноватики приходится на пятую специальность «Экономика и управление народным хозяйством» (согласно классификации ВАК РФ), а доля сугубо теоретико-методологических разработок (первая специальность) по этим проблемам неуклонно сокращается.

И все же инновационный «пробел» в экономической теории не столь уж безобиден. Существует комплекс проблем, составляющих удел фундаментальной науки: объяснение механизмов и движущих сил социально-экономического и научно-технического прогресса, выявление тенденций и перспектив развития и т.д. Если они не решаются, это ни в коем случае не перекрывает путь прикладным исследованиям, но и не обеспечивает их общим освещением инновационного процесса с точки зрения его экономической структуры, участников, побудительных мотивов и экономических интересов. Отсутствие адекватной теоретической базы существенно сужает спектр возможностей правильной постановки проблем в прикладных исследованиях, а государство вынуждает действовать методом проб и ошибок, фрагментарно копируя

опыт успешных в инновационном отношении стран, по необходимости руководствуясь политическими, финансовыми, бюджетными или иными соображениями, не имеющими прямого отношения к инновационным процессам.

Сознательно оставаясь в границах стандартных требований либеральной теории, мы до сих пор выносили за пределы концептуального анализа явления, аномальные с точки зрения мэйнстрима. Они так или иначе фиксируются теоретиками как побочный результат исследования, но не получают дальнейшего развития как *непарадигмальные*. В эту рубрику можно отнести, в частности, указания: на связь инноваций с внутрифирменными процессами обучения и интеграции знаний (Р.Грант) [11] и с процессами самоорганизации пространственных социально-экономических систем (М.Посталюк) [7]; на отношения «преданности и доверия», не основанные на расчете затрат и выгод, но являющиеся необходимым условием возникновения технологических инноваций (Дж. Ходжсон) [9, с. 308-309]; на важность коллективных действий и внутриорганизационных коммуникаций (Дж. Батлер) [12] и др.

Одним из наиболее ярких примеров концептуального единства суждений, которые трудно отнести к какой-либо одной научной парадигме, является теория «созидательного разрушения» Й.Шумпетера. Выдвигая предпринимателя на роль главного, если не единственного инноватора, Шумпетер позиционируется «основным течением» как приверженец ценностей рыночного либерализма. Не случайно его исследования в части анализа конкуренции, конъюнктурных циклов, роли кредита в развитии предпринимательства и т.д. рассматриваются представителями рыночной ортодоксии как полезное дополнение к неоклассике.

В любом учебнике экономикс мы найдем перечень свойств предпринимателя, в значительной мере обязанный своим происхождением Шумпетеру: инициатива, стремление к новому, дар предвидения, готовность к риску. Однако Шумпетер не отождествлял предпринимателя и капиталиста. Более того, он не связывал фигуру предпринимателя с правом собственности или определенным социальным статусом. Феномен предпринимателя он относил не к социально-историческому типу людей, а к типу поведения. У Шумпетера речь идет «о предпринимателях не только по отношению к тем историческим эпохам, в которых они существуют как специфическое социальное явление. [Он связывает] ... это понятие с функцией и со всеми теми индивидами, которые действительно осуществляют ее при любой общественной формации. Сказанное относится и к руководящему органу социалистического общества, и к помещику, и к вождю первобытного племени» [10, с. 171]. При этом предпринимательское поведение «присуще людям далеко не в равной мере и лишь немногим из них свойственно в такой степени, что может служить их отличительной чертой» [10, с. 201].

В современном прочтении классика феномен предпринимательства можно интерпретировать как присущую некоторым индивидам способность формулировать и практически воплощать новые идеи в процессе использования той информационной среды, которая создается общением между людьми с разной духовной энергетикой, в том числе и «предпринимателями». Предприниматели – это индивиды, равные другим по месту в общей информационной среде, но неравные по использованию ее потенциальных практических, в том числе и конкурентно-рыночных, возможностей. Вместе с тем, Шумпетер отнюдь не игнорирует присущий предпринимателю как таковому мотив получения прибыли, хотя саму предпринимательскую прибыль он увязывает с нововведениями, противопоставляя ее валовому доходу, который в «*статичной*» экономике «едва-едва покрывает все издержки» [10, с. 281]. При этом, согласно Шумпетеру, предпринимателем, внедряющим новшества, движут не только чисто коммерческие, но также иные, совершенно «иррациональные» с точки зрения либеральной науки, мотивы, не связанные с коммерческим расчетом затрат и выгод. Впрочем, иначе трудно объяснить, каким образом конкурентные силы подстегивают инновационный процесс, если учитывать, что степень риска, а точнее неопределенности, с которой сопряжены *истинные* нововведения, зачастую является запредельной для сугубо коммерческого интереса.

Очевидное совмещение различных социальных ролей предпринимателя как субъекта конкурентно-рыночных отношений и участника общего информационного пространства, как мы полагаем, есть одно из подтверждений межпарадигмального характера инновационной проблематики. Речь идет о взаимосвязи традиционной, конкурентно-рыночной (индивидуалистической) и интерактивной парадигм.

Под интерактивной парадигмой мы понимаем исследовательскую программу, основанную на признании неоднородности экономической системы. В онтологическом плане предполагается, что экономика представляет собой реальное совмещение двух основных структурных уровней, которые для удобства мы называем пространствами, – конкурентно-рыночного и интерактивного (пространства сотрудничества). Эти пространства отличаются друг от друга формами обмена, мотивацией и способами координации. Совмещенность рыночного и интерактивного пространств интерпретируется как единство их субъектов (индивидов), участвующих одновременно в разных системах обмена и координации.

Если исходить из гипотезы о неоднородности экономического пространства, то практически возможны различные девиации в хозяйственной эволюции того или иного сообщества, в том числе и такие, которые стимулируют дезинтеграционные процессы. Последние, в свою очередь, могут подавлять инновационный импульс, исходящий из системы сотрудничества. Однако оборотной стороной деградации сотрудничества

является вырождение конкуренции в олигархические и клановые формы, вызывающие необходимость применения мер внеэкономического принуждения, что мало согласуется с современными представлениями о процветающей экономике. С другой стороны, подобная ситуация неизбежно вызывает к жизни процессы формирования прогрессивных коалиций и нарастание антикризисной консолидации общества.

Понимание интерактивной природы инновационного процесса имеет, как нам представляется, фундаментальное значение для целенаправленной деятельности государства по созданию *базовых условий* инновационной активности социума. Речь идет, прежде всего, о сферах образования, науки и культуры, а в широком смысле – о сфере формирования и развития человеческого и социального капитала. Предметом главного внимания государства становится основополагающий структурный уровень инновационного процесса – интерактивное общегуманитарное пространство. Субъектами этого пространства являются не фирмы и организации, а коммуницирующие индивиды.

Проблема в том, что интерактивное пространство – материя очень тонкая. Она разъедается такими «реактивами», как взаимное отчуждение, конфликтное неравенство, недоступность образования, дефицит информационной среды, неуверенность в завтрашнем дне и многое другое. Создание базовой инновационной среды, собственно, и заключается в нейтрализации этих факторов, укреплении взаимного доверия, осознания общего интереса и стремления к его реализации.

Литература:

1. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – Т. I. – 415 с.
2. Наппельбаум Э.Л. Системный анализ как программа научных исследований – структура и ключевые понятия // Системные исследования. – М.: Наука, 1979. – С. 51-75.
3. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений: Пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – 536 с.
4. Осипов Ю.М. Переворот в экономике и науке // Экономическая теория на пороге XXI века. – 3А: Неэкономика. – М.: Юристъ, 2001. – С. 5-10.
5. Перлаки И. Нововведения в организациях. – М.: Экономика, 1980. – 218 с.
6. Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН. – URL: www.banner.kiev.ua
7. Посталюк М.П. Факторы инноватизации локальных социо-эколого-экономических систем региона // Вестник «ТИСБИ». – 2016. – № 3. – С. 131-140.
8. Уинтер С.Дж. Теория Коуза и проблемы компетентности и корпорации // Природа фирмы. – М.: Дело, 2001. – С. 268-293.
9. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории: Пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 464 с.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
11. Grant R. Toward a Knowledge-based Theory of the Firm // Strategic Management Journal. – 1996. – Vol. 17. – № 3. – P. 98-122.

12. Butler J. Reciprocity of Trust between Professionals and Their Secretaries // Psychological Reports. – 1983. – Vol. 53. – P. 410-416.

References:

1. Marshall A. Principles of economic science. – M.: Progress, 1993. – Vol. I. – 415 p.
2. Nappelbaum E. System analysis as a program of scientific research – structure and key concepts // System studies. – M.: Nauka, 1979. – P. 51-75.
3. Nelson R., Winter S. Evolutionary theory of economic change: Trans. with English. – M.: The Case, 2002. – 536 p.
4. Osipov Yu. A revolution in economics and science // Economic theory on the threshold of the XXI century. – 3A: Neo-economics. – M.: Jurist, 2001. – P. 5-10.
5. Perlaki I. Innovations in organizations. – M.: Economics, 1980. – 218 p.
6. Polterovich V. The crisis of economic theory // Report at the scientific seminar of the Department of Economics and CEMI RAS. – URL: www.banner.kiev.ua
7. Postaljuk M. Factors of innovation of local socio-ecological and economic systems of the region // «TISBI» Bulletin. – 2016. – № 3. – P. 131-140.
8. Winter S. Kouz theory and problems of competence and corporation // Nature of the firm. – M.: Delo, 2001. – P. 268-293.
9. Hodgson J. Economic theory and institutions: Manifesto of modern institutional economic theory: Trans. from English. – M.: Delo, 2003. – 464 p.
10. Schumpeter J. The theory of economic development: Trans. from English. – M.: Progress, 1982. – 455 p.
11. Grant R. Toward a Knowledge-based Theory of the Firm // Strategic Management Journal. – 1996. – Vol. 17. – № 3. – P. 98-122.
12. Butler J. Reciprocity of Trust between Professionals and Their Secretaries // Psychological Reports. – 1983. – Vol. 53. – P. 410-416.

УДК 004.9+330

ИМИТАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

SIMULATION MODELING IN FORECASTING SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

ЦАРЕГОРОДЦЕВ Е.И., БАРКАЛОВА Т.Г., Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
 E-mail: barkalova_tg@mail.ru

TSAREGORODTSEV E., BARKALOVA T., Mari State University, Yoshkar-Ola
 E-mail: barkalova_tg@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению различных подходов имитационного моделирования, выделению слабых и сильных сторон каждого из них, а также возможности их сочетания для достижения лучших результатов прогнозирования.

Исследования поддержаны грантом Российского научного фонда № 16-18-10017 «Комплекс программ прогнозирования экономического развития региона».

Ключевые слова: имитационная модель, прогнозирование, системная динамика, агентное моделирование.

Abstract

The article considers various approaches to a simulation modeling, highlighting the weak and strong points of each of them, as well as the possibility of combining them to achieve better forecasting results.

The research is supported by the Russian Science Foundation grant № 16-18-10017 «Complex of programs for forecasting economic development of the region».

Key words: simulation model, forecasting, system dynamics, agent modeling.

Целью любой математической модели является упростить существующую реальность, изобразить ее в таком виде, который мог бы помочь исследователю глубже понять изучаемую действительность, выявить основные закономерности и связи. Имитационное моделирование представляет собой экспериментальный способ изучения реальности с помощью компьютерной модели. Применение компьютерных технологий и возможность неоднократного проведения экспериментов над моделируемой системой обусловили появление и распространение имитационных моделей.

В данной статье попробуем разобраться с сущностью имитационного метода, особенностей построения имитационных моделей.

Рассмотрим основные элементы имитационной модели. Обычно выделяют четыре основных элемента системы (рис. 1):

- реальная изучаемая система;
- логико-математическая модель моделируемого объекта с выявлением причинно-следственных связей;
- имитационная (машинная) модель;
- ЭВМ и программная среда, в которой осуществляется имитация [1].

Рис. 1. Элементы имитационной модели и процесс моделирования

Первым, самым сложным и важным этапом в построении имитационной модели является этап планирования, определения целей моделирования, границ и рамок моделируемого события. Чем точнее и глубже будет проработан механизм причинно-следственных связей, формализованы структурные элементы, тем точнее будет модель. Для адекватности модели важны любые нюансы, которые на первый взгляд могут казаться незначительными. Следует отметить, что построение имитационных моделей происходит последовательно от простых к сложному, путем уточнения уже построенной модели. Однако основные элементы и связи должны быть правильно определены на первом этапе.

Далее разрабатываются логико-математическая модель/модель поведения агентов (при агентном моделировании) и причинно-следственные связи, описывающие изучаемую систему. Это могут быть компьютерные таблицы, блок-схемы, диаграммы, рисунки, графики, отображающие структуру и взаимосвязи элементов модели.

Стоит отметить, что уровень математической проработки должен стремиться к оптимальному. Неверно полагать, что чем больше и чем сложнее используется математический инструментарий, тем достовернее будет модель и ее результаты. Порой многоэтажные математические формулы лишь усложняют систему, упуская суть явления, а также затрудняя анализ полученных результатов. Так, для разработки маркетинговой стратегии нет необходимости в сложной математической проработке, важнее воспроизвести логику поведения потребителей [2].

Для программной реализации описанной модели необходимо логико-математическую модель перевести в компьютерную программу, алгоритм, описывающий структуру и логику взаимодействия элементов, включая случайные факторы [3]. Это и будет имитационная модель, с помощью которой можно осуществить вычислительный эксперимент или серию экспериментов, которые подвергаются критическому анализу. В результате модель пересматривается, уточняется, вносятся необходимые доработки. Получив и проанализировав результаты моделирования, их необходимо интерпретировать по отношению к объекту моделирования, т.е. сделать переход от информации, полученной в результате машинного эксперимента с моделью, к информации об объекте моделирования, на основании которой и будут делаться выводы относительно характеристик процесса функционирования исследуемой системы.

Эксперимент повторяют до тех пор, пока модель не станет в достаточной мере соответствовать реальной ситуации либо будет достигнут доверительный порог.

Вопрос достоверности результатов также является весьма важным. Какие результаты можно называть удовлетворительными? Стоит отметить, что результатом имитационного моделирования бывает не

прогноз как таковой, числовое значение, а диапазон значений, позволяющий выявить тенденции и взаимосвязи внутри модели, тем самым выявить некую динамику. Этим имитационные модели отличаются от классических моделей, которые фиксируют статично основные закономерности на каком-либо отрезке времени.

Выделяют статический и динамический подходы к имитационному моделированию. Статические модели представляют собой системы уравнений, которые решаются один раз. Результатом будут являться статическое описание системы, выделение структуры, взаимосвязей составных элементов. Возможна количественная оценка параметров модели.

Динамические модели включают в себя еще одну переменную – время. Математические расчеты параметров процессов выполняются на различных временных интервалах, позволяя тем самым разработчику модели исследовать развитие системы во времени. В свою очередь, динамические модели бывают двух типов: непрерывные и дискретные. В непрерывных моделях время изменяется линейно, а процесс – в непосредственной зависимости от времени. В дискретных моделях переменными являются события и временные интервалы. Так, сложную систему представляют в виде модели с тремя составляющими: $\langle A, S, T \rangle$, где A – множество элементов модели, включая внешнюю среду; S – множество допустимых отношений, логических связей между элементами; T – множество моментов времени.

Для динамического описания системы необходимо ввести понятия состояний элементов системы, описать возможные значения и задать правила их перехода из одного состояния в другое. При этом может быть включена и случайная составляющая, учтена нерациональность принятия решений отдельных индивидов. Имея определенные операционные правила перехода, можно описать функционирование имитационной модели во времени, сохраняя логику взаимодействия отдельных элементов.

Системно-динамические модели описывают поведение системы и ее структуру в виде ряда взаимодействующих как положительных, так и отрицательных обратных связей, а также временных задержек. Системный подход строит графические диаграммы причинно-следственных связей и влияний глобальных факторов на различные параметры и затем создает на основе этих диаграмм компьютерную модель. При моделировании указанным способом оперируют не с отдельными экономическими объектами, а с агрегированными элементами (агрегированный покупатель, агрегированный поставщик услуг). Таким образом происходит обезличивание конкретных субъектов, их поведение рассматривается как экономически эффективное и рациональное. Это допущение может приводить к неадекватным результатам прогноза, так

как рациональность принятия решений индивидуумами – весьма спорный вопрос. Условия могут выходить за рамки исследования, предсказать их может не представляться возможным.

С помощью системной динамики можно спрогнозировать динамику изменений основных социально-экономических параметров региона благодаря наличию дифференциальных уравнений, а также зависимостей от лаговых переменных, полученных инструментами эконометрики или нейроинформатики [6]. Системная динамика способна выявить причинно-следственные связи и глобальные взаимозависимости в рассматриваемой системе.

Дискретно-событийные модели работают с пассивными транзактами или заявками на обслуживание. Каждое событие происходит в определенный момент времени и отмечается как изменение состояния системы. Между последовательными событиями предполагается, что не происходит никаких изменений в системе; таким образом, модель может перейти непосредственно от одного события к другому. В качестве транзакта может выступать как работник, так и сырье, сигнал, ресурс и другой объект хозяйственной деятельности. Передвигаясь по модели, транзакты становятся в очередь к одноканальным и многоканальным устройствам, занимают, а затем освобождают их, после чего уничтожаются [7]. Правила, регулирующие порядок, в котором эти действия происходят, и условия для них, могут быть чрезвычайно сложными. Каждому транзакту могут быть предписаны характеристики, которые определяют его поведение в системе. Длительность активностей обычно задается функцией распределения вероятностей.

Агент-ориентированное моделирование представляет собой довольно новое направление, учитывающее как индивидуальное поведение активных объектов (агентов), так и их взаимодействие. Модели на основе агентного подхода состоят из динамически взаимодействующих по определенным правилам агентов. С помощью этого подхода могут быть созданы системы, сложность которых сравнима с реальным миром. В отличие от системной динамики агентный подход может позволить оперировать не обобщенными элементами системы, а всей совокупностью агентов с определенным характеристическим набором (к примеру, в качестве таковых агентов могут выступать агенты-потребители, агенты-производители). Целью агентных моделей является получение представления о данных глобальных правилах, общем образе действий системы, исходя из предположений об индивидуальном и частном поведении ее отдельных активных частей и взаимодействии этих частей в системе. В некотором смысле агентные модели могут быть дополнением к традиционным аналитическим методам. Там, где аналитические методы позволяют лишь охарактеризовать равновесие системы, агентный подход допускает возможность создания такого

равновесия. Эта особенность может стать основным преимуществом агентного моделирования. Агентные модели также могут быть использованы для определения критических точек, определенных как точки во времени, в которых вмешательства могут иметь решающее значение и менять последующий путь развития системы. В случае создания симуляционной модели экономических систем, имеющих значительные количества активных объектов (людей, машин, предприятий, проектов, активов, товаров и пр.), которые объединены наличием элементов индивидуального поведения, агентное моделирование становится наиболее универсальным и мощным подходом, так как имеет возможность учесть всю сложность структуры и любое ее поведение [3].

Наиболее подходящими для создания моделей социально-экономических систем являются агентная и системно-динамическая методики. Это связано с различными подходами экономической теории. Наиболее распространена и развита в наше время неоклассическая экономическая школа, которая описывает экономику предельными величинами. Эти модели представлены в виде систем дифференциальных уравнений и, следовательно, соответствуют методологии системной динамики. Модель, созданная на основе совмещения различных подходов, использует системную динамику на высоком уровне абстракции (для описания поведения макросистем), тогда как агентное моделирование – на низком (для описания поведения отдельных экономических агентов), благодаря чему можно достичь более точного отражения социально-экономической динамики исследуемого региона.

Агенты могут включать системно-динамические диаграммы, алгоритмы правил поведения, переменные, диаграммы состояния. Созданная при помощи представленной методики исследований модель имеет возможность прогнозирования развития социально-экономической системы при условии воздействия различных факторов, а также определить наиболее оптимальную стратегию управления. В процессе проведения исследований возможно осуществление экспериментов для определения оптимальных значений отдельных показателей, оптимизирующих целевую функцию.

Сочетание этих двух подходов позволит значительно улучшить понимание социально-экономических процессов, а руководителям принимать более взвешенные решения, опираясь на более достоверные данные [4].

В заключение необходимо сказать, что развитие агентного и системно-динамического моделирования, а также программного обеспечения в области имитационного моделирования может открыть перед учеными огромные перспективы для дальнейшего исследования проблем, которые могут появиться при моделировании эффектов от воз-

можных воздействий различных внешних и внутренних факторов, влияющих на устойчивость конкретной системы.

Ключевыми преимуществами имитационного моделирования можно назвать следующие:

- возможность описания сложных систем, характеризующихся множеством нелинейных связей и большим количеством разнородных переменных;
- воспроизведение поведенческих аспектов и динамических процессов окружающей среды;
- возможность выявления закономерностей, динамики и тенденций развития и функционирования сложной экономической системы в условиях отсутствия точной информации либо ее малого количества;
- описание поведения и взаимодействия множества активных агентов в исследуемых социальных системах;
- реализация возможностей объектно-ориентированного проектирования и применение высокотехнологичных решений при проведении компьютерного моделирования и др. [9];
- использование модульной структуры при создании информационной системы на их основе, так как такой подход имеет возможность использовать ресурсы имеющегося оборудования с наибольшей эффективностью, что, в свою очередь, сокращает время обработки данных;
- возможность осуществления контроля за показателями на всех этапах моделирования как в комплексе, так и по отдельности.

Естественно, что имитационные модели не лишены недостатков. Прежде всего стоит отметить высокую стоимость самой разработки имитационной модели. Так, для модели регионального уровня требуется вовлечение не одного специалиста, а целого коллектива. Временные затраты на построение подобной модели также велики. С точки зрения внедрения результатов моделирования стоит отметить необходимость финансовой и информационной поддержки, а также обучения персонала органов государственной власти региона. Также существует сложность со сбором исходных данных для имитационной модели. Они не всегда собираются и анализируются Росстатом. Это может существенно снизить адекватность модели.

Таким образом, можно отметить, что созданная на основе объединения различных подходов модель будет использовать системную динамику на высоком уровне абстракции (для описания поведения макросистем), а агентное моделирование – на низком (для описания поведения отдельных экономических агентов), благодаря чему имеется возможность более точного описания социально-экономической динамики региона.

С помощью применения моделирования удалось понять внутренние механизмы развития различных экономических процессов, скрывающиеся за видимой, часто, казалось бы, парадоксальной, картиной

экономических явлений, которая не укладывалась в известные теоретические схемы. Опыт использования моделей показал, что они служат надежным инструментом проведения анализа макроэкономических закономерностей, а также прогнозирования последствий макроэкономических решений при условии сохранения сложившихся отношений.

Литература:

1. Лычкина Н.Н. Имитационное моделирование экономических процессов: Учебн. пос. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 254 с.
2. Каталевский Д.Ю. Основы имитационного моделирования и системного анализа в управлении: Учебн. пос. – 2-е изд., перераб. и доп. / Д.Ю. Каталевский. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. – 496 с.
3. Царегородцев Е.И., Семагин И.А., Мосунова Т.Г. Процентная политика как инструмент формирования позитивных тенденций в экономике // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2009. – № 23. – С. 81-88.
4. Баркалова Т.Г., Кокоткина Т.Н., Васильева Е.О., Беспалов Д.Э., Царегородцев Е.И. Перспективы использования имитационного моделирования при прогнозировании социально-экономического развития региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 9. – С. 44-59.
5. Коровин А.М. Анализ подходов и программного обеспечения для имитационного моделирования социальных и экономических систем / А.М. Коровин // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 35. – С. 98-100.
6. Журавлев, С. С. Краткий обзор методов и средств имитационного моделирования производственных систем // Проблемы информатики. – 2009. – № 3. – С. 47-53.
7. Лычкина Н.Н. Современные технологии имитационного моделирования и их применение в информационных бизнес-системах // Банковские технологии. – 2000. – № 9. – С. 60-63.
8. Гафарова Е.А. Имитационные модели комплексного регионального развития // УБС. – 2013. – № 45. – С. 206-221.
9. Рванцов Ю.А. Сравнительный анализ систем имитационного моделирования деловых процессов по критерию функциональной полноты // Вестник ДГТУ. – 2011. – № 1 (52). – Т. 11. – С. 69-73.
10. Чернышова Н.Н. Имитационное моделирование бизнес-процессов: Учеб.-метод. пос. / Н. Н. Чернышова. – Н.Новгород : НГУ им. Лобачевского, 2010. – 28 с.
11. Лычкина Н.Н. Динамическое имитационное моделирование развития социально-экономических систем и его применение в информационно-аналитических решениях для стратегического управления // Стратегии бизнеса. – 2013. – № 2. – С. 44-49.

References:

1. Lychkina N. Simulation of economic processes: Proc. allowance. – M.: INFRA-M, 2016. – 254 p.
2. Katalovsky D. Fundamentals of simulation and system analysis in management: a textbook. – 2nd ed., revised / D.Katalovsky. – M.: Publishing house «Delo» 2015. – 496 p.
3. Tsaregorodtsev E., Semagin I., Mosunova T. Interest policy as a tool for the formation of positive trends in the economy // Bulletin of the University (State University of Management). – 2009. – № 23. – P. 81-88.
4. Barkalova T., Kokotkina T., Vasilyeva E., Bespalov D., Tsaregorodtsev E. Prospects of using simulation modeling in forecasting the socio-economic development of the region // Economy: yesterday, today, tomorrow. – 2016. – № 9. – P. 44-59.
5. Korovin A. Analysis of Approaches and Software for Simulation of Social and Economic Systems / A.Korovin // SUSU Bulletin. – 2012. – № 35. – P. 98-100.

6. Zhuravlev S. A Brief Review of Methods and Means of Simulation of Production Systems // Problems of Information Technology. – 2009. – № 3. – P. 47-53.

7. Lychkina N. Modern technologies of simulation modeling and their application in IT business systems // Banking Technologies. – 2000. – № 9. – P. 60-63.

8. Gafarova E. Simulation models of complex regional development // UBS. – 2013. – № 45. – P. 206-221.

9. Rvantsov Yu. Comparative analysis of systems of simulation of business processes by the criterion of functional completeness // DGTU Bulletin. – 2011. – № 1 (52). – Vol. 11. – P. 69-73.

10. Chernyshova N. Simulation modeling of business processes: the teaching method. / N.Chernyshova. – N.Novgorod: Lobachevsky state University, 2010. – 28 p.

11. Lychkina N. Dynamic simulation of the development of socio-economic systems and its application in information-analytical solutions for strategic management // Business Strategies. – 2013. – № 2. – P. 44-49.

УДК 338.2

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИННОВАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

FORECASTING INNOVATION OF THE MANAGEMENT OF THE ECONOMY OF RUSSIAN REGIONS

ПОСТАЛЮК М.П., д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории и инноватизации Университета управления «ТИСБИ»

Тел.: +7(987)296-42-19

E-mail: mp.44@mail.ru

ПОСТАЛЮК Т.М., канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и инноватизации Университета управления «ТИСБИ»

Тел.: +7(904)676-75-48

E-mail: p_taras@mail.ru

POSTALUK M., Doctor of Economics, Professor, Economic Theory and Innovation Chair, the University of Management «TISBI»

Tel.: +7(987)296-42-19

E-mail: mp.44@mail.ru

POSTALUK T., PhD, associate professor, Economic Theory and Innovation Chair, the University of Management «TISBI»

Tel.: +7(904)676-75-48

E-mail: p_taras@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются современные проблемы социально-экономического развития России и ее регионов, при этом особое внимание уделяется инновационному развитию промышленности в российских регионах; исследуются факторы, источники и технологии их устойчивого роста; проводится анализ динамики показателей, характеризующих место и роль инновационной

составляющей в этих процессах; обосновывается инноватизация управления экономикой российских регионов как господствующая закономерность их развития. В этой связи основное внимание уделяется созданию инновационных промышленных кластеров в регионах, высокотехнологичных производств, основанных на прорывных технологиях; определяются приоритеты и риски прогнозирования процессов инноватизации управления экономикой российских регионов; осуществляется разработка динамических прогнозов и имитационных моделей развития отраслевых кластеров.

Ключевые слова: прогнозирование, инноватизация, управление, экономика регионов, промышленность, кластеры, риски, моделирование.

Abstract

The article deals with modern problems of social and economic development of Russia and its regions, with special attention to the innovative development of industry in the Russian regions. The authors investigate factors, sources and technologies of their sustainable growth; analyze the dynamics of indicators that characterize the place and role of the innovation component in these processes; note the innovation of management of the economy of the Russian regions as the prevailing law of their development. In this regard, the focus is on creating innovative industrial clusters in the regions, high-tech industries based on breakthrough technologies; the priorities and risks of forecasting the processes of innovation management of the economy of Russian regions are determined; the development of dynamic forecasts and simulation models for the development of sectoral clusters is being carried out.

Key words: forecasting, innovation, management, regional economy, industry, clusters, risks, modeling.

Все экономические процессы на любом уровне экономической системы можно разделить на традиционные и инновационные, которые образуют традиционную и инновационную сферы деятельности, имеющие особенности на различных этапах технико-технологического, организационно-управленческого, социально-экономического и институционального развития конкретного общества. Так, например, в доиндустриальных национальных пространственных экономических системах доминируют традиционные и зарождаются примитивные формы инновационных отношений. Здесь преобладали материальные традиции с мягким непрерывным совершенствованием. Индустриальное общество характеризуется оптимизацией и жесткостью процесса устойчивой трансформации инновационных и традиционных отношений. В данной экономической системе наблюдается преобладание в ее структуре ориентаций на инновационные вещественные формы и индустриальные технологии. Спецификой постиндустриального периода является устойчивая востребованность интеллектуальных инноваций.

Мировой теоретический и практический опыт показывает, что при выборе приоритетов традиционализации и инноватизации структур устойчивого развития национальной экономической системы на всех

ее уровнях, помимо критериев и уровней традиционности (основных, несущих фракталов) и инновационности (по разным типологиям в экономической науке: прорывные, базовые, улучшающие, дополняющие), материальных и нематериальных, невесомых благ, необходимо учитывать то, какие формы, уровни и способы их взаимодействия для нее предпочтительны: рутинная, инновационная, инновативная. Нужно развивать свои фрактальные свойства и/или создавать свои инновации, и/или заимствовать их из других экономических систем. При этом обстоятельства традиционализации и инноватизации конкретных пространственных экономических систем требуют выяснения вопроса об альтернативности или взаимодополняемости основных форм инноватизации.

Ориентация на инновационность, то есть создание, накопление, сохранение, использование и развитие собственных прорывных инноваций, предполагает партнерское взаимодействие бизнеса, власти и общества, которое должно поддержать и обеспечить развитие сектора научных исследований и разработок, а также соответствующей инфраструктуры (технопарки, инновационные инкубаторы, центры прототипирования и коммерциализации технологий и пр.). Выбор вектора инновативного развития, который реализуется посредством заимствования технологий из других национальных экономических систем, требует иного структурного бюджетирования и стратегирования на данном экономическом пространстве. Например, положительный опыт Японии и Южной Кореи показывает, что на первом этапе инноватизации структур развития своих национальных экономических систем доминировала инновативная форма, то есть заимствование зарубежных технологий. Потом она была сбалансирована с инновационной формой, которая в настоящее время является доминирующей и приоритетной.

Негативные последствия использования инновативной формы стратегирования инноватизации пространственных структур развития национальных экономических систем были выявлены К.Пересом в странах Латинской Америки. В эти страны в 80-90-х годах прошлого века как на периферию экспортировались устаревшие технологии предыдущей (четвертой) технологической волны, в то время как в развитых странах уже началось распространение технологий следующей (пятой) волны. В результате в латиноамериканских странах на заемные средства была создана соответствующая заимствуемым технологиям инфраструктура, которая не смогла дать полноценную отдачу по причине морально устаревших к тому времени технологий четвертой волны, что спровоцировало долговой кризис в данной группе стран [1, с. 120].

Приоритеты инноватизации пространственных структур развития экономических систем на всех уровнях, во всех отраслях и сферах экономики России обусловлены ее спецификой. С одной стороны, в стране

имеется научная и производственная база (в отличие от Японии и Южной Кореи в середине прошлого столетия) для инновационной формы развития на основе собственных прорывных технологий. С другой стороны, наблюдаются существенная дифференциация и рассогласованность уровней инноватизации пространственных структур развития экономических систем регионов и их серьезное отставание от уровня зарубежных стран. При этом стратегирование инновационной формы развития, основанной на собственных прорывных технологиях, на всей территории России слишком рискованно, а ориентация на заимствование зарубежных технологий может не дать нужного эффекта, закрепив ее периферийное положение в процессах инноватизации на мегауровне.

При выборе приоритетов инноватизации пространственных структур развития национальной экономической системы России крайне актуальным является проведение мониторинга их инновационного потенциала в области создания или заимствования новых технологий. Анализ показал, что часть регионов России может воспроизводить на своей территории модель развития, основанную на создании прорывных технологий; другая часть регионов может специализироваться на заимствовании существующих технологий. Это будет способствовать диверсификации процессов инноватизации пространственных структур развития национальной экономической системы России, что позволит снизить риски реализации различных направлений ее инновационной политики.

Мировой опыт поддержки инноватизации локальных структур развития национальных экономических систем показывает, что наиболее эффективной она является на мезоуровне, на котором сосредоточены отдельные регионы и кластерные образования. Поддержка и стимулирование инноватизации структур их развития, в зависимости от их специфики, могут осуществляться как альтернативными подходами, так и взаимодополняющими формами и способами, которые обеспечивают устойчивость инноватизации локальных структур развития национальных экономических систем.

Проблема устойчивости и ее решение основываются на максимизации инновационного потенциала региональных структур устойчивого развития национальной экономической системы. В свете этого возникает потребность в определении, регулировании и сохранении региональной устойчивости, соответствующей исходным предпосылкам и принципам инноватизации.

Существуют различные подходы к определению региональной устойчивости развития экономической системы: с одной стороны, данная категория раскрывается как гарантия ее целенаправленного движе-

ния; с другой – региональная устойчивость характеризуется как неизменность траектории движения экономической системы, а также форма пропорциональности общественного воспроизводства.

Мы считаем, что основополагающим моментом региональной устойчивости структур развития национальной экономической системы является их способность к генерированию инновационности и инновативности условий, факторов и предпосылок на всех уровнях иерархии экономической системы. Региональная устойчивость в данном случае рассматривается нами как свойство региональной экономической системы создавать и сохранять такие фрактальные связи между структурообразующими элементами, которые позволяют поддержать все необходимые параметры ее динамического обновления на задаваемом уровне с целью ее эффективного функционирования в конкурентной среде.

При этом следует отметить единство региональной устойчивости и изменчивости, равновесности и неравновесности региональных структур динамического развития экономической системы. В связи с этим процесс инноватизации структур регионального устойчивого развития экономической системы представлен кратковременным стабильным исходным критерием перехода региональной экономики от изменчивости, неравновесности и рассогласованности в состояние устойчиво-равновесного, сбалансированного и согласованного динамического развития. Именно это предопределяет алгоритм инноватизации региональных структур устойчивого развития экономических систем.

Проблема регламентирования системы управления инноватизацией промышленного комплекса российских регионов в настоящее время приобретает особую значимость, поскольку под воздействием внешних и внутренних возмущений структура промышленной системы может стать разбалансированной с ярко выраженными социальными и экономическими противоречиями. Примером тому может служить мировой экономический кризис 2008 г., который стал своего рода катализатором проявления негативных явлений в социальной и экономической жизни большинства российских регионов. В частности, речь идет о снижении уровня деловой активности, объемов производства, прибыли, реальных доходов населения, росте безработицы, увеличении долговой нагрузки, снижении ликвидности и пр. Макроэкономические показатели, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что темпы социально-экономического развития в настоящее время существенно замедлились.

Таблица 1. Динамика макроэкономических показателей РФ за 2003-2016 гг.

Наименование показателя	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2015	2016
Темп роста ВВП к прерыд. году, %	107,3	107,2	106,4	108,2	108,5	105,2	92,2	104,3	104,3	103,4
Темп роста инвестиций в % к прерыд. году	112,5	113,7	110,8	116,7	122,7	109,9	84,3	106	108,3	106,6
Темп роста оборота розничной торговли в % к прерыд. году	108,8	113,3	112,8	114,1	116,1	113,6	94,9	106,4	107	106,3
Прибыль по всем видам деятельности, млрд. руб.	2 324	3 214	4 556	7 145	7 290	3 985	5 335	7 870	9 725	7 824
Реальные располагаемые доходы населения в % к прерыд. году	115	110,4	112,4	113,5	112,1	102,4	103,1	105,1	101,2	105,8
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в % к общей численности населения	20,3	17,6	17,7	15,2	13,3	13,4	13	12,7	12,5	10,9
Уровень безработицы к экономически активному населению, %	8,6	8,3	7,7	7,3	6,3	6,5	8,7	7,3	6,5	5,5

Как видно из таблицы 1, практически все показатели, характеризующие динамику развития и потенциал роста (инвестиции) России, в последние годы имеют ярко выраженную тенденцию снижения. В частности, рост промышленного производства по итогам 2016 г. существенно замедлился и составил лишь 3,4%. В этих условиях важной предпосылкой является развитие промышленного производства за счет интенсивного использования ресурсной базы, ключевым фактором развития которой является инноватизация.

Несмотря на все негативные факторы, инновационный сценарий развития экономики российских регионов, разработанный Министерством экономического развития РФ, предусматривает рост доли инновационного сектора до 20% ВВП к 2030 г. Основными проблемами инновационного развития промышленности в российских регионах, большинство из которых до сих пор остаются дотационными, являются следующие:

– снижение цен на мировых товарно-сырьевых биржах, что скажется на экспортных доходах, устойчивости бюджетного сектора, структуре внутреннего спроса и инфляции;

– рост зависимости платежного баланса России и всей российской финансовой системы от потоков капитала и нестабильности мировых финансовых рынков;

– кризисные явления, обусловленные циклическим развитием экономики, что находит отражение в изменении конъюнктуры и других условий функционирования промышленных предприятий.

В целом лишь инновационный сценарий развития, в рамках которого ожидаются ускоренное развитие не сырьевых отраслей и расширение национальной базы накоплений, в перспективе сможет в большей степени повысить устойчивость экономики российских регионов к возможным дестабилизирующим факторам. В этой связи основное внимание региональных властей должно уделяться созданию инновационных промышленных кластеров; высокотехнологичных производств, основанных на прорывных технологиях; научно-инновационных технопарков, инжиниринговых центров и центров трансферта технологий, проектных фирм, испытательных лабораторий, бизнес-инкубаторов. Их приоритетное развитие должно основываться на стратегиях регионов, рассчитанных на долгосрочный период. Программы развития кластеров должны быть основаны на детальном стратегическом и кластерном анализе отраслей экономики региона и разработаны с привлечением всех заинтересованных сторон: органов власти, бизнеса, ассоциаций бизнеса, научно-исследовательских и образовательных учреждений, финансовых организаций.

Кластеры усилят инновационную составляющую устойчивого развития региональных экономических систем, поскольку:

– региональные инновационно-промышленные кластеры имеют в своей основе сложившуюся устойчивую систему распространения новых технологий, знаний, продукции, так называемую технологическую сеть, которая опирается на совместную научную базу;

– предприятия кластера имеют дополнительные конкурентные преимущества за счет возможности осуществлять внутреннюю специализацию и стандартизацию, минимизировать затраты на внедрение инноваций;

– важной особенностью инновационно-промышленных кластеров является наличие в их структуре гибких предпринимательских структур – малых предприятий, которые позволяют формировать инновационные точки роста экономики региона;

– региональные промышленные кластеры чрезвычайно важны для развития малого предпринимательства: они обеспечивают малым фирмам высокую степень специализации при обслуживании конкретной предпринимательской ниши, так как при этом облегчен доступ к капиталу промышленного предприятия, а также активно происходят обмен идеями и передача знаний от специалистов к предпринимателям;

– предоставляют органам власти инструментарий эффективного взаимодействия с бизнесом, дают возможность влиять на принятие организационных и экономических решений в кластере;

– улучшается кадровое обеспечение предприятий, появляется инфраструктура исследований и разработок;

– стимулируют повышение производительности труда и внедрение инноваций.

Одним из результатов успешного государственного индикативного управления инновационным развитием промышленного комплекса является повышение числа малых инновационных фирм. При этом инновационная экономика всегда направлена на повышение уровня инвестиционной привлекательности региональной системы и ее имиджа. Малый инновационный бизнес достаточно динамично развивается в кластерной модели пространственной организации хозяйства региона. В настоящее время кластерный подход к обеспечению инновационного развития предприятий промышленного комплекса активно используется во многих регионах Российской Федерации, а именно в Самарской, Калужской, Ярославской областях, республиках Татарстан и Башкортостан, Санкт-Петербурге и др. В свою очередь, интенсивность инновационной деятельности в промышленном производстве определяет стратегическое позиционирование региональных промышленных систем в целом. С 2005 по 2016 гг. первые 10 позиций по инновационной активности занимают Приморский край, Магаданская, Томская, Нижегородская области, Чувашская Республика, Свердловская, Самарская области, Республика Татарстан, Орловская и Оренбургская области.

Таблица 2. Регионы-лидеры по количеству созданных и используемых технологических инноваций [2]

Число созданных технологий		Число используемых технологий	
Нижегородская область	307	Нижегородская область	109513
Московская область	272	Московская область	59099
Свердловская область	195	Свердловская область	50748
Самарская область	126	Тульская область	40561
Челябинская область	120	Республика Башкортостан	29580
Новосибирская область	111	Самарская область	26848
Калужская область	90	Тюменская область	25918
Тюменская область	87	Саратовская область	24439
Воронежская область	78	Пермский край	24218
Владимирская область	45	Челябинская область	21220
Саратовская область	75	Калужская область	18763
Красноярский край	68	Удмуртская Республика	17975
Белгородская область	62	Омская область	16631
Пермский край	62	Республика Татарстан	14697
Ростовская область	55	Вологодская область	13656

По количеству созданных и используемых передовых производственных технологий можно определить направление инновационной деятельности в регионах, которое также влияет на их инновационную активность. Как видно из таблицы 2, где выделено 15 первых позиций по данным показателям, можно сделать вывод о том, что большинство организаций используют уже готовые технологии.

Особенностью российской модели инновационного развития предприятий промышленности регионов является достаточно высокий размах асимметрии. В частности, по уровню инновационной активности размах внутрирегиональной асимметрии составил 15,5 в 2016 г. против 25,5 в 2005 г. Так, в 2005 г. наибольший уровень инновационной активности был зафиксирован в Пермском крае (33, 2%), а минимальный – в Амурской области (1,3%). В год кризиса (2008 г.) это соотношение уже уменьшилось до 11,2 раза (в Магаданской области – 26,9%, в Республике Алтай – 2,4%). Постепенно в 2009 и 2010 гг. соотношение сократилось до 11,1 раза: в 2009 г. в Магаданской области – 33,3%, в Сахалинской – 3%; в 2010 г., соответственно, – 34,3% и 3,1%. В 2016 г. размах асимметрии снизился, при этом наибольшее значение также было зафиксировано в Пермском крае (23,2%), наименьшее – в Республике Алтай (1,5). Таким образом, уровень территориальных различий, несмотря на кризисное время, постепенно сокращается. Объяснением этому может стать кризис 2008-2009 годов, когда регионам необходимо было защитить свою экономику за счет инновационных решений в бизнесе и промышленности. Трансформация экономических условий, возрастание рисков финансовой и инвестиционной среды способствовали тому, что позиции многих регионов изменились. В частности, регионы с более низким уровнем инновационной активности продвинулись выше по рейтингу (Магаданская область в 2005 г. – 6,2%, в 2016-м – 34,3%), или, наоборот, наблюдается тенденция снижения активности (в 2005 г. в Пермской области 33,2%, в Сахалинской – 6,2%; в 2016 г. – 21,3% и 3,1%, соответственно) [3].

Следует отметить, что уровень инновационной активности в промышленности регионов должен служить своего рода барометром, позволяющим верно расставлять приоритеты структурно-технологической политики с учетом изменений в сфере научных исследований и разработок, качества исследователей и расходов на НИОКР, уровня технического оснащения производства и производительности труда. Инновационная составляющая развития предприятий промышленного комплекса в перспективе должна возрасти, поскольку внедрение инноваций способствует повышению конкурентоспособности и адаптивной эффективности его развития.

Следует отметить, что для построения модели прогнозирования инноватизации управления предприятиями промышленного комплекса

регионов особенно важно владеть информацией о прогнозных значениях рисков в ключевых отраслях [4, с. 154]. При этом в рамках нашего исследования рассматриваются только внутренние риски предприятий региональных отраслевых кластеров, что в значительной степени упрощает задачу их прогнозирования. Внешние риски достаточно сложно спрогнозировать, и определенные данные по ним на перспективу содержатся в официальных правительственных документах. Что касается организационно-структурных, технологических, экономических и социальных рисков, свойственных отдельно взятым отраслевым кластерам, то они достаточно инерционны, и резких изменений оценочных параметров вышеуказанных рисков не наблюдается. Это связано с тем, что проявление рассматриваемых рисков обусловлено состоянием технико-технологического уровня производственного потенциала отраслевых кластеров в регионах со сложившейся организационной структурой и т.д.

Прогнозирование рисков отраслевых кластеров в процессе регионального управления представляется сложной задачей хотя бы в силу того, что степень достоверности экономических прогнозов в реалиях российской экономики недостаточно высока.

Разработка динамических прогнозов, а потом имитационных моделей, территориально-производственных мезомоделей позволила изучать, моделировать траектории развития отраслевых кластеров. В динамических моделях более детально рассматривались взаимосвязи отдельных элементов хозяйственного комплекса региона и условиях их развития во времени, но были лимитированы влиянием технологических связей между объектами отраслей специализации, обслуживающих и вспомогательных производств, нормами потребления многих локальных ресурсов, масштабами развития отдельных элементов производственной инфраструктуры.

Кластерную модель развития хозяйственного комплекса региона можно построить только тогда, когда определены его структура, траектории развития отдельных отраслевых кластеров и системы в целом. Следующим этапом развития моделей прогнозирования можно считать начало использования альтернативных графов, разработку линейно-лингвистических моделей, экспертных систем.

В целях прогнозирования рисков региональных отраслевых кластеров в рамках данного исследования был выбран метод прогнозирования на основе авторегрессионных моделей интегрированного скользящего среднего (ARIMA ime series). Этот метод в отличие, например, от регрессионного анализа (regression analysis) не учитывает причинные факторы, но, тем не менее, позволяет выявить тенденции, циклы и другие систематические характеристики статистических временных рядов. Он представляет собой очень точный метод краткосрочного (до двух

лет) прогнозирования, однако при более продолжительных сроках его точность резко падает.

Модели ARIMA опираются, в основном, на автокорреляционную структуру данных. В методологии ARIMA не предусматривается какой-либо четкой модели для прогнозирования данного временного ряда. Задается лишь общий класс моделей, которые описывают временной ряд и позволяют как-то выразить текущее значение переменной через ее предыдущие значения. Потом алгоритм, подставляя внутренние параметры, сам избирает наиболее пригодную модель прогнозирования. Существует целая иерархия моделей Бокса-Дженкинса. Логично ее можно определить так:

$$AR(p) + MA(q) \rightarrow ARMA(p,q) \rightarrow ARMA(p,q)(P,Q) \rightarrow ARIMA(p,q,r)(P,Q,R) \rightarrow \dots$$

Методология прогнозирования Бокса-Дженкинса отличается от большинства методов, потому что в ней не допускается какой-либо особенной структуры данных часовых рядов, для которых выполняется прогноз. В ней используется итеративный подход к определению допустимой модели среди общего класса моделей. Потом выбранная модель сопоставляется с историческими данными, для того чтобы проверить точно ли она описывает ряды. Модель считается приемлемой, если остатки, в основном малые, распределенные случайно, и не содержат полезной информации. Если заданная модель не удовлетворительна, процесс повторяется, но уже с использованием новой улучшенной модели. Подобная итерационная процедура повторяется до тех пор, пока не будет найдена удовлетворительная модель. Из этого момента заданная модель может использоваться для целей прогнозирования.

Прогноз рисков региональных отраслевых кластеров осуществлялся на краткосрочную перспективу с использованием метода Бокса-Дженкинса. Данный метод был выбран не только благодаря высокой точности прогноза, но и исходя из принятого положения о том, что риски прогнозировать на более длительную перспективу можно лишь с высокой долей условности.

В рамках данного исследования была предпринята попытка составить прогноз структуры рисков отраслевых кластеров Республики Татарстан на примере нефтехимического кластера. Для этого была использована программа Matrixer, которая предназначена для анализа и обработки данных, проведения эконометрических и статистических расчетов. С помощью этой программы можно оценить следующие модели (и проверить гипотезы относительно них): линейная регрессия, нелинейная регрессия, биномиальный логит и пробит и многие другие модели. Кроме этого, данная программа работает со следующими типами объектов: матрицами, переменными (столбцами матриц), скалярами, строками и моделями.

Согласно полученным результатам организационно-структурные, технологические, экономические и социальные риски нефтехимического кластера будут в ближайшей перспективе снижаться, но незначительно (см. рис. 1-4).

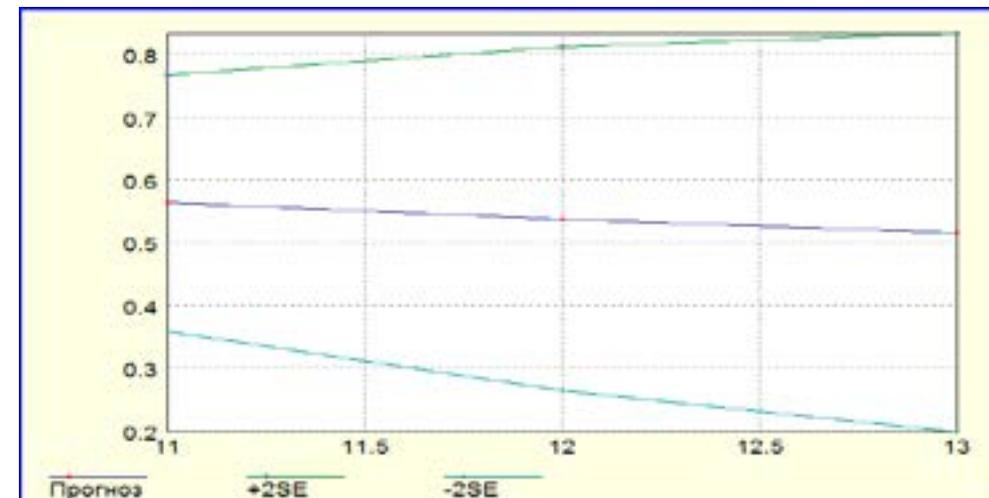

Рис. 1. Прогноз организационно-структурных рисков нефтехимического кластера РТ

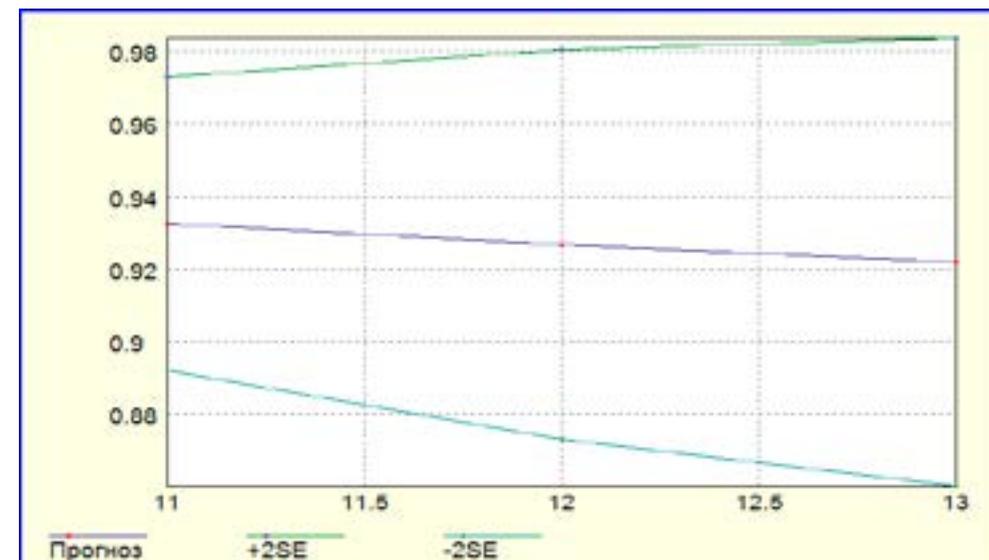

Рис. 2. Прогноз технологических рисков нефтехимического кластера РТ

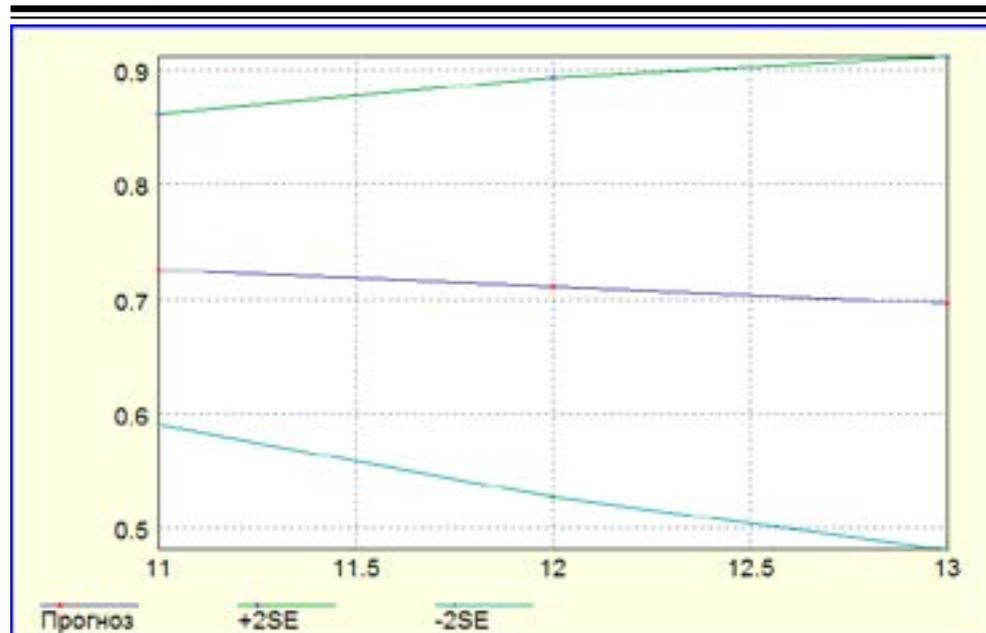

Рис. 3. Прогноз экономических рисков нефтехимического кластера РТ

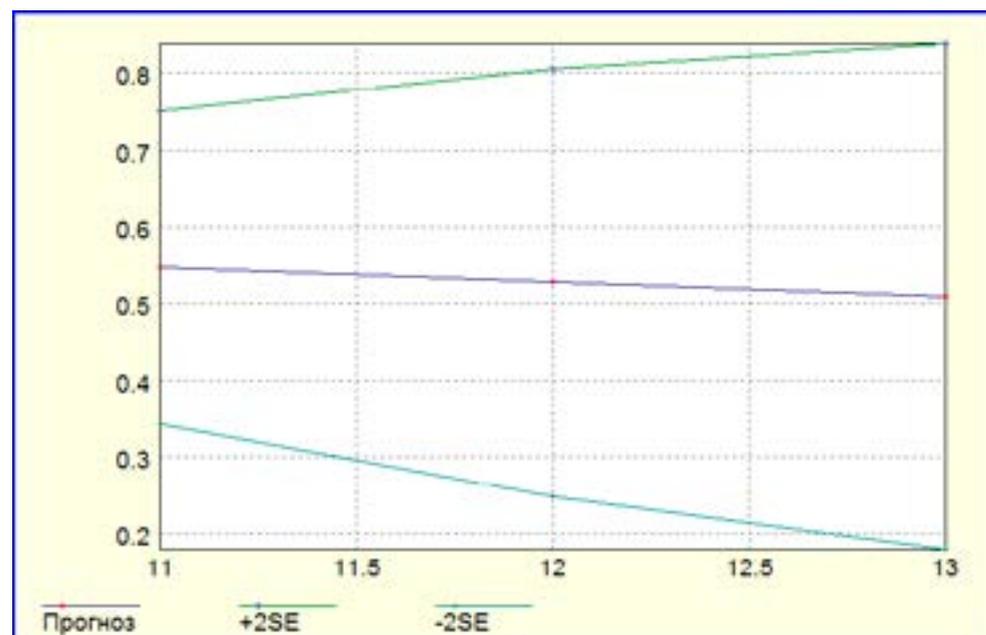

Рис. 4. Прогноз социальных рисков нефтехимического кластера РТ

При построении прогноза рисков нефтехимического кластера Республики Татарстан была использована одна из самых простых моделей Бокса-Дженкинса (1,0,0) – авторегрессионная функция. Точность моде-

ли характеризует близость расчетных наблюдений к фактическим на периоде аппроксимации. Считается, что модели с меньшим расхождением между фактическими и расчетными значениями лучше отражают исследуемый процесс. Для характеристики степени близости использовались: коэффициент детерминации (чем ближе к 1, тем более точная модель); средняя относительная ошибка аппроксимации (чем ближе к 0, тем точнее модель). По всем данным параметрам прогнозные значения соответствуют требованиям.

Незначительное снижение рисков, на наш взгляд, связано с тем, что данный кластер является наиболее развитым, имеющим хороший ресурсный потенциал развития, и концентрирует достаточно большие инвестиционные потоки. Важным является то, что многие приоритетные проекты нефтехимического кластера Республики Татарстан уже реализованы или находятся в стадии реализации. Однако структура рисков не изменится. В этой связи на региональном уровне необходимо предпринимать меры, направленные, прежде всего, на снижение технологических рисков, преодоление технологической и технической отсталости нефтехимических производств.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Прогнозирование уровня инновационной активности в промышленности регионов должно служить своего рода барометром, позволяющим верно расставлять приоритеты структурно-технологической политики с учетом изменений в сфере научных исследований и разработок, качества исследователей и расходов на НИОКР, уровня технического оснащения производства и производительности труда. Инновационная составляющая развития предприятий промышленного комплекса в перспективе должна возрастать, поскольку внедрение инноваций способствует повышению конкурентоспособности и адаптивной эффективности его развития.

2. Прогнозирование рисков отраслевых кластеров в процессе формирования модели индикативного управления инновационным развитием предприятий промышленного комплекса регионов позволяет принимать адекватные управленческие решения по их минимизации и целевые мероприятия по поддержке и стимулированию инновационной деятельности.

Литература:

1. Perez C. (2002). Technological revolutions and financial capital: The dynamics of bubbles and golden ages. Edward Elgar Publishing.
2. Россия-2016 / Стат. справочник/P76 Росстат. – М., 2016. – 59 с.
3. <http://raexpert.ru/researches/expert-inno/part1/>
4. Посталюк М.П., Вафин А.М. Инноватизация управления промышленным комплексом в локальных экономических системах России. – Казань: Изд-во КГУ, 2015. – 200 с.

5. Postaliuk M., Postaliuk T., Vagizova V. Implementation forms of institutional support for traditional and innovative development of national economic systems // Investment management and financial innovations. – 2013. – № 4. – Т. 10. – С. 88-94.

6. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России: Монография // Институт нового индустриального развития (ИНИР). – СПб., 2013. – 680 с.

7. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 2002.

8. Голиченко О. Модель развития, основанного на диффузии технологий // Вопросы экономики. – 2012. – № 4.

9. Гранберг А.Г. Динамические модели народного хозяйства / А.Г. Гранберг. – М.: Изд. «Экономика», 1985. – 240 с.

10. Лурье Е.А. Территории инновационного развития: опыт регионов // Инновации. – 2009. – № 2(124). – С. 31-44.

11. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития (исслед. предпринимат. прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): Пер. с нем. В.С. Автономова и др.; Общ. ред. А.Г. Милейковского. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

12. Царегородцев Е.И. Проблемы развития инновационной деятельности в не сырьевом регионе // Вестник «ТИСБИ». – 2014. – № 2(58). – С. 83-93.

References:

1. Perez C. (2002). Technological revolutions and financial capital: The dynamics of bubbles and golden ages. Edward Elgar Publishing.

2. Russia-2016 / Stat. reference book / P76 Rosstat. – М., 2016. – 59 p.

3. <http://raexpert.ru/researches/expert-inno/part1/>

4. Postaljuk M., Vafin A. Innovation of industrial complex management in local economic systems of Russia. – Kazan: Kazan Publishing House. University, 2015. – 200 p.

5. Rostaliuk M., Rostaliuk T., Vagizova V. Implementation of the forms of institutional support for the traditional and innovative development of the national economic systems // Investment management and financial innovations. – 2013. – Vol. 10. – № 4. – P. 88-94.

6. Bodrunov S. Formation of the strategy of reindustrialization of Russia: Monograph // Institute for New Industrial Development (INIR). – St. Petersburg, 2013. – 680 p.

7. Glazyev S., Lvov D., Fetisov G. The evolution of technical and economic systems: the possibilities and limits of centralized regulation. – М.: Nauka, 2002.

8. Golichenko O. The model of development based on the diffusion of technologies // Issues of Economics. – 2012. – № 4.

9. Granberg A. Dynamic models of the national economy / A.Granberg. – М.: Publishing House of Economics, 1985. – 240 p.

10. Lurie E. Territories of innovative development: the experience of regions // Innovations. – 2009. – № 2(124). – P. 31-44.

11. Schumpeter J. The Theory of Economic Development: Trans. by V.Avtonomova and others; Ed. by A.Mileikovskiy. – М.: Progress, 1982. – 455 p.

12. Tsaregorodtsev E. Problems of development of innovative activity in non-resource region // «TISBI» Bulletin. – 2014. – № 2(58). – P. 83-93.

УДК 336.763

ИСЛАМСКИЕ ФОНДЫ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ, РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ISLAMIC PRIVATE EQUITY FUNDS: CONCEPT DEFINITIONS, RETROSPECTIVE ANALYSIS OF FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

АЮПОВ А.А., д-р экон. наук, профессор кафедры банковского дела
Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: Ajdar.Ajupov@kpfu.ru

AYUPOV A., Dr. in Economics, Professor, Chair of Banking,
Kazan Federal University
E-mail: Ajdar.Ajupov@kpfu.ru

Аннотация

Учитывая возрастающий интерес мусульман и граждан, интересующихся вопросами исламской экономики и финансов, наблюдаемый в последние несколько лет, возникает необходимость исследования практики применения финансирования и инвестиционной деятельности в исламских финансах. В статье проводится анализ мирового опыта развития рынка исламских фондов прямых инвестиций (ФПИ) на примере Малайзии, Пакистана, Саудовской Аравии, Бахрейна, Кувейта, США и Канады, а также раскрываются вопросы сущности, истории становления и прогнозы развития исламских ФПИ.

Ключевые слова: исламская экономика, исламские финансы, исламские фонды прямых инвестиций, история исламских фондов прямых инвестиций, доленое финансирование.

Abstract

Conditioned upon the growing interest of Muslims and citizens, interested in Islamic economics and finance, which became obvious in the last few years, there is a need to study the practice of applying financing and investment activities in Islamic finance. The article analyzes the world experience in the development of the Islamic private equity funds market taking Malaysia, Pakistan, Saudi Arabia, Bahrain, Kuwait, the United States and Canada as an example, and discloses the nature, history and development projections of Islamic Private Equity Funds (PEF).

Key words: Islamic economy, Islamic finance, Islamic private equity funds, history of Islamic private equity funds, equity financing.

Мировые тенденции развития современных экономических отношений сегодня заставляют нас обратить внимание не столько на Запад, сколько на Восток, поскольку международные эксперты в области экономики, политики и права убедительно доказывают, что мировой финан-

совый кризис, наблюдаемый с периодическим постоянством в последние десятилетия, ввел в состояние экономической катастрофы многие Европейские страны, а также американскую экономику. В то же время страны Ближнего Востока, арабские страны в условиях кризиса проявили определенную стрессоустойчивость. В этой ситуации определяющую роль сыграло использование модели исламского финансирования.

Применяемая в исламских финансах модель фонда прямых инвестиций создана для осуществления долевого финансирования, которое считается наиболее соответствующим духу исламских принципов в экономике. В первую очередь, это объясняется тем, что модель фонда прямых инвестиций создана для осуществления долевого финансирования на таких договорах, как мудараба и мушарака. Мировая практика осуществления финансирования деятельности хозяйствующих субъектов исламскими банками показывает, что инвестиционный портфель данных финансовых институтов смещен в сторону финансовых инструментов с фиксированной доходностью. По некоторым оценкам, инструменты, основанные на разделении прибыли и убытков, занимают в портфеле исламских банков менее 25% [10, с. 117].

Дефиниции понятия исламских фондов прямых инвестиций

Фонд прямых инвестиций – это финансовый институт, осуществляющий долгосрочные вложения в перспективные непубличные компании с целью получения инвестиционного дохода от роста их капитализации.

Под прямыми инвестициями понимается приобретение акционерного, уставного капитала непубличной компании-реципиента инвестиций и/или предоставление долгового финансирования с возможностью конвертации (в том числе и с отлагательными условиями). Частным случаем прямых инвестиций являются венчурные инвестиции [8].

Как правило, прибыль ФПИ формируется за счет двух составляющих: комиссии за управление активами подписчиков фонда и доли прибыли от инвестиционной деятельности.

Например, в США часто используют правило «2&20». Фонды, как правило, получают 1-2%-ную комиссию за управление активами и 20% от прибыли от инвестиционной деятельности.

С точки зрения компании-реципиента, привлечение венчурных и прямых инвестиций имеет как положительные, так и отрицательные эффекты. Первые – это:

- возможность получить средства на развитие бизнеса;
 - привлечение нематериальных ресурсов (консультации со стороны инвестора, его связи, знания и авторитет);
 - повышение репутации реципиента (получателя финансирования).
- Среди вторых выделяем:

- доходность вложений должна находиться на уровне не ниже 30-40% годовых;

- ограничения на принятие стратегических решений;
- компания должна быть готова пройти комплексную процедуру юридической, финансовой, технологической, маркетинговой проверки (due diligence).

В то же время все приведенное нами выше характерно для всех фондов прямых инвестиций. Ключевым для нас моментом здесь является то, что несмотря на некоторую схожесть исламских и традиционных ФПИ, последние могут применять запрещенные с точки зрения ислама финансовые инструменты, а также осуществлять инвестиции в любой вид бизнеса. В свою очередь, исламские ФПИ не используют запрещенные с точки зрения ислама финансовые инструменты и инвестируют средства только в разрешенный исламом бизнес.

Основными в деятельности исламских ФПИ, как уже было сказано ранее, являются договора мудараба и мушарака, а также агентские соглашения. Важно подчеркнуть, что для каждого из перечисленных договоров разработаны шариатские стандарты, признанные на международном уровне исламскими организациями, такими как Международная организация по бухучету и аудиту исламских финансовых учреждений (AAOIFI), Совет по исламским финансовым услугам (IFSB).

В соответствии со стандартами AAOIFI договор мудараба – это договор партнерства в получении прибыли, на основе которого одна сторона (раббуль-маль) предоставляет капитал, а другая сторона (мудариб) предоставляет свои предпринимательские способности (труд) для управления капиталом [6, с. 8]. В соответствии с данным договором полученная прибыль распределяется между сторонами в соответствии с ранее заключенным соглашением о долях. Убытки несет раббуль-маль. Мудариб в случае убытков не получает вознаграждение за труд, а также несет репутационные потери.

Шарика – соглашение между двумя и более сторонами об объединении активов, трудовых ресурсов или обязательств в целях извлечения прибыли [7, с. 8].

Мушарака – это частный случай договора шарика¹, подразумевающий партнерство на основе объединения имущества, который также может иметь черты партнерства на основе совместных работ. Согласно данному договору, полученная прибыль также распределяется между сторонами в соответствии с ранее заключенным соглашением о долях. Убытки подлежат распределению пропорционально вкладу в капитал.

Инвестиционная деятельность любых исламских компаний имеет ряд ограничений. В исламских финансах основными ограничениями являются:

- запрет на ссудный процент (риба);

¹ Договор шарика имеет несколько подвидов.

- запрет на чрезмерную неопределенность в контрактах (гарар).
- запрет на азартные отношения (мейсир), например, к ним относят: свопы, опционы, фьючерсы;
- запрет на участие во всем вредоносном для людей: алкоголь, наркотики и пр.

Перечисленные выше ограничения практически не мешают функционировать исламским фондам в их традиционном виде, так как инструментами инвестирования являются непосредственно вложения в уставный капитал либо покупка акций, которые соответствуют дозволенным с точки зрения ислама инструментам мудараба и мушарака.

Сложности возникают при выборе объектов инвестирования. В отношении инвестируемых компаний присутствуют определенные ограничения, к примеру, однозначно запрещено инвестировать в акции компаний, чей бизнес основывается на запрещенной исламом деятельности. Также существуют ограничение по финансированию компаний, чья деятельность ведется с использованием механизмов привлечения и размещения ликвидности на основе ссудно-процентных инструментов. Большинство исламских правоведов единогласны в том, что запрещено инвестировать в организации, имеющие запрещенные элементы. Но современная конъюнктура экономики такова, что таких компаний подавляющее большинство, и некоторые правоведы дозволили инвестировать в них с соблюдением ряда определенных условий [4, с. 172].

Так, в частности, Комиссией по ценным бумагам Малайзии установлены следующие критерии скрининга инвестируемых компаний (см. таблицу 1).

Таблица 1. Критерии скрининга инвестируемых компаний Комиссии по ценным бумагам Малайзии [12, с. 41]

Критерий	Описание критериев
Отрасль	Фонды должны избегать отрасли, которые не соответствуют руководящим принципам шариата в инвестиционной деятельности. Запрещены для инвестирования следующие отрасли: 1. Обычные финансовые институты, деятельность которых основана на ссудном проценте. 2. Азартные игры, казино. 3. Производство, упаковка, транспорт, торговля продуктами питания и напитками, которые не дозволены шариатом. 4. Недозволенные шариатом развлечения и производство, распространение или продажа таких развлечений. 5. Производство, упаковка, транспортировка или продажа табачных изделий.

Критерий	Описание критериев
Доля дохода от запрещенных и сомнительных видов деятельности	Разрешено инвестировать в компании, которые имеют: 1. Не более 5% дохода от запрещенных видов деятельности, таких как: традиционный банковский и страховой бизнес, азартные игры, алкоголь, производство продукции, не соответствующие нормам Халяль ¹ , развлечения, не соответствующие нормам Халяль, другие виды деятельности, не соответствующие нормам Халяль. 2. Не более 10% дохода от ссудно-процентных инструментов, от производства, продажи табака, других видов деятельности, не соответствующих нормам Халяль. 3. Не более 20% дохода от рентных выплат, полученных от деятельности, не соответствующей нормам Халяль. 4. Не более 25% дохода от таких видов деятельности, таких как: гостиничный бизнес, отели, туризм, операции на рынке акций, брокерская деятельность, другие виды деятельности, не соответствующие нормам Халяль.

Определение методологии для формирования инвестиционной стратегии и для проведения последующего отбора проектов является прерогативой шариатского совета. Основной функцией шариатского совета является утверждение правил, по которым должны работать исламские финансовые учреждения, в том числе исламские ФПИ. Шариатским советом должен быть внешний независимый орган. Помимо него, для осуществления контроля за соблюдением утвержденных норм исламский ФПИ должен иметь внутренний орган по шариатскому контролю. Именно такая модель контроля позволит сформировать доверие у той части целевой аудитории, для которой важно соблюдение норм ислама.

Также стоит добавить, что работа в исламских ФПИ требует наличия у работников особой исламской бизнес-этики, позволяющей им находить общий язык с представителями исламского бизнес-сообщества и клиентами. В связи с тем, что в настоящее время у исламских финансовых организаций появляются клиенты, не являющиеся мусульманами, специалисты должны владеть навыками общения со всеми группами клиентов и быть способными разъяснять свою позицию представителям других религиозных конфессий в соответствии с принципами исламской деловой этики, принятой и реализуемой в бизнесе современных мусульман [1, с. 246].

История развития исламских фондов прямых инвестиций в мировой практике

Самые ранние формы исламских моделей долевого финансирования появились еще на заре исламской цивилизации. Стоит сказать, что модели долевого финансирования использовались арабами и в доисламское время. А с приходом ислама они были узаконены в шариате в отличие, например, от долгового ссудного финансирования. Известно, что сам пророк Мухаммад (570-632 н.э.) участвовал в доверитель-

ном управлении капиталом. А сподвижники пророка, в первую очередь Абдурахман ибн Ауф (580-652 н.э.), были активными инвесторами долевого финансирования торговых караванов. С тех пор мусульмане продолжали следовать заложенным принципам в своей торговой и производственной деятельности. В контексте частного капитала применялись два основных инструмента: мудараба и мушарака.

В институциональной форме современные компании исламского венчурного финансирования и прямых инвестиций начинают свою историю с мудараба-компаний, созданных в Пакистане в 1984 г. [13, с. 108]. Этому способствовал процесс избавления экономической системы страны от рибы (ссудного процента), начатый после переворота 1977 г. Инициатором изменений стал новый президент Пакистана Зия из-уль-Хак. В процессе трансформации существующей экономической системы в исламскую участвовали специальные ведомства: Совет Исламской Идеологии и Совет по исламизации.

Идеи создания Мудараба-компаний в Пакистане материализовались даже немного ранее, а именно в 1979 г. Тогда три финансовых института (Компания финансирования жилищного строительства, Национальная инвестиционная трастовая компания и Инвестиционная корпорация Пакистана) перешли на операции, соответствующие принципам Шариата [9, с. 83].

Первая малазийская венчурная компания Malaysian Venture Investment (MVI) была создана в 1984 г. В 1990 г. начинают работать сразу несколько PE-компаний, финансируемых правительством Малайзии. Среди них Malaysian Technology Development Corporation (MTDC), Navis Capital, Perbadanan Usahawan National Bhd (PUNB) и др.

В 1992 г. основана Малазийская корпорация развития технологий – The Malaysian Technology Development Corporation (MTDC). MTDC организована с целью осуществления венчурных инвестиций в малые и средние предприятия Малайзии в секторе высоких технологий.

В 1995 г. была создана Малазийская Ассоциация Венчурного Инвестирования (MVCA). В нее вошли участники индустрии венчурного капитала. Ассоциация занимается решением проблем развития индустрии прямых инвестиций и венчурного финансирования.

В 2008 г. осуществлена первая венчурная сделка правительственной компанией Malaysia Venture Management Berhad Capital (MAVCAP). С тех пор компанией реализовано свыше 50 проектов в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

В 2003 г. Кувейтский Финансовый Дом (Kuwait Finance House – KFH) инвестировал 100 млн. долл. США в фонд прямых инвестиций Новой Зеландии и Австралии.

В 2005 г. начинает функционировать банк венчурного капитала (Venture Capital Bank – VCBank) в Бахрейне. Venture Capital Bank специ-

ализируется на венчурном инвестировании в малые и средние предприятия. VCBank является первым подобным банком на Ближнем Востоке и в Северной Африке. VCBank осуществляет инвестиции в различные рынки и сектора, среди которых недвижимость, сельское хозяйство, транспорт, нефтегазовая отрасль и др. Ключевые страны инвестирования: Бахрейн, Турция, США, ОАЭ, КСА, Великобритания.

Также в 2005 г. основан один из старейших в регионе фонд GFH Capital (ранее известный как Injazat Capital). Фонд был создан Исламской корпорацией по развитию частного сектора (ICD) и инвестиционным банком Бахрейна GFH Financial Group. GFH Capital создал первый на Ближнем Востоке венчурный фонд Injazat Technology Fund BSC (ITF I), уставный фонд которого составляет 50 млн. долл. США. Данный венчурный фонд инвестирует преимущественно в отрасль ИКТ. GFH Capital инвестирует в быстроразвивающиеся компании на всех стадиях развития. За свою историю фонд инвестировал в общей сложности более 8 млрд. долл. США в более чем 40 компаний 25 стран.

В 2007 г. инвестиционная компания Бахрейна Khaleej Finance and Investment (KFI) совместно с Кувейтскими компаниями Kuwait Investment Company (KIC) и Kuwait Finance House (KFH) создали Индийский фонд прямых инвестиций (Indian Private Equity Fund), осуществив инвестиции на сумму 200 млн. долл. США. Indian Private Equity Fund вкладывает средства в растущие сектора Индии, в частности, в промышленность и недвижимость.

В 2007 г. в Саудовской Аравии организован фонд Alkhabeer Capital с капиталом 217 млн. долл. США. Изначально Alkhabeer Capital занималась предоставлением консультационных услуг для исламских банков по инвестиционным продуктам. После того, как в 2007 г. ей удалось привлечь частных инвесторов, компания расширила свою деятельность и начала заниматься прямыми инвестициями. Уже в 2008 г. была создана дочерняя компания Alkhabeer International BSC с капиталом 100 млн. долл. США.

В 2008 г. Дубайская компания Millennium Private Equity Ltd и Kuwait's Global Investment House основали фонд прямых инвестиций Global DIB Millennium Islamic Buyout Fund, вложив \$500 млн. долл. США. Global DIB Millennium специализируется на сделках финансируемого выкупа (Leveraged Buy-Out, LBO). Фонд занимается инвестированием в компании, чья деятельность соответствует шариату, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, Турции и Южной Азии, включая Египет, Иорданию, Ливан, Тунис и Марокко. Он также может инвестировать в компании, расположенные в Китае, Индии и Пакистане.

В 2009 г. правительством Саудовской Аравии основана инвестиционная компания Saudi Arabian Investment Company (Sanabil Investments) с капиталом 20 млрд. саудовских риалов. Инвестиционная стратегия

фонда включает в себя полный спектр активов, включая акции, хедж-фонды, фонды прямых инвестиций и реальных активов. Компания инвестирует как в местные, так и в зарубежные рынки.

В 2014 г. в Бахрейне основана компания ASMA Capital Partners для управления фондом IDB Infrastructure Fund II (IDB Fund II) с совокупным капиталом 2 млрд. долл. США. IDB Fund II является одним из крупнейших фондов прямых инвестиций для целевого финансирования инфраструктурных проектов в 57 странах, пользующихся услугами Исламского банка развития (IDB). Фонд IDB Fund II является правопреемником ранее учрежденного банком IDB Fund I с совокупным капиталом 730 млн долл. США. IDB Fund II охватывает такие сектора, как: энергетика, телекоммуникации, транспорт, нефтегазовая, нефтеперерабатывающая и нефтехимическая отрасли, производство стали и алюминия, горнодобывающая промышленность, логистика, здравоохранение, образование и финансовые услуги.

Помимо стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии исламские фонды получили распространение и в Северной Америке. Развитие фондов исламских прямых инвестиций в Северной Америке началось в середине 1990-х годов, главным образом в результате интереса инвесторов Ближнего Востока к экономике данного региона [2].

В 1998 г. организована инвестиционная компания Arcapita (Атланта, штат Джорджия). Arcapita сфокусирована на таких отраслях экономики, как медицина, энергетика, технологии, промышленность, и ориентирована на финансирование крупных компаний и проектов со средним размером сделки, превосходящим 200 млн. долл. США в действующем бизнесе и 20 млн. долл. США в венчурных проектах. С момента основания компания осуществила инвестиций на сумму около 10 млрд. долларов и является одним из крупнейших исламских фондов Северной Америки.

На ряду с Arcapita одним из крупнейших фондов в Северной Америке является UIB Capital – дочерняя компания Unicorn Investment Bank (Бахрейн). UIB Capital в большей степени ориентирована на средние предприятия и сфокусирована на таких отраслях, как медицина, технологии, сфера услуг, потребительские товары и нефтегазовый сектор. Размер осуществляемых ею сделок колеблется в диапазоне от 10 до 75 млн. долл. США.

С 2002 г. в США функционирует компания Codexa Capital, которая в большей степени действует как инвестиционный брокер, нежели фонд прямых инвестиций, осуществляя привлечение инвестиций под конкретные проекты и предприятия от институциональных и частных инвесторов Ближнего Востока.

В 2004 г. основан один из крупнейших фондов Северной Ittihad Capital (Канада, штат Альберта). В отличие от Arcapita и UIB Capital Ittihad Capital является самостоятельной компанией, сфокусированной

на инвестициях внутри Канады. Одной из особенностей данного фонда является то, что помимо того, что при отборе портфельных компаний фонд руководствуется исламскими принципами, он также позиционирует свои инвестиции как социально ориентированные.

Также в 2004 г. на рынок США вышло еще 2 компании: Innovest Capital и Transocean Group. Innovest Capital является дочерней структурой Gulf Investment House (Кувейт). Innovest Capital в большей степени ориентирована на инвестиции в девелопмент недвижимости. Transocean Group является дочерней структурой Gulf Finance House (Бахрейн). Компания не имеет жестких ограничений по секторам экономики и ориентирована на размер сделок в диапазоне от 50 до 300 млн. долларов.

Как видно из проведенного ретроспективного анализа, за последние четверть века было организовано большое количество исламских ФПИ. Несмотря на то, что анализ охватил не все существующие исламские ФПИ, его достаточно для того чтобы сделать несколько важных выводов:

- Исламские ФПИ распространены преимущественно в странах Организации исламского сотрудничества и США.
- Успешно функционируют как исламские венчурные фонды, так и исламские ФПИ.
- Венчурные фонды инвестируют преимущественно в сектор ИКТ.
- Фонды прямых инвестиций, как правило, диверсифицированы по отраслям инвестирования.
- Фонды инвестируют как в развитые, так и в развивающиеся страны.

Текущее состояние и перспективы развития рынка исламских фондов прямых инвестиций

По данным отчета Совета по исламским финансовым услугам (IFSB) общий объем активов под управлением исламских фондов составил 71,3 млрд. долл. США в 2015 г., что составляет 4% от мирового объема исламских финансов (см. таблицу 2).

Таблица 2. Объем рынка исламских финансов по географическим сегментам в 2015 г., млрд. долл. США [12, с. 44]

Регион	Активы банков	Непогашенные сукук	Активы исламских фондов	Премии такафул-операторов	Итого
Азия	209,3	174,7	23,2	5,2	412,4
ССАГПЗ	598,8	103,7	31,2	10,4	744,1
Ближний Восток и Северная Африка (искл. ССАГПЗ)	607,5	9,4	0,3	7,1	624,3
Тропическая Африка	24,0	0,7	1,4	0,5	26,6
Остальной мир	56,9	2,1	15,2	-	74,2
Итого	1 496,5	290,6	71,3	23,2	1 881,6
Доли	80%	15%	4%	1%	100%

За период с 2009 по 2014 г. среднегодовой темп роста сектора исламских фондов составил 6,6% (рис. 1).

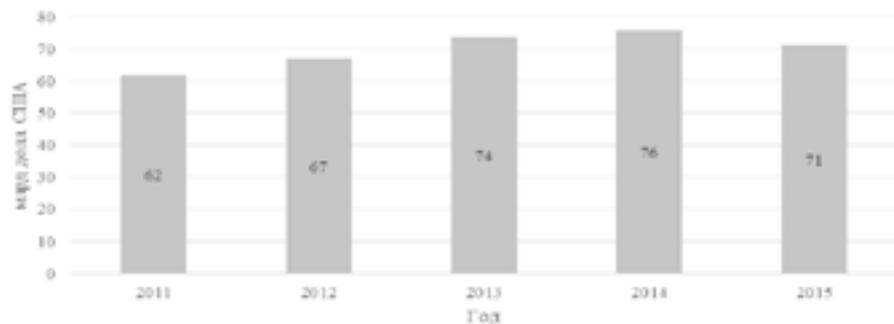

Рис. 1. Динамика объема активов под управлением действующих исламских фондов (2011-2015 гг.), млрд. долл. США

В 2014 г. сектор достиг своего исторического максимума – 75,8 млрд. долл. США. Однако из-за спада на глобальном фондовом рынке и обесценивания валюты развивающихся рынков, в частности в Малайзии и Индонезии, в 2015 г. активы фондов сократились на 4,5 млрд. долл. США. При этом общее число фондов увеличилось. Всего на конец III квартала 2015 г. насчитывалось 1230 исламских фондов, по сравнению с 1161 фондом в 2014 г. На рис. 1 представлены объемы активов всех исламских фондов, таких как фонды акций, недвижимости, товарного рынка, денежного рынка и др. Исламские ФПИ занимают около 35% рынка исламских фондов.

На основе статистики за предыдущие 5 лет построен прогноз динамики активов под управлением исламских ФПИ до 2021 г. (рис. 2).

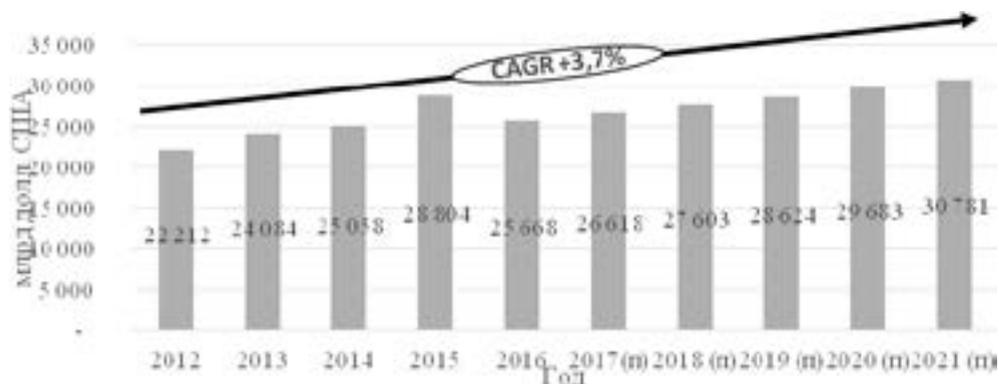

Рис. 2. Динамика объема активов под управлением действующих исламских ФПИ (2011-2015гг. – факт; 2016-2021 гг. – прогноз), млн. долл. США [12, с. 44]

Как видно из рис. 2, активы под управлением исламских ФПИ составляют около 26 млрд. долл. США. За период 2011-2015 гг. среднегодовой темп роста сектора исламских ФПИ составлял 3,7%. Если тенденция сохранится, то к 2020 г. активы исламских ФПИ составят 30,7 млрд. долл. США.

Если посмотреть на территориальное распределение, то 76% активов исламских фондов сосредоточено в трех странах: Саудовская Аравия (40%), Малайзия (28%) и остров Джерси (8%). Остальные 24% распределены по следующим странам: Кувейт, США, Бахрейн, Южная Африка, Индонезия и Пакистан (рис. 3).

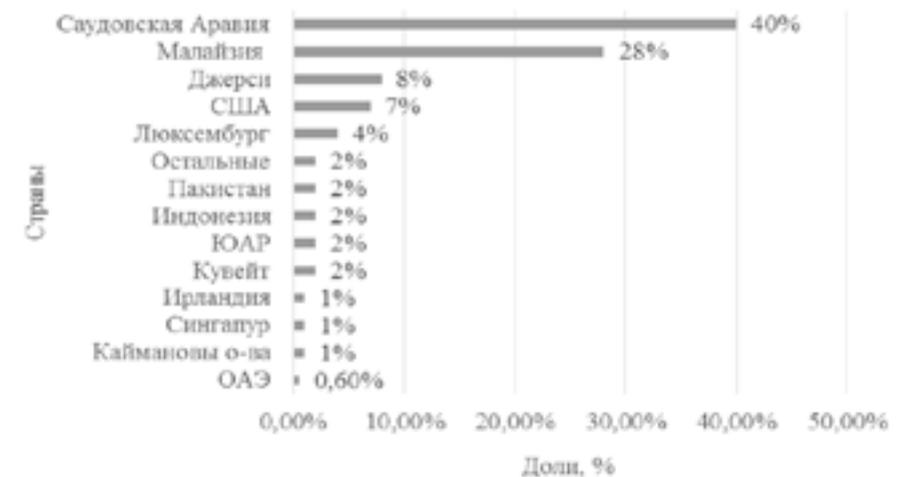

Рис. 3. Распределение активов исламских фондов по юрисдикциям [12, с. 45]

Исламские ФПИ приносят довольно высокую доходность для своих инвесторов. Так, внутренняя норма доходности (IRR) IDB Infrastructure Fund II составляет 18% [15]. А IRR фонда GFH Capital достигал значений в 75% [11]. Остальные рассмотренные нами фонды не публикуют информацию о доходности.

Итак, мы определили, что модель фонда прямых инвестиций создана для осуществления долевого финансирования, которое считается наиболее соответствующим духу исламских принципов в экономике. Под фондами прямых инвестиций понимаются финансовые институты, осуществляющие долгосрочные вложения в перспективные непубличные компании с целью получения инвестиционного дохода от роста их капитализации. Исламские фонды прямых инвестиций относятся к одним из наиболее перспективных, с точки зрения потенциала развития, видов исламских финансовых институтов.

Было отмечено, что исламские фонды прямых инвестиций и венчурные фонды схожи с традиционными ФПИ, за исключением некоторого строгого количественного и качественного скрининга. Контрактная основа исламских фондов опирается на разработанные шариатские стандарты. Стандарты разработаны признанными на международном уровне исламскими организациями, такими как Международная организация по бухгалтеру и аудиту исламских финансовых учреждений (AAOIFI), Совет по Исламским финансовым услугам (IFSB). Структура исламских ФПИ отличается от структуры их традиционных аналогов обязательным наличием шариатского совета.

В работе была рассмотрена история развития фондов прямых инвестиций. Было отмечено, что их прообразы появились еще в VII веке н.э. Именно тогда были заложены основные принципы исламского финансирования: мудараба и мушарака. В институциональной форме современные компании исламского венчурного финансирования и прямых инвестиций начинают свою историю с конца 1970-х годов.

За последние четверть века было организовано значительное, в масштабах исламской экономики, количество исламских ФПИ. Исламские ФПИ распространены преимущественно в странах Организации исламского сотрудничества и США. Успешно функционируют как исламские венчурные фонды, так и исламские ФПИ. Венчурные фонды инвестируют преимущественно в сектор ИКТ. Фонды прямых инвестиций, как правило, диверсифицированы по отраслям инвестирования. Фонды инвестируют как в развитые, так и в развивающиеся страны.

На сегодняшний день исламские ФПИ сосредоточены на Ближнем Востоке, в Малайзии и Северной Америке. Активы под управлением исламских ФПИ составляют около 26 млрд. долл. США. За период 2011-2015 гг. среднегодовой темп роста сектора исламских ФПИ составлял 3,7%. Если тенденция сохранится, то к 2020 г. активы исламских ФПИ составят 30,7 млрд. долл. США. Анализ эффективности зарубежных исламских ФПИ показал, что внутренняя норма доходности исламских ФПИ может достигать от 18% до 70%.

Эксперты позитивно оценивают возможности развития исламского финансирования в России, при этом отмечая, что успех рынка будет зависеть в первую очередь от наличия законодательной среды для развития исламских банков, а также развития уровня спроса на услуги такого рода учреждений со стороны мусульманского и иного населения страны. Исламские финансы обладают инструментами, работающими практически на всех уровнях экономики. Учитывая большую доступность и привлекательность (по причине своей справедливости – этичности), они будут, по нашему мнению, пользоваться все большей популярностью в России.

Литература:

1. Аюпов А.А. О значении и роли магистерской программы «Исламские финансы» в формировании нового экономического уклада в России // *Инновационное развитие экономики*. – 2016. – № 1 (31). – С. 245-247.
2. Исхаков И.Р. Исламские фонды прямых инвестиций в Северной Америке // ЦРИЭФ (Центр развития исламской экономики и финансов). – URL: <http://islameconomy.ru/articles/analiticheskie-stati/islamskie-fondy-pryamuykh-investitsiy-v-severnoy-amerike/>.
3. Исхаков И.Р. Операционная структура исламского финансового института, ориентированная на реализацию долевых методов финансирования // *Актуальные проблемы экономики и права*. – 2014. – № 2 (30). – С. 12-16.
4. Исхаков И.Р. Состояние и перспективы развития исламской финансовой системы // *Актуальные проблемы экономики и права*. – 2011. – № 3. – С. 170-174.
5. Исламские фонды прямых инвестиций // *Мои Лекции.ру*. – URL: <http://mylektsii.ru/6-135592.html>
6. Мудароба: шариат. Стандарт № 13: [пер. с англ.] // *Орг. бухгалтер. учета и аудита ислам. Финансовых орг.;* [редсовет: Р.И. Баишев и др.]. – М.: Исламская книга, 2011. – 28 с.
7. Мушарака: шариат. Стандарт № 12: [пер. с англ.] // *Орг. бухгалтер. учета и аудита ислам. Финансовых учреждений (AAOIFI);* [ред. совет: Р.И. Баишев и др.]. – М.: Исламская книга, 2011. – 40 с.
8. Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции. 9 месяцев 2016 г. // *Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ)*. – URL: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/rvca-yearbook/>
9. Судин Харон, Ван Нурсофиза, Ван Азми. Исламская финансовая и банковская система: философия, принципы и практика. – Казань, Линова-Медиа, 2012. – 536 с.
10. Чокаев Б. Исламские финансы: возможности для российской экономики // *Вопросы экономики*. – 2015. – № 6. – С. 106-127.
11. Стурикова Л.В., Аюпов А.А. Экономические основы формирования и управления портфелем облигаций негосударственных пенсионных фондов и страховых компаний // *Вестник Казанск. технологич. ун-та*. – 2008. – № 6. – С. 275-279.
12. Аюпов А.А., Тухватуллин А.Ф. Анализ инновационной деятельности исламских фондов прямых инвестиций на мировых финансовых рынках // *Инновационное развитие экономики*. – 2017. – № 2 (38). – С. 38-46.
13. About GFH Capital // *GFH Capital* [Официальный сайт]. – URL: <http://www.gfh-capital.com/abouta>
14. Differences Between Private Equity and Hedge Funds // *ARTIVEST*. – URL: <https://artinvest.co/blog/7-differences-between-private-equity-and-hedge-funds/>
15. Dr. Manas Chakrabarti An empirical study on Islamic private equity (IPE) // *Indian Journal of Applied Research*. – Vol. IV. – Issue. I. – January, 2014. – P. 108-109.
16. Frequently-Asked Questions on Revised Shariah Screening Methodology // *Sutuhanjaya Securities Commission Malaysia*. – URL: <https://www.sc.com.my/frequently-asked-questions-on-revised-shariah-screening-methodology/>
17. IDB INFRASTRUCTURE FUND II // *ASMA Capital* [Официальный сайт]. – URL: <http://www.asmacapital.com/idb-infrastructure.html>
18. Islamic finance: an ideal model for private equity and venture capital // *Malaysia Worlds Islamic Finance Marketplace*. – URL: <http://www.mifc.com/index.php?ch=28&pg=72&ac=144&bb=uploadpdf>
19. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2016 // *IFSB Islamic Financial Services Board*. – URL: [http://www.ifsb.org/docs/IFSI%Stability%Report%2016%\(final\).pdf](http://www.ifsb.org/docs/IFSI%Stability%Report%2016%(final).pdf)

References:

1. Ayupov A. On the Importance and Role of the Master's Program «Islamic Finance» in the Formation of a New Economic Structure in Russia // *Innovative Development of the Economy*. – 2016. № 1 (31). – P. 245-247.

2. Iskhakov I. Islamic Private Equity Funds in North America // TSRIEF (Center for Development of Islamic Economy and Finance). – URL: <http://islameconomy.ru/articles/analiticheskie-stati/islamskie-fondy-pryamykh-investitsiy-v-severnoy-amerike/>.
3. Iskhakov I. The operational structure of the Islamic financial institution, focused on the implementation of equity financing methods // Actual problems of economics and law. – 2014. – № 2 (30). – P. 12-16.
4. Iskhakov I. State and perspectives of the development of the Islamic financial system // Actual problems of economics and law. – 2011. – № 3. – P. 170-174.
5. Islamic Private Equity Funds // My Lectures. – URL: <http://mylektsii.ru/6-135592.html>
6. Mudaraba: Sharia. Standard number 13: [trans. from English] // Org. accounting, accounting and auditing of Islam. Financial org. ; [Editor's note: R.Baishev, etc.] – M.: Islamic book, 2011. – 28 p.
7. Musharaka: Sharia. Standard number 12: [trans. from English] // Org. accounting, accounting and auditing of Islam. Financial Institutions (AAOIFI); [ed. advice: R.Baishev, etc.]. – M.: Islamic book, 2011. – 40 p.
8. Market Overview. Direct and venture investments. 9 months of 2016 // Russian Venture Investment Association (RVCA). – URL: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/rvca-yearbook/>
9. Sudin Haron, Van Nursophis, Van Azmi. Islamic financial and banking system: Philosophy, principles and practice. – Kazan: Linova-Media, 2012. – 536 p.
10. Chokaev B. Islamic Finance: Opportunities for the Russian Economy // Problems of Economics. – 2015. – № 6. – P. 106-127.
11. Sturikova L., Ayupov A. Economic basis for the formation and management of the bond portfolio of non-state pension funds and insurance companies // Bulletin of Kazan Technological University. – 2008. – № 6. – P. 275-279.
12. Ayupov A., Tukhvatullin A. Analysis of innovative activity of Islamic private equity funds in the world financial markets // Innovative development of the economy. – 2017. – № 2 (38). – P. 38-46.
13. About GFH Capital // GFH Capital [Official website]. – URL: <http://www.gfh-capital.com/abouta>
14. Differences between Private Equity and Hedge Funds // ARTIVEST. – URL: <https://artivest.co/blog/7-differences-between-private-equity-and-hedge-funds/>
15. Dr. Manas Chakrabarti An empirical study on Islamic private equity (IPE) // Indian Journal of Applied Research. – Vol. IV. – Issue. I. – January, 2014. – P. 108-109.
16. Frequently-Asked Questions on Revised Shariah Screening Methodology // Sutuhanjaya Securities Commission Malaysia. – URL: <https://www.sc.com.my/frequently-asked-questions-on-revised-shariah-screening-methodology/>
17. IDB INFRASTRUCTURE FUND II // ASMA Capital [Official website]. – URL: <http://www.asmacapital.com/idb-infrastructure.html>
18. Islamic finance: an ideal model for private equity and venture capital // Malaysia Worlds Islamic Finance Marketplace. – URL: <http://www.mifc.com/index.php?ch=28&pg=72&ac=144&bb=uploadpdf>
19. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2016 // IFSB Islamic Financial Services Board. – URL: [http://www.ifsb.org/docs/IFS1%20Stability%20Report%202016%20\(final\).pdf](http://www.ifsb.org/docs/IFS1%20Stability%20Report%202016%20(final).pdf)

УДК 336.14:352

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРУКТУРЫ БЮДЖЕТА
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ УСТОЙЧИВОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

**THE WAYS OF IMPROVING THE STRUCTURE OF THE MUNICIPALITY
FOR SUSTAINABLE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE REGION**

САХБИЕВА А.И., канд. экон. наук, доцент, Университет управления «ТИСБИ»

E-mail: aminasmile@mail.ru

ФИЛИМОНОВА О.И., студентка, Университет управления «ТИСБИ»

E-mail: filimonova-o.i@mail.ru

SAKHBIIEVA A., Associate professor, Economic Faculty,
the University of Management «TISBI»

E-mail: aminasmile@mail.ru

FILIMONOVA O., a student, the University of Management «TISBI»

E-mail: filimonova-o.i@mail.ru

Аннотация

В современной экономике России повышению роли муниципальных финансов препятствует целый комплекс факторов. Для большинства российских муниципальных образований в настоящее время характерны: острая нехватка финансовых средств, сужение бюджетного финансирования экономических и социальных программ, высокий уровень задолженности местных бюджетов. Такая ситуация еще более усложнила задачи формирования финансовой базы местного самоуправления и использования финансовых инструментов управления социально-экономическим развитием территорий. В данной связи формирование, распределение и использование финансовых ресурсов муниципального хозяйства имеют исключительно важное значение для реализации задач местного самоуправления по повышению качества жизни населения.

Ключевые слова: местный бюджет, доходы бюджета, расходы бюджета, муниципальное образование, социально-экономическое развитие, Республика Татарстан.

Abstract

In the modern economy of Russia the whole complex of factors increase the role of municipal finance. The majority of Russian municipalities suffer from the shortage of financial means, narrowing of the budgetary financing of economic and social programs, high level of debt of local budgets. Such situation even more complicated problems of financial base formation of local government and use of financial instruments of management of social and economic development of territories. In this connection the formation, distribution and use of financial resources of municipal economy play an extremely important role for the realization of tasks of local government to improve living standards of population.

Key words: local budget, income of the budget, budget expenses, municipality, social and economic development, the Republic of Tatarstan.

Высокогорский муниципальный район расположен в северо-западной части Республики Татарстан и граничит с г. Казань, с Зеленодольским, Арским, Атнинским, Пестречинским районами и Республикой Марий-Эл. Административным центром является поселок ж/д ст. «Высокая Гора». Выгодное географическое положение, обеспеченность природными и трудовыми ресурсами, хорошо развитая транспортная сеть, стабильное сельское хозяйство – составляющие устойчивого экономического положения района.

Высокогорский муниципальный район характеризуется как сельскохозяйственный район с развитой промышленностью: высокий уровень промышленного производства, большое разнообразие специализаций сельского хозяйства и высокий потенциал развития сельскохозяйственного производства, значительный социально-культурный потенциал.

Высокогорский муниципальный район имеет многоотраслевую структуру экономики. Основными отраслями являются: сельское хозяйство, торговля и общественное питание, сфера услуг, транспорт, промышленность, жилищное строительство.

Валовый территориальный продукт по району в 2015 г. составил 14 млрд. 037 млн. рублей, с ростом 115% к 2014 г. Динамика изменения ВТП с 2013 по 2015 гг. показана на рис. 1.

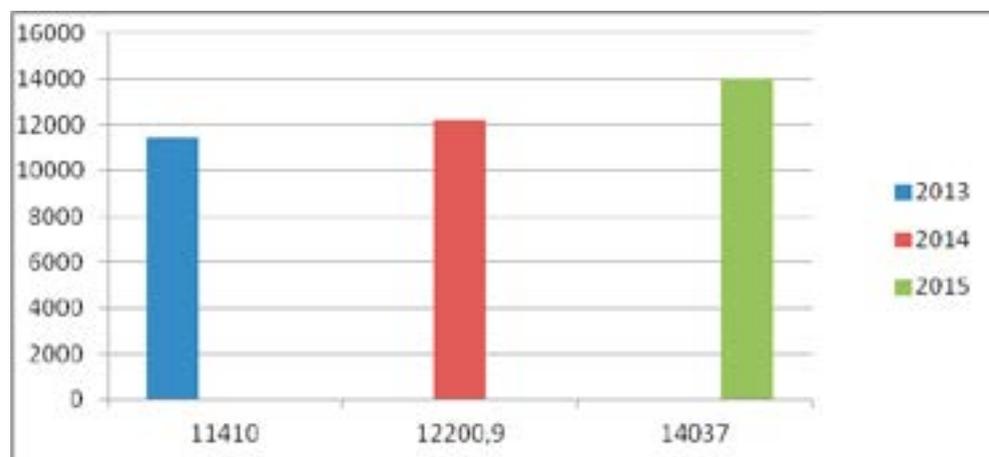

Рис. 1. Валовой территориальный продукт по Высокогорскому району

На рисунке видно, что динамика роста валового территориального продукта на период с 2013 по 2015 гг. является положительной.

Таблица 2. Структура доходов и расходов Высокогорского района

№ п/п	Показатели	2013	2014	2015
1	2	3	4	5
Доходы местного бюджета		840414	1016996	1010354
1	Налоговые доходы	370641	371902	340195
	из них:			
1.1	налог на доходы физических лиц	300724	272767	227144
1.2	единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности	9859	10829	12725
1.3	упрощенная система налогообложения	7179	8332	10888
1.4	единый сельскохозяйственный налог	1241	1793	2310
1.5	налог на имущество физических лиц	9690,6	9606	10970
1.6	земельный налог	38890	44413	49673
1.7	государственная пошлина	2996	4211	4916
1.8	прочие	27	19951	21569
2	Неналоговые доходы	36562	52021	53271
2.1	доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	20652	13129	11610
2.2	плата за негативное воздействие на окружающую среду	3038	2964	3031
2.3	прочие доходы	12872	35928	38630
3	Безвозмездные поступления из бюджетов других уровней, в т.ч.:	433211	593073	616888
3.1	дотации			
3.2	субвенции	196273	248088	271076
3.3	субсидии	213728	273088	281981
3.4	иные доходы	24471	72122	64728
3.5	возврат остатков субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов прошлых лет	-1261	-225	-897
Расходы местного бюджета		820748	1045588	976972
4	общегосударственные вопросы	88891	94529	89959
5	жилищно-коммунальное хозяйство	67007	150403	145991
6	охрана окружающей среды	2917	2810	2390
7	образование	557909	634432	611826
8	культура, кинематография и средства массовой информации	66534	75587	70078
9	здравоохранение и спорт	6464	5247	568
10	социальная политика	21934	46423	22269
11	прочие расходы	9092	36130	33752
12	межбюджетные трансферты		27	138
Профицит, дефицит (-)		19666	-28592	33382

Из данных таблицы 2 можно сделать вывод, что бюджетная политика в области налогов и сборов за 2013-2015 гг. и на ближайшую перспективу строилась и будет строиться с учетом изменений федерального законодательства, активизации действий региональных и местных властей, направленных на увеличение собственных доходов консолидированного бюджета муниципальных образований.

Для решения проблемы формирования и использования бюджета Высокогорского муниципального района предлагается рассмотреть следующие предложения:

1. Роль местного бюджета в социальном и экономическом развитии Высокогорского муниципального района может еще больше возрасти при определенных условиях, решаемых, в первую очередь, законодательно: наделить органы местного самоуправления дополнительными полномочиями по формированию доходов местного бюджетов и их использованию.

2. Как можно шире развивать предпринимательство. С нашей точки зрения, предпринимательство – это единственный способ увеличить местные доходы путем увеличения не количества налогов, а за счет количества предпринимателей. Но для этого надо разработать действительно действенный механизм реализации предпринимательских идей каждого желающего.

3. Увеличить получение собственных доходов за счет следующих:

- одним из основных направлений использования финансовых ресурсов должно стать финансирование развития местной производственной базы (реального сектора экономики) как основы для получения в перспективе собственных доходов;
- развивать рыночную, инфраструктуру муниципальной собственности, создать дополнительный комплекс собственных предприятий муниципальной собственности;
- провести секвестрование бюджета: урезать статьи на содержание административного аппарата города и перенести затраты на проведение вышеизложенных мероприятий или другие необходимые нужды;
- организовать муниципальный заем.

4. Активизировать инвестиции в сельское хозяйство и пищевую промышленность – строительство коровников, убойных пунктов, овощехранилищ, молокозаводов и других объектов сельскохозяйственной и пищевой промышленности.

Приоритетное внимание будет уделяться механизмам привлечения инвестиций, созданию благоприятных условий для осуществления хозяйственной деятельности, поддержке традиционных и перспективных видов экономической деятельности.

5. Привлекать бизнес-структуры к деятельности по заготовке, предпродажной подготовке и первичной переработке сельскохозяйственной

продукции путем предоставления налоговых льгот, поддержки при получении кредитов. В дальнейшем данным переработчикам предоставить возможность долгосрочного сотрудничества с отдельными агрофирмами при условии их активного участия в механизации ручного труда при сборе урожая, с целью удешевления себестоимости продукции для самого переработчика. На сегодняшний день уже реализуются следующие проекты по переработке сельхозпродукции: проект молочно-перерабатывающего цеха, объемы готовой продукции которого составят свыше 600 млн. руб. в год; первичная переработка и фасовка мяса кроликов с объемом готовой продукции до 175 млн. руб. в год; прием и первичная переработка зерновой продукции объемом в 130 млн. в год.

Также необходимо поставить задачи социально-экономического развития Высокогорского муниципального района, например, такие как:

- обеспечение устойчивого экономического роста и повышение инвестиционной привлекательности района. Основными направлениями решения данной задачи станут:
 - а) содействие развитию экономики;
 - б) создание условий для развития малого и среднего предпринимательства;
 - в) создание условий для развития туризма;
 - повышение эффективности системы муниципального управления. Решением данной задачи станут:
 - а) повышение эффективности управления муниципальными финансами;
 - б) обеспечение эффективного использования и распоряжения муниципальным имуществом;
 - в) совершенствование системы муниципального управления в муниципальном районе;
 - г) развитие электронного муниципалитета и субъектов информационного общества;
 - создание благоприятной среды для жизнедеятельности населения и ведения бизнеса. Основными направлениями решения данной задачи станут:
 - а) повышение эффективности системы безопасности объектов, жизнедеятельности населения и организаций района;
 - б) формирование комплексной программы развития туризма;
 - в) обеспечение защищенности жизненно важных интересов населения и организаций района.

Это позволит выйти на более высокие темпы экономического роста, чем предыдущие. Успех экономического роста будет определяться как применением программно-стратегического подхода к развитию ведущих секторов экономики, так и модернизацией традиционных секторов под воздействием конкуренции и частных стратегий корпораций.

Литература:

1. Евдокимова Ю.В. Анализ основных направлений и параметров бюджетной политики РФ на 2014-2016 гг. Вестник Московской государственной академии делового администрирования. – Экономика. – 2013. – № 3 (24). – С. 83-90.
2. Лукьянова Н.И. Проблемы правового регулирования территориальной организации местного самоуправления / Н.И. Лукьянова // Практика муницип. упр. – 2013. – № 2. – С. 13-22.
3. Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С. Метод обнаружения ошибок в эмпирических данных // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2008. – № 1. – С. 11-14.
4. Морковкин Д.Е. Социально-экономические аспекты устойчивого развития экономики территорий // Вестник Московск. ун-та им. С.Ю. Витте. – Серия 1: Экономика и управление. – 2014. – № 1. – С. 4-10.
5. Мирзаев М.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы реформирования и пути их решения // Юридический вестник Дагестан. гос. ун-та. – 2015. – № 1. – С. 50-54.
6. Пичугина Л. Технология автоматизации бюджетирования на производственных предприятиях // Финансовая газета. – 2013. – № 51.
7. Шугрина Е.С. Соотношение понятий «муниципальное образование», «административно-территориальная единица», «населенный пункт» / Е.С. Шугрина // Городское упр. – 2013. – № 1. – С. 30-43.

References:

1. Evdokimova Yu. The analysis of the main directions and parameters of the budgetary policy of the Russian Federation for 2014-2016 // Bulletin of the Moscow State Academy of Business Administration. Economy. – 2013. – № 3 (24). – P. 83-90.
2. Lukyanova N. Problems of legal regulation of the territorial organization of local government / N.Lukyanova // Practice of municipal management. – 2013. – № 2. – P. 13-22.
3. Martysenko S., Martysenko N. A method of diagnosing errors in empirical data // News of higher education institutions. North Caucasus region. – 2008. – № 1. – P. 11-14.
4. Morkovkin D. Social and economic aspects of sustainable development of economy of the territories // Bulletin of the Moscow university of a name S.Yu. Witte. – Series 1: Economy and control. – 2014. – № 1. – P. 4-10.
5. Mirzayev M. Local government in the Russian Federation: problems of reforming and a way of their decision // Legal bulletin of the Dagestan state university. – 2015. – № 1. – P. 50-54.
6. Pichugina L. Technology of automation of budgeting at manufacturing enterprises // The financial newspaper. – 2013. – № 51.
7. Shugrina E. The correlation of the concepts «municipality», «administrative and territorial unit», «settlement» / E.Shugrina // The City municipality. – 2013. – № 1. – P. 30-43.

УДК 004

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК**IT SYSTEMS OF CARGO TRANSPORTATION****САФИН В.Д.**, студент, Университет управления «ТИСБИ»**E-mail:** vadimkp220@mail.ru**СМОЛЕНЦЕВА Л.В.**, канд. пед. наук, доцент, Университет управления «ТИСБИ»**E-mail:** la109@yandex.ru**SAFIN V.**, a student, the University of Management «TISBI»**E-mail:** vadimkp220@mail.ru**SMOLENTSEVA L.**, PhD, associate professor, the University of Management «TISBI»**E-mail:** la109@yandex.ru**Аннотация**

В статье рассматриваются вопросы развития современных информационных технологий в области грузоперевозок, специальные программные средства, позволяющие автоматизировать планирование и отслеживание маршрутов передвижения грузов на большие расстояния.

Ключевые слова: информационные системы, информация, программный продукт, грузоперевозки.

Abstract

The article deals with the development of modern information technologies in the field of transportation. The article discusses specific software tools to automate planning and tracking the movement of cargo over long distances.

Key words: Information systems, information, software, cargo transportation.

Одним их компонентов информационной системы является программное обеспечение. Как правило, это программа, созданная для эффективного управления и упрощения работы в какой-либо сфере, будь то торговля, транспорт, образование и т.д. Информационные системы помогают сократить расходы компании на сотрудников, выполняющих рутинную работу, тем самым увеличить надежность работы этой сферы. На сегодняшний день, с развитием инфраструктуры и повышением качества жизни населения, невозможно обойтись без информационных систем и информационных технологий в любой области экономики. Не обошли новые технологии и сферу грузоперевозок. Раньше в этой области была страшная путаница с бумагами, путевыми листами и отслеживанием груза, что приводило к большим затратам у компаний, занимающихся грузоперевозками. Поэтому с появлением информационных систем значительно упростилась работа сотрудников и стала более безопасной и экономичной доставка грузов. Прошло время, информа-

ционные системы плотно «прижились» в сфере грузоперевозок, сократив расходы компаний и создав более комфортные условия для работы. Но мир, как и информационные системы, активно развивается. На сегодняшний день у транспортных компаний требования возросли: им необходимо, чтобы как можно больше сокращались расходы и увеличивались объемы грузоперевозок. Как известно, грузоперевозки бывают на довольно длинные расстояния и до пункта отдачи груза заказчику бывает невозможно доставить груз лишь одним транспортом. Это создает потребность в информационной системе учета груза на промежуточных складах и формирования документации для скорейшего отправления каждого груза потребителю.

На сегодняшний день для автоматизации грузоперевозок используется множество программных продуктов, но наиболее востребованными являются программы 4Logist, Махотра и Kiberlog. Рассмотрим их подробнее.

Программный продукт KiberLog служит, прежде всего, для управления документацией грузоперевозок компании. Его целью является обеспечивать обмен нужной информацией между исполнителем и заказчиком, используя Internet. Благодаря этому появилась возможность использовать данный программный продукт в любой точке мира, где есть связь и Internet: как со стационарного компьютера, так и со смартфона. KiberLog является онлайн-системой, способной уменьшить нагрузку на компанию в плане формирования схем выгодной логистики с партнерами.

Программа KiberLog предоставляет ее пользователю следующий ряд возможностей:

- Круглосуточный доступ к программе через онлайн-сервисы.
- Интеграция с Интернет-банком, что позволит быстро проводить платежи и привязывать счет к заявке.
- Актуальность данных (из-за ежедневного обновления).
- Конфиденциальность и сохранность информации в электронном виде.
- Простой и функциональный интерфейс программы.

Кроме этих возможностей, данная программа позволяет в режиме Super Vision сразу показывать всю текущую документацию по грузоперевозкам: что и куда везем, сколько стоит и т.д. Также у данной системы есть подсистема, так называемое «Общение». Эта подсистема позволяет общаться сотрудникам компании между собой и получать важные новости, а также дает возможность руководству отслеживать и анализировать работу каждого сотрудника компании. Кроме того, помимо формирования заказов, KiberLog производит печать бухгалтерских документов, высылает заявки по почте и ведет контроль перевозок грузов. Главное ее достоинство – это то, что она позволяет сократить время на

формирование документов, что дает возможность сократить время и на заключение договоров, тем самым повысить прибыль компании.

Еще одной программой для автоматизации грузоперевозок является 4Logist. Преимущество этого программного продукта в том, что скорость его внедрения занимает всего 24 часа и можно круглые сутки осуществлять в режиме On-line его обслуживание и поддержку. Помимо всего прочего, эта программа работает по принципу SaaS, доступна в любом месте мира и в любое время посредством Internet.

Программа 4Logist предоставляет ее пользователям следующий ряд возможностей:

- малое время внедрения;
- простота обслуживания;
- бесплатность (до 9-ти шаблонов);
- удобный интерфейс;
- инновационность;
- доступность.

Помимо данных программ выделяется программный продукт Махотра.

Его особенность заключается в следующем:

- Оперативное планирование.

Из-за узких временных окон и больших штрафов за опоздание компании должны быстро реагировать на дорожную ситуацию, задержки у клиентов, ограничения скорости движения автомобилей и т.д. Система управления перевозками Махотра дает возможность быстро реагировать на все эти события, повышая уровень обслуживания клиентов и экономя ресурсы компании.

- Легкая интеграция с другими программами.

Махотра может быть интегрирована с любым программным обеспечением, что позволяет организациям существенно экономить на установке платформы и обучении сотрудников.

- Удобное планирование и контроль грузов.

Все заказы хорошо видны на карте. Идеальные маршруты могут быть построены с помощью функции drag-&-drop и подсказок системы, которая вычисляет время в пути и оптимизирует маршруты в течение всего дня.

- Мобильное приложение водителя.

Работники могут поддерживать контакт с центральным офисом фирмы с помощью мобильного приложения. Они сообщают о выполнении заказа диспетчеру. Благодаря синхронизации с системами GPS и Глонасс система Махотра отслеживает местоположение каждого рабочего и отправляет эту информацию в офис, позволяя команде планирования принимать самые эффективные решения.

Таким образом, для автоматизации грузоперевозок можно использовать программы: 4Logist, Maxoptra и Kiberlog. Сравним данные программы между собой и выберем наиболее успешную. Во всех трех программах доступна On-line поддержка, а также круглосуточный доступ из любой точки мира посредством сети Internet. Но все же у системы Kiberlog есть, помимо рабочих инструментов, такая функция, как общение между командой работников, что увеличивает КПД командной работы и прибыль компании, а также есть возможность интеграции с Интернет-банком, что позволяет проводить денежные операции в разы проще и быстрее. Поэтому наиболее успешной можно считать программу Kiberlog. На данный момент она является основной программой в сети грузоперевозок из-за ее простоты в использовании и функциональности.

Таким образом, внедрение информационных систем в отрасли грузоперевозок позволяет: во-первых, сокращать расходы компании (это главная задача информационной системы, иначе она была бы попросту невостребованная); во-вторых, они делают прозрачной сам процесс грузоперевозок благодаря системам отслеживания груза; в-третьих, они создают более комфортные условия как для исполнителей, так и для заказчика.

Литература:

1. Онлайн-система управления бизнесом в сфере грузоперевозок. – URL: <http://www.kiberlog.ru/about>
2. Рыбников А.И. Информационные системы управления производственной компанией: Учебник / А.И. Рыбников, А.Л. Рыжко, Н.А. Рыжко. – М.: Юрайт, 2016. – 356 с.
3. Ян Ван Бон. ИТ Сервис-менеджмент. Введение / Ян Ван Бон, Van Haren Publishing, по заказу ITSMF Netherlands, 2013. – 37 с.
4. Информационные системы и технологии в экономике и управлении. Техническое и программное обеспечение [Электронный ресурс]: Учебн. пос. / Е.В. Акимов [и др.]. – Электрон. текстовые данные. – Саратов: Вузовское образование, 2016. – 190 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/47673.html>. – ЭБС «IPRbooks».
5. Панасенко Е.В. Логистика [Электронный ресурс]: персонал, технологии, практика / Панасенко Е.В. – Электрон. текстовые данные. – М.: Инфра-Инженерия, 2013. – 224 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/13539.html>. – ЭБС «IPRbooks».
6. Система планирования, оптимизации и контроля маршрутов движения. – URL: <https://maxoptra.ru/>
7. Шесть сервисов для транспортных перевозок. – URL: <https://rb.ru/opinion/logistics-and-it/>

References:

1. Online business management system in the field of cargo transportation. URL: <http://www.kiberlog.ru/about>
2. Rybnikov A.I. Information management systems of the production company. Textbook / A.Rybnikov, A.L. Ryzhko, N.A. Ryzhko. - M.: Yurayt, 2016.-356 p.
3. Ian Wang Bong. IT Service Management. Introduction / Jan Van Bone, Van Haren Publishing, commissioned by ITSMF Netherlands, 2013.-37 p.
4. Information systems and technologies in economics and management. Technical and software [Electronic resource]: a tutorial / E.V. Akimov [and others] .- Electron. text data .-

Saratov: University education, 2016.- 190 p.- Access mode: <http://www.iprbookshop.ru/47673.html>.- EBS «IPRbooks»

5. Panasenko E.V. Logistics [Electronic resource]: personnel, technology, practice / Panasenko E.V.- Electron. text data .- M .: Infra-Engineering, 2013.- 224 с.- Access mode: <http://www.iprbookshop.ru/13539.html>.- EBS «IPRbooks»

6. The system of planning, optimization and control of traffic routes. URL: <https://maxoptra.ru/>

7. Six services for transportation. URL: <https://rb.ru/opinion/logistics-and-it/>

УДК 339.138+616.31

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ ПРОГРАММ ЛОЯЛЬНОСТИ В СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE MARKETING LOALTY PROGRAMS IN A DENTIST CLINIC

ГОРЯЧЕВ Д.Н., канд. мед. наук, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

ВАРЛАМОВ С.В., студент, ФГБОУ ВПО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

E-mail: over-water@mail.ru

ГОРЯЧЕВ Н.А., канд. мед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» Минздрава России

GORYACHEV D., Cand. Med. Sciences, Kazan state medical University

VARLAMOV S., a student, Kazan state medical University

E-mail: over-water@mail.ru

GORYACHEV N., Cand. Med. Sciences, Kazan state medical University

Аннотация

Показаны значение внедрения маркетинговых программ лояльности в стоматологической клинике и их роль в повышении доходности и эффективности стоматологического бизнеса. Доказано, что программа лояльности является маркетинговым инструментом, направленным на оптимизацию взаимоотношений клиники с пациентами.

Ключевые слова: программа лояльности, пациент, клиника, услуга, маркетинг.

Abstract

The importance of implementing marketing and loyalty programs in the dental clinic and their roles in improving the efficiency of the dental business. It is proven that a loyalty program is a marketing tool that is aimed at optimizing the relationship of the clinic with patients.

Key words: loyalty program, patient, clinic, service, marketing.

Программа лояльности в стоматологической практике включает в себя комплекс маркетинговых мероприятий для развития повторных продаж стоматологических услуг существующим пациентам в будущем и продажи им дополнительных услуг в настоящем. Она направлена на продвижение корпоративных идей потенциально прибыльного бизнеса и проводится, в основном, на этапе зрелости жизненного цикла стоматологических услуг.

В рамках маркетинговых технологий поощряются пациенты (потенциальные и существующие), готовые приобрести стоматологические услуги. Программы лояльности включают скидки, подарки и специальные предложения. Однако конечной целью программы лояльности является не только вознаграждение пациенту, но и возможность получить все его контакты с целью в последующем иметь возможность связаться с ним, напомнить о себе, сделав так, чтобы из всех предложений на рынке стоматологических услуг он регулярно выбирал именно данную стоматологическую клинику. Конечной целью программы лояльности является «привязка» пациента к данной клинике, к регулярному его стимулированию к покупке стоматологических услуг по принципу «больше купил – больше получил» [2].

Управление взаимоотношениями с пациентами представлено новой стратегией организации стоматологического бизнеса, в которой отношение с пациентом ставится в центр деятельности стоматологической клиники, так как именно пациенты составляют ее основной актив. Одна из основных функций маркетинга, ориентированного на пациента, – установление прочных устойчивых дружеских отношений пациента и стоматологической клиники. Многие стоматологические клиники понимают, что гораздо выгоднее удерживать постоянных пациентов, чем непрерывно искать новых. Сейчас для того чтобы удержать пациента, заставить его постоянно пользоваться услугами данной стоматологической клиники, мало иметь более низкие цены. На рынке, где постоянно растет конкуренция для удержания пациента в клинике, уже недостаточно сделать ему просто хорошее предложение.

Лояльность выражает приоритет определенной стоматологической услуги или бренда по отношению к другим и включает в себя три уровня:

– *Эмоциональный*. Для лояльности к стоматологической услуге/клинике необходимо положительное отношение к пациенту.

– *Рациональный*. Пациент должен понимать выгоды от приобретаемой им стоматологической услуги. Выгоды могут быть функциональными или нефункциональными, настоящими или придуманными.

– *Поведенческий*. У пациента должен быть опыт покупки стоматологической услуги или опыт взаимодействия со стоматологической клиникой.

Высшим проявлением лояльности считается ситуация, когда пациент начинает рекомендовать стоматологическую клинику или ее услуги своим друзьям или знакомым. Такого пациента иногда называют партнером стоматологической клиники. Реклама из уст в уста является наиболее сильной и убедительной, и в результате стоматологические клиники получают экономические и рекламные преференции.

В целях повышения первичной посещаемости и в условиях экономического спада основным направлением маркетинга должно быть обеспечение лояльности, причем взаимной. Не только пациент лоялен к стоматологической клинике, но и она должна быть лояльна к нему.

Маркетинговые программы лояльности – это долгосрочные программы взаимовыгодного сотрудничества между пациентами и стоматологической клиникой. Они представляют собой процесс идентификации, поддержания и увеличения количества постоянных пациентов с использованием интерактивных коммуникационных отношений. Применение программ лояльности позволяет подобрать для каждой группы пациентов или отдельного пациента свои работающие меры для развития отношений и удержания этих пациентов в клиентской базе. По имеющимся оценкам привлечение нового пациента обходится в среднем в пять раз дороже, чем удержание старого. Поэтому долгосрочные отношения с пациентом являются более выгодными для стоматологической клиники. Действительно лояльный пациент всегда простит незначительные погрешности и недостатки в обслуживании, временные проблемы при контактах с клиникой и т.д.

Правильно разработанная программа построения долгосрочных отношений между клиникой и ее пациентами позволяет в целях завоевания и поддержания лояльности пациентов предложить им свои услуги, индивидуально общаться с ними и создавать действительно прочные отношения. В конечном итоге, инвестиции в лояльных пациентов приводят к повышению доходности и эффективности стоматологического бизнеса.

Программа построения долгосрочных отношений – мероприятие обоюдовыгодное. Свою выгоду получает как стоматологическая клиника, так и пациент.

Стоматологическая клиника получает:

- увеличение продаж;
- возможность анализировать покупательское поведение;
- сегментирование потребителей стоматологических услуг и более точное попадание в круг интересов пациента;
- увеличение узнаваемости бренда;

Пациент, в свою очередь, получает:

- возможность приобрести стоматологическую услугу на более выгодных условиях;
- осознание собственной привилегированности;
- возможность получать призы и подарки, пользоваться специальными предложениями;
- отсутствие необходимости каждый раз при возникновении потребности в стоматологической услуге проходить все ступени принятия решения о выборе стоматологической клиники.

Ключевой целью любой маркетинговой программы является увеличение дохода, прибыли и доли стоматологического рынка.

Задачами программы лояльности являются:

- стремление выстроить взаимоотношения с пациентами, надолго завоевав их лояльность путем пожизненного удовлетворения их потребностей;
- привлечение в клинику новых пациентов;
- создание возможности для общения стоматологической клиники с пациентами как опосредованно (например, при помощи прямой рассылки), так и лично;
- создание клиентской базы данных пациентов;
- повышение имиджа бренда и стоматологической клиники в целом.

Программа скидок используется достаточно часто, однако не является особо эффективной. На сегодняшний день огромное количество стоматологических клиник в России рады предоставить дисконтные скидочные карты на 5–10%. Если каждая стоматологическая клиника поступит таким же образом, результат вряд ли будет ощутим, а делать скидку больше бывает не всегда возможно.

Можно выделить несколько причин, почему не работают программы лояльности, основанные на скидках:

- Программы лояльности строятся на скидках, которые приучают существующих пациентов дожидаться скидок и не получать стоматологические услуги по нормальной цене.
- Они привлекают лояльных пациентов, которые бы охотно купили стоматологическую услугу и по высокой цене.
- Они приводят к унынию новых пациентов, заставляя их чувствовать себя наказанными и не допущенными к благам.
- Они подстрекают конкурентов отвечать подобными программами.

- Они уменьшают размер прибыли, который уменьшает способность стоматологической клиники обслуживать пациентов на прежнем высоком уровне [6].

В настоящее время бонусная система поощрения работает несколько лучше, чем скидочная, хотя система практически ничем не отличается и дополнительные затраты у нее отсутствуют. Бонусная система позволяет перечислять на «виртуальный» счет пациента определенный процент или суммарный бонус от суммы оказанных ему услуг. Впоследствии пациент может оплатить лечение полностью (или частично) с помощью накопившихся бонусов. Например, пациент купил лечение на сумму 10000 рублей и получил бонус в виде 1000 рублей на свой «виртуальный» счет, который сможет списать при следующем лечении.

Что дает стоматологической клинике объем прикрепленных к ней пациентов? Это залог финансовой стабильности для клиники, возможность планировать закупки материалов и формировать график работы персонала. Но кроме того, самое главное, что с ростом числа лояльных пациентов (довольных постоянных клиентов) начинает работать наше любимое «сарафанное радио». Останавливается текучка кадров, формируется стабильный рабочий коллектив, а это очень важно для комплексного оказания стоматологических услуг.

В сфере развития маркетинговых программ лояльности существует немалое количество нерешенных проблем:

1. В законодательстве недостаточно учитываются маркетинговые потребности стоматологических организаций, слабо проработан вопрос о величине предоставляемой скидки и ее отражении в учете. В связи с этим налоговые органы могут инициировать проверку, в таком случае стоматологической клинике придется доказывать, что это было вызвано маркетинговой политикой.

2. Менеджерам клиники не всегда удается организовать эффективную кампанию по информированию пациентов о действующих программах лояльности.

3. Создание программы лояльности подразумевает маркетинговую и медицинскую составляющую, это значит, что ее разработчик должен быть компетентен как в маркетинге, так и в современных технологиях и методах оказания стоматологической помощи.

4. Внедрение программ лояльности в стоматологической клинике требует от нее дополнительных затрат на их разработку, внедрение и финансовое сопровождение.

При создании программы лояльности важно оценить степень экономической целесообразности данных программ именно для стоматологического бизнеса. Это поможет определить, как много стоматологи-

ческая клиника может израсходовать на программу лояльности. Кроме расходов на вознаграждения, существует огромное количество расходов на базу данных, на отслеживание отзывов о стоматологической клинике, на коммуникации и административные расходы.

Кроме того, для эффективности программ поощрения клиентов важно отобрать наиболее привлекательных пациентов. Одна из главных выгод, которую стоматологическая клиника может извлечь из схем лояльности, – это возможность сфокусировать свое внимание на определенной группе пациентов, которые дают максимальную отдачу. Каждая группа пациентов должна получать от стоматологической клиники предложение, разработанное на основе проведенного анализа ее профиля и истории их взаимоотношений, ориентированное на удовлетворение именно ее потребностей [8].

В основу анализа клиентской базы должны быть положены следующие характеристики пациентов:

- время, в течение которого пациент сотрудничает с клиникой;
- количество посещений клиники, которые совершил пациент;
- сумма денег, которую пациент потратил в клинике;

По степени лояльности пациентов можно разделить на 3 категории:

1) потребители первого круга, которые часто приобретают стоматологические услуги или часто взаимодействуют с клиникой;

2) пациенты, которые не так часто приобретают стоматологические услуги клиники, но считают ее своей;

3) пациенты типа «от случая к случаю» – те, кто приобретают стоматологические услуги редко и принимают решение о приобретении только на основе сравнительного анализа имеющихся на рынке предложений при необходимости [10].

Стоматологической клинике необходимо разработать регламенты взаимодействия с каждой категорией пациентов.

Наряду с этим должна быть налажена и обратная связь со стороны пациента, потому что только через нее можно узнать его мнение о клинике. Это будет ценной информацией для менеджеров стоматологической клиники. Поэтому нужно обязательно создавать каналы обратной связи – почту, электронную почту, телефоны, Интернет-сайт и др.

Необходимо наладить систему взаимоотношений с пациентами, начиная от обработки запросов до создания и внедрения гибких и понятных программ поощрения. Программы лояльности нужно строить снизу вверх, от изучения мнения пациентов, а не опираясь на собственные представления менеджеров клиники о нуждах пациентов. Стоматологической клинике, в первую очередь, необходимо использовать по-

лученную информацию для удовлетворения потребностей пациента, а затем уже собственных нужд клиники.

Необходимо уметь дружить с пациентами. Программы лояльности должны быть в первую очередь не инструментом повышения прибыли стоматологической клиники, а способом наладить хорошие взаимоотношения с пациентами, которые приведут к повышению прибыли.

Программа лояльности должна быть внедрена в структуру стоматологической клиники и ее систему маркетинга. Руководство стоматологической клиники должно быть уверено в перспективности и долгосрочности программы и обеспечивать соответствующее финансирование, так как программы лояльности требуют значительных ресурсов для их разработки и поддержки.

Лояльность начинается с самой стоматологической клиники и ее корпоративной культуры: клиника должна быть так ориентирована на пациента, чтобы гарантировать безупречный сервис в любое время и в любой точке контакта с пациентом.

Программа лояльности позволяет оптимизировать взаимоотношения стоматологической клиники и пациентов. Главным фактором успеха большинства стоматологических клиник является верность пациентов, их лояльность. Именно наличие лояльности, или благоприятного отношения пациентов к данной клинике, и является основой для получения стабильного объема продаж стоматологических услуг, что является показателем успешности стоматологической клиники.

Литература:

- Амблер Т. Практический маркетинг: Пер. с англ. / Под общей ред. Ю.Н. Каптуревского. – СПб.: Питер, 1999. – 400 с.
- Барышев А.Ф. Маркетинг: Учебник. – М.: Academia, 2005. – 208 с.
- Боброва И., Зимин В. Лучшие трюки с дисконтными картами. – М., Вершина, 2006. – 272 с.
- Бутчер С. Программы лояльности и клубы постоянных клиентов. – М.: Вильямс, 2004. – 272 с.
- Васин Ю.В., Лаврентьев Л.Г., Самсонов А.В. Эффективные программы лояльности. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2005. – 152 с.
- Гембл П., Стоун М., Вудкок Н. Маркетинг взаимоотношений с потребителями. – М., Гранд, 2002. – 512 с.
- Горячев Д.Н. Организация маркетинга в стоматологической клинике / Д.Н. Горячев, С.В. Варламов, Н.А. Горячев // Вестник «ТИСБИ». – 2016. – № 2. – С. 105-111.
- Имшинская И. Программа сотрудничества с клиентом, или Как привлечь новых и удержать постоянных клиентов. – М.: РИП-Холдинг, 2005. – 127 с.
- Кутлалиев А., Попов А. Эффективность рекламы. – М.: Эксмо, 2005.
- Носова Н.С. Лояльность клиентов, или Как удержать старых и привлечь новых клиентов. – Дашков и К, 2012. – 192 с.

References:

1. Ambler T. Practical marketing / Trans. With the English. Under the general ed. Yu.Kapturevsky. – SPb: Peter, 1999. – 400 p.

2. Baryshev A. Marketing: a textbook. M.: Academy, 2005. – 208 p.
3. Bobrova I., Zimin V. Best tricks with discount cards. – M.: Vershina, 2006. – 272 p.
4. Butcher C. Loyalty programs and regular customers' clubs. – M.: Williams, 2004. – 272 p.
5. Vasin Yu., Lavrentyeva L., Samsonov A. Effecient Loyalty Programs. – M.: Alpina Business Book, 2005. – 152 p.
6. Gamble P., Stone M., Woodcock H. Marketing of relationships with consumers. – M.: Grand, 2002. – 512 p.
7. Goryachev D. Organization of marketing in the dental clinic / D.Goryachev, S.Varlamov, N.Goryachev // «TISBI» Bulletin. – 2016. – № 2. – P. 105-111.
8. Imshinskaya I. The program of cooperation with the client, or How to attract new customers and retain regular customers. – M.: RIP-Holding, 2005. – 127 p.
9. Kutlaliyev A., Popov A. Advertising efficiency. – M.: Eksmo, 2005.
10. Nosova N. Customer loyalty, or how to retain the old and attract new customers. – Dashkov and C, 2012. – 192 p.

**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
LAW**

УДК 336.717

**ВЫХОД ИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА:
ОПЫТ РОССИИ И ЮЖНОЙ АФРИКИ**

**THE WITHDRAWAL FROM THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT:
RUSSIAN AND SOUTH AFRICAN EXPERIENCE**

МЕЗЯЕВ А.Б., д-р юрид. наук, профессор, Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: alexmezyaev@gmail.com
ЛЕНОНГ ЙЕНТЛИ, профессор юридического факультета Университета Йоханнесбурга (Южная Африка)

MEZYAEV A., Doctor of Law, Professor, the University of Management «TISBI»
E-mail: jentleyl@uj.ac.za
LENONG YENTLI, Professor of Law at the University of Johannesburg (South Africa)

Аннотация

Статья посвящена анализу решений, принятых правительствами Российской Федерации и Республики Южная Африка (ЮАР) по прекращению правовых отношений, установленных Римским Статутом Международного уголовного суда 1998 г. в форме объявления решения не стать участником договора и выхода из договора соответственно. В связи с тем, что решение Правительства РФ не содержит указания на мотивы принятого решения, в статье предпринимается попытка выявить такие мотивы из общей практики Международного уголовного суда (МУС), а также тех решений МУС, которые непосредственно затрагивают национальные интересы России. При анализе решения правительства ЮАР основное внимание уделяется праву государств на выход из договора согласно нормам обычного права и положениям Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Показано, что критика решения правительства ЮАР о выходе из международного договора не учитывает политический контекст, в котором принято данное решение, а также принижает суверенное право государств, закрепленное действующим международным правом на свободное участие и свободный выход из универсальных международных соглашений. В целом делается вывод о том, что оба решения приняты в полном соответствии с нормами международного права и в защиту национальных интересов как Российской Федерации, так и Республики Южная Африка.

Ключевые слова: международное право, международное публичное право, Международный уголовный суд, право международных договоров, выход из международного договора, национальные интересы государств и международное право, принцип комплементарности.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the decisions, taken by the governments of the Russian Federation and the Republic of South Africa (SA), to end legal relations, established by the Rome Statute of the International Criminal Court in 1998, in the form of declaring the decision not to become a party to the treaty and to withdraw from the treaty, respectively. In connection with the fact that the decision of the Government of the Russian Federation does not contain an indication of the motives of the decision taken, the article attempts to identify such motives from the general practice of the International Criminal Court (ICC), as well as those decisions of the ICC that directly affect the national interests of Russia. In analyzing the decision of the Government of South Africa, the focus is on the right of States to withdraw from the treaty in accordance with customary law and the provisions of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. It is shown that criticism of the decision of the government of South Africa to withdraw from the international treaty does not take into account the political context in which this decision was adopted, and also belittles the sovereign right of states, enshrined in the existing international law for free participation and free exit from universal international agreements. In general, it is concluded that both decisions have been taken in full compliance with the norms of international law and in order to assure the national interests of both the Russian Federation and the Republic of South Africa.

Key words: *international law, international public law, International Criminal Court, law of international treaties, withdrawal from the international treaty, national interests of States and international law, the principle of complementarity.*

В 2016 г. Российская Федерация и Республика Южная Африка (ЮАР) вышли из состава государств – участников Римского Статута Международного уголовного суда (МУС). Выход из универсального международного договора – явление достаточно редкое. Однако такие решения, как правило, не вызывают большого общественного резонанса. Тем не менее, решение России и ЮАР вызвало активную дискуссию как в средствах массовой информации, так и в научной литературе.

И Российская Федерация, и Республика Южная Африка являлись государствами-участниками Римской конференции 1998 г. и принимали активное участие в разработке текста Статута. Несмотря на различный опыт участия России и ЮАР в Статуте МУС, результат оказался идентичным: желание выйти из состава участников. В чем же причина произошедшего?

Российская Федерация принимала самое активное участие в подготовке и проведении Дипломатической конференции по созданию Международного уголовного суда. Российская делегация состояла из одиннадцати сотрудников МИД РФ во главе с заместителем министра иностранных дел РФ Ю.В. Ушаковым. Российский представитель был также вице-председателем Конференции. Россия была представлена в нескольких комитетах конференции, в том числе в проектом комитете,¹

¹ United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Rome, 15 June – 17 July 1998. Official Records.

активно выдвигала предложения по разработке материального и процессуального права МУС. Так, в частности, она долго и упорно боролась за включение в юрисдикцию Международного уголовного суда преступления агрессии. Как известно, этого не удалось достичь в 1998 г., однако на Конференции в Кампале в 2010 г. это предложение все-таки было принято.¹ Однако решение подписать Статут МУС было принято лишь через два года после его принятия – в 2000 г.

В период между 2000 и 2016 гг. в отечественной научной печати было высказано значительное количество опасений, связанных с ратификацией данного договора. В этот период времени позиция России может быть охарактеризована как осторожный оптимизм. В целом отношение к МУС было положительным, рассматривался вопрос о предварительном внесении изменений в законодательство РФ с целью последующей ратификации Статута МУС, Россия принимала участие в деятельности Ассамблеи государств – участников МУС.

Впрочем, многие российские юристы-международники выступали против участия России в Статуте МУС. Причины были различными. Ряд специалистов считали, что противоречия между Статутом и конституцией России весьма существенны² и преодолеть их достаточно трудно. Другие исходили из фундаментальных социально-философских противоречий в самой концепции правосудия, закрепленной в Статуте МУС.³ Наконец, третья группа противников участия РФ в МУС исходила из политических причин, а также реальной деятельности Международного уголовного суда.⁴

В конечном итоге 16 ноября 2016 г. Президент Российской Федерации подписал Распоряжение об отзыве подписи России под Статутом МУС. Решение России следует квалифицировать как «уведомление о намерении не стать участником» договора (по Распоряжению Президента РФ) или как «ясное выражение намерения не стать участником» договора (по ст. 18 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г.). В то же время для целей настоящей статьи, где анализируются политико-правовые позиции России и Южной Африки, решение России будет рассматриваться в контексте решения Южной Африки, то

¹ Положения о понимании в отношении поправок к Римскому статуту Международного уголовного суда, касающихся преступления агрессии // [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://asp.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/RC2010/RC-7-RUS.pdf

² См.: Ведерникова О.Н. Факторы, препятствующие имплементации Римского статута в национальное законодательство России // Международное уголовное правосудие. Современные проблемы. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 559 – 574.

³ См., например: Михайлов Н.Г. О социальных основах отношения России к Международному уголовному суду // Международное уголовное правосудие. Современные проблемы. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 575-585.

⁴ См., например: Мезяев А.Б. Попытки Международного уголовного суда изменить нормы действующего международного права // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы X ежегодной Всероссийской научно-практич. конф., посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: В 2-х ч. Российск. ун-т дружбы народов. – М., 2012. – С. 230-236.

есть как действия, направленные на прекращение юридических обязательств по международному договору.

Каковы же причины принятия Россией решения не становиться участником Статута МУС? Полагаем, что таких причин несколько.

Во-первых, это общая практика суда. Она оказалась весьма далекой не только от идеала, но даже от тех минимальных правовых стандартов, которые должны лежать в основе деятельности любого судебного учреждения. Россия неоднократно указывала на проблемы в деятельности МУС в рамках различных международных органов, прежде всего в Организации Объединенных Наций и в Ассамблее государств – участников Статута МУС.

Выступая в Совете Безопасности ООН при обсуждении расследования ситуации в Ливии в МУС, российский представитель отметил, что «для укрепления авторитета Суда ключевое значение имеет его способность беспристрастно осуществлять расследование деяний всех» сторон конфликта, однако «значимых подвижек на данном направлении не наблюдается».¹

Во время обсуждения ежегодных докладов Международного уголовного суда в Генеральной Ассамблее ООН Россия постоянно стремилась подойти к анализу деятельности МУС не формально, а выявить основные проблемы и отразить их в соответствующих резолюциях. Однако ряд государств блокировали любые попытки действительно объективного обсуждения реальных проблем в деятельности МУС. Выступая на 70-й сессии ГА ООН в мае 2016 г., представитель Российской Федерации отмечал: «В ходе длительного процесса переговоров наша делегация неоднократно призвала подойти к рассматриваемому сегодня проекту резолюции прагматично и поработать сообща над его актуализацией. Мы сожалеем, что наш конструктивный настрой был поддержан не всеми. Поправки, предлагавшиеся нами, а также другими государствами, не участвующими в Римском статуте, были проигнорированы. ... Несмотря на все [проблемы в деятельности МУС], ряд делегаций до сих пор не готов видеть в резолюции Генеральной Ассамблеи ничего, кроме похвал и комплиментов в адрес МУС».²

Выступая на 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 2016 г., представитель РФ подчеркивал, что выход ряда государств из Римского статута МУС подтверждает обоснованность оценок России в отношении этой судебной инстанции, данных ранее. «Участие в международных договорах – суверенное право государств, – подчеркнул российский представитель, – поэтому не стоит пытаться давить на выходящие из МУС страны. Политико-правовые мотивы, изложенные ими, понятны и заслуживают уважения. О них стало известно не сегодня и не

¹ Документ ООН: S/PV.7549.

² Документ ООН: A/70/PV.95

вчера. Однако все попытки государств быть услышанными, все их предложения внести коррективы в практику работы Суда».¹

Главной причиной принятия решения Россией не становиться участником Статута Международного уголовного суда стала политика прокурора МУС по расследованию ситуации в Грузии. В своем докладе о ходе расследований МУС за 2015 г. прокурор Ф.Бенсуда впервые публично озвучила свое реальное отношение к сторонам конфликта.

Так, несмотря на инициативу России по передаче ситуации в Грузии в Международный уголовный суд и активное сотрудничество с прокуратурой МУС по передаче доказательств совершения преступлений, прокурор МУС заявляет, что Россия «якобы» имеет доказательства совершения таких преступлений.² В том же докладе прокурор заявляет, что имеющихся в ее распоряжении доказательств недостаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что преступления, входящие в юрисдикцию МУС, действительно были совершены (пар. 237).

Более того, прокурор МУС прямо называет Россию участником вооруженного конфликта и сообщает, что ее расследование направлено на поиск доказательств вины российской армии, которая, по словам прокурора МУС, «совершала беспорядочные и непропорциональные обстрелы гражданских объектов». Таким образом, настрой прокурора на замену реального преступника был объявлен публично и вполне определенно.

Поддержка судьями МУС³ позиции прокурора показала, что манипуляции с доказательствами не являются ошибкой одного из подразделений МУС, а позицией данного учреждения в целом.

Тот же подход продемонстрировал прокурор МУС и в отношении расследования ситуации на Украине. Из доклада о ходе расследований МУС за 2016 г., видно, что с самого начала прокурор занял предвзятую позицию и сделал ряд установочных выводов, для которых не было ни фактических, ни юридических оснований. В частности, прокурор утверждает, что ситуация в Крыму является «международным вооруженным конфликтом». Основаниями к такому очевидно ложному выводу стали некие мифические «поступившие сведения» (пар. 158).⁴ Кроме того, Ф.Бенсуда называет вхождение Крыма в состав России «аннексией». Юридическим основанием такого вывода прокурор МУС называет Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН. Однако резолюции ГА ООН не обладают юридической силой и потому не могут служить для правовых выводов.

¹ Документ ООН: A/71/PV.38.

² <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/OTP-PE-rep-2015-Eng.pdf>

³ Decision on the Prosecutor's request for authorization of an investigation // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2016_00608.PDF

⁴ Report on Preliminary Examination Activities (2016) // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE_ENG.pdf

Доклад содержит перечисления о преступлениях, якобы совершенных Россией, и практически полностью умалчивает о реальных преступлениях, совершенных украинскими властями. Данная политика прокурора МУС не удивительна: с самого начала МУС поддержал государственный переворот и фактически работал на легитимацию незаконных властей, когда принял их обращение в Суд как от законного правительства.

Вышеперечисленные факты говорят о том, что Международный уголовный суд не стремился к объективному рассмотрению ситуаций в Грузии и на Украине и является более политическим, нежели судебным органом. Таким образом, решение Российской Федерации не стать участником Статута МУС имеет серьезные политические и юридические причины, является обоснованным и соответствует национальным интересам России.

*Южная Африка

Как и Российская Федерация, Южная Африка также принимала активное участие в разработке проекта Статута МУС и подписала данный договор в 2000 г. Уже в 2002 г. в ЮАР был принят имплементационный закон,¹ который создал детальный механизм реализации положений Статута МУС в правовой системе Южной Африки.² До июня 2015 г. вопрос об участии Южной Африки в Статуте МУС не вызывал серьезной озабоченности, хотя отдельные политические проблемы в этой связи все-таки возникали. Однако события июня 2015 г. кардинально изменили отношение правительства ЮАР к Суду.

Напомним, что в июне 2015 г. судебная палата Международного уголовного суда потребовала от правительства Южной Африки арестовать Президента Республики Судан Омара аль-Башира, находившегося в ЮАР на саммите Африканского Союза.³ Власти ЮАР отказались исполнить данное требование. Оппозиция подала иск в Верховный суд ЮАР с просьбой признать действия правительства незаконными и выиграла дело. Суд постановил, что Южная Африка нарушила закон об имплементации Римского Статута Международного уголовного суда. В ноябре 2016 года правительство ЮАР направило Генеральному секретарю ООН уведомление о выходе Южной Африки из состава государств – участников Статута МУС.

¹ Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court Act // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gov.za/sites/www.gov.za/files/a27-02.pdf>

² du Plessis M., South Africa's Implementation of the ICC Statute: An African Example // Journal of International Criminal Justice, Vol. 5, № 2. P. 460–479. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql082>

³ The Prosecutor V. Omar Hassan Ahmad Al Bashir. Decision following the Prosecutor's request for an order further clarifying that the Republic of South Africa is under the obligation to immediately arrest and surrender Omar Al Bashir // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2015_06500.PDF

Оппозиционные партии подали новый иск с требованием признать незаконным выход ЮАР из Статута МУС. Апелляционный суд удовлетворил и этот иск. Основанием для такого вывода стал факт неучастия в принятии решения парламента страны.¹ В результате правительство ЮАР отозвало свое решение о выходе из Статута МУС.

Наконец, 6 июля 2017 г. Международный уголовный суд вынес решение о том, что Южная Африка не исполнила свои обязательства по Римскому Статуту МУС.²

При анализе данного дела необходимо четко разделить две его составляющие: внутригосударственную и международно-правовую стороны. В рамках настоящей статьи мы сконцентрируемся исключительно на международно-правовых вопросах выхода ЮАР из Статута МУС как универсального международного договора.

Без сомнений, право на выход из международного договора признается обычным международным правом. Свободное присоединение к договору и свободный выход из него являются фундаментальными правилами современного международного права. Более того, свободное присоединение или выход из договора являются свидетельством не только легитимности, но и законности соответствующего договора. Постановка под сомнение права на выход является постановкой под сомнение легитимности и законности самого договора как выражения коллективной воли, на основе которой заключен договор.

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. является наиболее авторитетным выражением обычно-правовой нормы о праве государств на выход из договора. Данная конвенция представляет собой не только квазикодификацию международного обычного права со стороны 110 государств мира, но также в целом признается и теми государствами, которые не ратифицировали ее. Венская конвенция о праве международных договоров выделяет три основных подхода к праву на выход, которые можно условно назвать «внутренним», «внешним» и «согласительным».

«Внутренний» способ заключается в регулировании права на выход из договора в соответствии с положениями данного договора. «Внешний» – регулирует данное право в других договорах, имеющих отношение к соответствующим договорным отношениям. Наконец, «согласительный» способ представляет собой заключение соглашения о

¹ South African Supreme Court of Appeals, The Minister of Justice and Constitutional Development v The Southern African Litigation Centre (867/15) [2016] ZASCA 17 (15 March 2016). North Gauteng High Court, Democratic Alliance v Minister of International Relations and Cooperation and Others (Council for the Advancement of the South African Constitution Intervening) (83145/2016) [2017] ZAGPPHC 53.

² The Prosecutor V. Omar Hassan Ahmad Al Bashir. Decision under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by South Africa with the request by the Court for the arrest and surrender of Omar Al-Bashir // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2017_04402.PDF

праве на выход из договора между его сторонами, достигнутое уже после заключения договора.

Первые два способа регулируются ст. 42.2 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой прекращение договора, его денонсация или выход из него участника могут иметь место только в результате применения положений самого договора или самой Венской Конвенции. Это же правило применяется к приостановлению действия договора.

Статья 43 Венской конвенции устанавливает, что недействительность, прекращение или денонсация договора, выход из него одного из участников или приостановление его действия, если они являются результатом применения настоящей Конвенции или положений самого договора, не затрагивают обязанность государства выполнять любое записанное в договоре обязательство, которое имеет силу для него в соответствии с международным правом, независимо от договора. Соответственно, сама Венская конвенция о праве международных договоров служит четким правовым основанием для реализации государствами права на выход из договора. В случае если Венская конвенция не применима к тому или иному договору, государства-участники все равно могут достичь соглашения о праве на выход из него (ст. 50 Венской конвенции о праве международных договоров).

Если ни один из указанных способов выхода из договора не имеет места, Венская конвенция предлагает позитивную и негативную презумпцию права на выход из договора. Позитивная презумпция закреплена в ст. 56.1 Венской конвенции, которая устанавливает для государства-участника бремя доказательства отсутствия права на выход. Негативная презумпция артикулирована в ст. 62 Конвенции, которая также предусматривает право государства на выход из договора в связи с коренным изменением обстоятельств. Следует отметить, что правительство Южной Африки могло сослаться именно на коренное изменение обстоятельств, когда обязательства по соглашениям в рамках Африканского Союза вступили в противоречие с обязательствами по Статуту МУС.

Статья 127 Статута Международного уголовного суда также прямо предусматривает право государств-участников на выход из договора: «Любое государство-участник может выйти из настоящего Статута, направив Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций соответствующее письменное уведомление. Выход вступает в силу через год после даты получения такого уведомления, если в уведомлении не указывается более поздний срок». Выход ЮАР из состава государств – участников Римского Статута МУС полностью соответствует указанной норме. В то же время следует обратить внимание на важный тезис, содержащийся в тексте «Заявления о выходе», в котором говорится, что

«в сложных и многогранных переговорах о прекращении конфликтов и чувствительных постконфликтных ситуациях достижение мира, с одной стороны, и обеспечение правосудия – с другой, должны рассматриваться как дополняющие и взаимоисключающие». ¹ В этой связи совершенно справедливо выглядит утверждение о том, что если бы Южная Африка исполнила свои обязательства по Римскому Статуту МУС (по аресту главы суданского государства), это могло бы рассматриваться как смена режима в Республике Судан. Критики решения, принятого правительством ЮАР, также умалчивают о возможной судьбе южноафриканских граждан (гражданских и военных), находившихся на территории Республики Судан, в случае ареста президента Судана.

Анализируя решение Апелляционного суда ЮАР, признавшего выход ЮАР из МУС неконституционным, видно, что суд рассматривает выход из договора лишь как односторонний акт, но не как право государства. В результате суд пришел к выводу о том, что выход из договора не представляет собой «международное соглашение» согласно конституции ЮАР.² Суд не представил никаких объяснений отделения выхода из договора от собственно договора. Признание выхода из договора в качестве права государства позволило бы суду сбалансировать права и обязанности и, возможно, прийти к иному выводу о необходимости участия парламента в принятии решения о выходе государства из состава участников международного договора. Суд также не представил никакого юридического обоснования отделению права на выход из договора от договора, в котором это право предусматривается. Если бы суд признал наличие права на выход в качестве обычно-правовой нормы, логика не позволила бы ему отделить это право от самого договора, в котором это право закрепляется.

Сам факт наличия ст. 127 служит легитимации и легализации Статута МУС как коллективного соглашения. Четкое следование положениям ст. 127 показывает, что правительство Южной Африки демонстрирует свое желание продолжать сотрудничать с Судом, как это предусмотрено частью 2 той же статьи. Следовательно, право на выход доступно для Южной Африки в соответствии с международным правом и делает бессмысленными политические или «морализаторские» аргументы против его осуществления. По тем же причинам не имеют никакого смысла обвинения правительства ЮАР в том, что его решение, якобы, служит доказательством отказа от принципа верховенства права.

¹ South Africa: Withdrawal «Declaratory statement by the Republic of South Africa on the decision to withdraw from the Rome Statute of the International Criminal Court» C.N.786.2016.TREATIES-XVIII.10 (Depositary Notification) effected on 19 October 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2016/CN.786.2016-Eng.pdf>.

² См. параграф 41 решения Суда. Democratic Alliance and the Minister of International Relations and Cooperation and others 2017 (3) SA 212 (GP).

Точно так же следует признать необоснованными утверждения некоторых авторов, заключающихся в том, что решение о выходе из Статута МУС является выбором между ответственностью и безнаказанностью в пользу последнего.¹ Подобного рода «морализаторские» аргументы отвлекают внимание от сущности вопроса, а именно легитимности и законности права на выход из договора. Подобного рода преувеличения в оценках противоречат фактам. Так, в своем «Уведомлении об отзыве заявления о выходе из Статута МУС» правительство Южной Африки сообщает Генеральному секретарю ООН (являющемуся депозитарием Статута МУС) следующее: «Информируем Вас о том, что Высокий Суд провинции Северный Хаутенг Республики Южная Африка в своем решении по делу «*Демократический альянс против министра иностранных дел и сотрудничества и других*» от 22 февраля 2017 г. постановил, что перед тем, как направить уведомление о выходе из Римского Статута Международного уголовного суда в соответствии со ст. 127.1 Статута МУС, необходимо получение предварительного согласия со стороны парламента страны. Соответственно, ранее направленное уведомление о выходе было признано неконституционным и не имеющим юридической силы». И далее: «С целью обеспечения указанного решения суда мы отзываем «Уведомление о выходе из Статута Международного уголовного суда», решение о чем вступает в силу немедленно».²

Данные документы ясно показывают, что Южная Африка демонстрирует свою приверженность верховенству права и обеспечению конституционной демократии. Приверженность верховенству права не может интерпретироваться как угроза обеспечению прав человека или поощрение безнаказанности. Подобного рода оценки лишены правовой основы.

Подготовительные материалы Римской конференции по заключению Статута Международного уголовного суда ясно показывают, что принцип комплементарности (дополнительности) создает проблему для суверенитета государств-участников. Данный принцип упоминается в преамбуле,³ ст. 1⁴ и в ст. 17.⁵ Статья 17 ясно указывает на то, что прин-

¹ du Plessis M., Mettraux G., South Africa's Failed Withdrawal from the Rome Statute: Politics, Law, and Judicial Accountability (2017) // Journal of International Criminal Justice 5 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqx015>.

² South Africa: Withdrawal Of Notification Of Withdrawal C.N.121.2017.TREATIES-XVIII.10 (Depositary Notification) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/publication/CN/2017/CN.121.2017-Eng.pdf>

³ Преамбула содержит следующее положение: «Государства – участники настоящего Статута, ... подчеркивая, что Международный уголовный суд, учрежденный на основании настоящего Статута, дополняет национальные органы уголовной юстиции.

⁴ Статья 1 гласит: «Международный уголовный суд ... является постоянным органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, указанные в настоящем Статуте, и дополняет национальные системы уголовного правосудия. Юрисдикция и функционирование Суда регулируются положениями настоящего Статута.

⁵ Статья 17 («Вопросы приемлемости») гласит: «С учетом пункта 10 преамбулы и статьи 1 Суд определяет, что дело не может быть принято к производству в тех случаях, когда:...».

цип комплементарности является центральным вопросом для установления вопроса о приемлемости.

Принцип комплементарности означает, что Международный уголовный суд может осуществлять юрисдикцию только в том случае, когда национальная судебная система не способна функционировать для достижения целей, закрепленных в МУС. Как отмечает М.Бензинг, принцип комплементарности замышлялся с целью побуждать государства осуществлять свою юрисдикцию и, таким образом, повышать эффективность реализации международного уголовного права.¹

Согласно принципу комплементарности Южная Африка могла осуществлять расследование или преследование в соответствии со ст. 17.1.а. Однако правительство ЮАР получило запрос на осуществление ареста Президента Омара аль-Башира. Но такое требование совершенно явным образом исключает должный юридический процесс, который сам по себе является требованием справедливого процесса согласно положениям международного права прав человека. Статья 17.2 Статута МУС прямо устанавливает обязанность суда обеспечить должную процедуру согласно правилам, закрепленным в нормах международного права. Впрочем, ст. 17.2.а-с допускают «гибкий» подход к должному процессу (случаи попыток сокрытия обвиняемого от уголовной ответственности; неоправданной задержки; производства по делу и др.). Для того чтобы обойти требование должного процесса, суд должен доказать наличие одного или всех условий, перечисленных в ст. 17.2.а-с. Единственной причиной, по которой МУС требует от ЮАР арестовать обвиняемого без соблюдения должного процесса, может быть лишь презумпция виновности ЮАР по основаниям, перечисленным в статье 17.2.а-с. Однако Суд не доказал наличия таких оснований. При этом консультации по ст. 97 Статута МУС не освобождают Суд от обязанности объяснить, почему он отказался обеспечивать должный процесс. Такое поведение МУС полностью лишает принцип комплементарности его правового содержания. До того, как решать вопрос о том, нарушила ли Южная Африка свои обязательства по Статуту МУС, следует решить вопрос о том, обеспечила ли судебная палата МУС правила должного процесса в своих требованиях к Южной Африке.

Критические замечания, которые посыпались на правительство ЮАР после принятого решения о выходе из Статута МУС, не учитывают взаимосвязи права и политики. И эта взаимосвязь была четко закреплена в самом Статуте МУС, в частности, в ст. 98, где устанавливается, что суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по между-

¹ Benzing M., The Complementarity Regime of the International Criminal Court: International Criminal Justice between State Sovereignty and the Fight against Impunity // 2003, Max Planck Yearbook of United Nations Law. – P. 596.

народному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока Суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета. Более того, Суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, не совместимых с его обязательствами по международным соглашениям, в соответствии с которыми для предоставления какого-либо лица в распоряжение Суда требуется получение согласия направляющего государства, если только Суд сначала не заручится сотрудничеством направляющего государства в деле получения согласия на предоставление в распоряжение.

Как видим, положения данной статьи изначально замышлялась как гарантия обеспечения принципа комплементарности. Об этом, в частности, напоминает Э.Розенфельд, который пишет, что ст. 98 является одной из гарантий, которая ставит международные договорные обязательства выше требований или распоряжений Суда о передаче или доставке подозреваемого».¹

Таким образом, решение правительства ЮАР выйти из состава государств – участников Римского Статута Международного уголовного суда полностью соответствует нормам международного права и национальным интересам Южной Африки.

Сравнивая решение Российской Федерации и Южной Африки о прекращении правовых отношений с Международным уголовным судом, можно отметить, что оно было сделано в разной форме и имеет различные правовые последствия. Однако общей причиной принятых решений являются защита суверенитета обоих государств и обеспечение национальных интересов наших государств.

Литература:

1. Ведерникова О.Н. Факторы, препятствующие имплементации Римского статута в национальное законодательство России // Международное уголовное правосудие. Современные проблемы. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 559 – 574.
2. Михайлов Н.Г. О социальных основах отношения России к Международному уголовному суду // Международное уголовное правосудие. Современные проблемы. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 575-585.
3. Мезяев А.Б. Попытки Международного уголовного суда изменить нормы действующего международного права // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы X ежегодной Всероссийской научно-практич. конф., посвященной памяти профессора И.П. Блищенко: В 2-х ч. Российский университет дружбы народов. – М., 2012. – С. 230-236.
4. Plessis M. South Africa's Implementation of the ICC Statute: An African Example // Journal of International Criminal Justice. – Vol. 5. – № 2. – P. 460-479. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql082>

¹ Rosenfeld E., Application Of U.S. Status Of Forces Agreements To Article 98 Of The Rome Statute // 2 Washington University Global Studies Law Review 273 2003 276.

5. Plessis M., Mettraux G. South Africa's Failed Withdrawal from the Rome Statute: Politics, Law, and Judicial Accountability (2017) Journal of International Criminal Justice 5. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqx015>.

6. Benzing M. The Complementarity Regime of the International Criminal Court: International Criminal Justice between State Sovereignty and the Fight against Impunity // 2003 Max Planck Yearbook of United Nations Law. – P. 596.

7. Rosenfeld E. Application of U.S. Status of Forces Agreements to Article 98 of the Rome Statute // 2 Washington University Global Studies Law Review 273, 2003.

8. United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Rome, 15 June – 17 July, 1998. Official Records.

9. Положения о понимании в отношении поправок к Римскому статуту Международного уголовного суда, касающихся преступления агрессии // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://asp.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/RC2010/RC-7-RUS.pdf

10. Decision on the Prosecutor's request for authorization of an investigation // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2016_00608.PDF

11. Report on Preliminary Examination Activities (2016) // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE_ENG.pdf

12. Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court Act // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gov.za/sites/www.gov.za/files/a27-02.pdf>

13. The Prosecutor V. Omar Hassan Ahmad Al Bashir. Decision following the Prosecutor's request for an order further clarifying that the Republic of South Africa is under the obligation to immediately arrest and surrender Omar Al Bashir // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2015_06500.PDF

14. The Prosecutor V. Omar Hassan Ahmad Al Bashir. Decision under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by South Africa with the request by the Court for the arrest and surrender of Omar Al-Bashir // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2017_04402.PDF

15. South Africa: Withdrawal «Declaratory statement by the Republic of South Africa on the decision to withdraw from the Rome Statute of the International Criminal Court» C.N.786.2016.TREATIES-XVIII.10 (Depositary Notification) effected on 19 October 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2016/CN.786.2016-Eng.pdf>.

16. South Africa: Withdrawal Of Notification Of Withdrawal C.N.121.2017.TREATIES-XVIII.10 (Depositary Notification) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/publication/CN/2017/CN.121.2017-Eng.pdf>

References:

1. Vedernikova O. Factors impeding the implementation of the Rome Statute in the national legislation of Russia // International Criminal Justice. Modern problems. – М.: Institute of Law and Public Policy, 2009. – P. 559-574.
2. Mikhailov N. On the Social Basis of Russia's Attitude to the International Criminal Court // International Criminal Justice. Modern problems. – М.: Institute of Law and Public Policy, 2009. – P. 575-585.
3. Mezyaev A. Attempts by the International Criminal Court to amend the norms of current international law // Actual problems of contemporary international law Materials of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor IP Blyshchenko: in 2 parts. Peoples' Friendship University of Russia. – М., 2012. – P. 230-236.
4. Plessis M. South Africa's Implementation of the ICC Statute: An African Example // Journal of International Criminal Justice. – Vol. 5. – № 2. – P. 460-479. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql082>

5. Plessis M., Mettraux G. South Africa's Failed Withdrawal from the Rome Statute: Politics, Law, and Judicial Accountability (2017) // Journal of International Criminal Justice 5 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqx015>.

6. Benzing M. The Complementarity Regime of the International Criminal Court: International Criminal Justice between State Sovereignty and the Fight against Impunity // 2003 Max Planck Yearbook of United Nations Law. – P. 596.

7. Rosenfeld E. Application of U.S. Status Of Forces Agreements to Article 98 of the Rome Statute // 2 Washington University Global Studies Law Review 273, 2003.

8. United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Rome, 15 June – 17 July 1998. Official Records.

9. Decision on the Prosecutor's request for authorization of an investigation // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2016_00608.PDF

10. Report on Preliminary Examination Activities (2016) // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE_ENG.pdf

11. Implementation of the Rome Statute of the International Criminal Court Act // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gov.za/sites/www.gov.za/files/a27-02.pdf>

12. The Prosecutor V. Omar Hassan Ahmad Al Bashir. Decision following the Prosecutor's request for an order further clarifying that the Republic of South Africa is under the obligation to immediately arrest and surrender Omar Al Bashir // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2015_06500.PDF

13. The Prosecutor V. Omar Hassan Ahmad Al Bashir. Decision under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by South Africa with the request by the Court for the arrest and surrender of Omar Al-Bashir // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2017_04402.PDF

14. South Africa: Withdrawal «Declaratory statement by the Republic of South Africa on the decision to withdraw from the Rome Statute of the International Criminal Court» C.N.786.2016.TREATIES-XVIII.10 (Depositary Notification) effected on 19 October 2016 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2016/CN.786.2016-Eng.pdf>.

15. South Africa: Withdrawal of Notification of Withdrawal C.N.121.2017.TREATIES-XVIII.10 (Depositary Notification) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/publication/CN/2017/CN.121.2017-Eng.pdf>

УДК 340.12

ПАРАДИГМА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

THE PARADIGM OF CONSTITUTIONALISM IN THE EVOLUTION OF RUSSIAN STATEHOOD

СТЕПАНЕНКО Р.Ф., д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ»
E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

STEPANENKO R., Doctor of Law, Professor, Head of the Theory and History of State and Law Chair, the University of Management «TISBI»
E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются процессы эволюции российской государственности в контексте реализации парадигмы конституционализма. Основное внимание уделено проблемам правопонимания, построения правового государства и властным полномочиям, целью которых должно быть достижение согласованного сосуществования всех субъектов правоотношений – государства, общества, личности.

Ключевые слова: парадигма конституционализма, правопонимание, принципы права, государство, общество, личность.

Abstract

In the article the processes of the evolution of Russian statehood in the context of realization of the paradigm of constitutionalism are investigated. The main attention is paid to the problems of legal understanding, the construction of a law-governed state and power authorities, whose goal should be to achieve coordinated coexistence of all subjects of legal relations – the state, the society, the personality.

Key words: paradigm of constitutionalism, legal understanding, principles of law, state, society, personality.

Задача современной теории права и государства как фундаментальной, общетеоретической и базовой дисциплины в системе юридических наук, функционирующей на непростом этапе эволюции российской государственности, которая последние десятилетия находится под влиянием трендов сырьевого или рыночного капитализма, транзитивности международных отношений, становления институтов демократии и т.д., состоит в изучении и обосновании эффективных правовых механизмов, способствующих формированию и реализации основ правового государства.

Сами по себе институты демократии, гражданского общества, властных структур и т.д. без участия права не в состоянии ни осуществ-

влять, ни гарантировать позитивного развития российского государства, а также обеспечить баланс интересов человека и общества, соблюдение и защиту прав и свобод граждан, а также справедливое и должное исполнение обязанностей всеми субъектами правовых отношений. Эти основы эволюции социального и правового государства закреплены в Конституции Российской Федерации 1993 г.

Серьезной и давно назревшей проблемой юридической науки является *переструктурирование* обыденного, профессионального и доктринального правосознания с идеологически и политически ангажированного в советский период юридическим нормативизмом (позитивизмом) на современное, отвечающее требованиям времени, развитое, тождественное цивилизованным коммуникациям правовое сознание, базирующееся на уважении, авторитете и доверии к Основному закону России.

Действительно, сегодняшняя государственно-правовая реальность не укладывается в постулаты советской доктрины понимания права с теми или иными модификациями и интерпретациями, сформулированными еще Прокурором СССР Вышинским (право – это «воля господствующего класса, возведенная в закон и обеспеченная государственным принуждением») в 1938 г. Такое понимание права тождественно «закону» и не учитывает существенных признаков, особенностей, закономерностей, стохастических факторов как правообразования и нормотворчества, так и действенных социально-правовых механизмов их реализации.

Данное объяснение права, с точки зрения логики теории права и государства, подвергается сомнению, с точки зрения Д.А. Керимова, по трем основаниям:

1) правом является не только то, что установлено или санкционировано государством, но и то, что формируется жизнедеятельностью общества;

2) это отнюдь не только (не столько. – Р.С.) совокупность правовых норм, но и *система* правых принципов, множество ненормативных установлений и, в целом, – *правовая политика*;

3) определение права, с одной стороны, как воли государства, а с другой – как совокупности норм – *внутренне противоречиво*, поскольку воля не сводится только к предписаниям, она представляет собой динамичный и реализующийся вид сознания [2, с. 347-348], конечно, не только законодателя, исполняющего и формулирующего в нормативных правовых актах волю государства.

Природа феномена «воля» в философском контексте означает *системность процессов* саморегуляции деятельностью-поведенческих актов, направленных на концентрацию усилий для достижения поставленной цели. Для современной фундаментальной юриспруденции одним из основных вопросов является уяснение смыслов обоюдного и

взаимного *волеизъявления* в легитимации правовых норм, для чего необходимо решение одной из важных задач – нахождение и установление, повторимся, *баланса* интересов государства, общества, личности и «возведение» именно его в закон.

В данном контексте, прежде всего, обнаруживает себя одна из концептуальных проблем российского конституционализма, понимаемого нами как *парадигма* (идея, система гносеологических, методологических и ценностных установок): а) формирования современного российского правосознания (на индивидуальном, коллективном, общественном уровнях); б) воспринимающая и реализующая положения Основного закона в качестве априорной, разумной и справедливой правовой меры (модели) Равенства, Справедливости и Свободы [10, с. 25-33]; в) основанная на балансе интересов прав и обязанностей общества, государства и личности, в первую очередь сформулированная в нормах-принципах (нормах-идеалах) Конституции Российской Федерации.

В свою очередь, конституционализм правовой политики, в широком общеправовом смысле, есть *доктрина об искусстве возможностей правового государства управлять общественными отношениями при помощи правовых механизмов и средств, установленных и гарантированных Основным законом Российской Федерации*. По нашему мнению, именно доктрина конституционализма правовой политики должна лежать в основе функционирования правовой российской государственности, так как именно в Конституции Российской Федерации эксплицитно сформулированы: а) положения о правах и свободах человека и гражданина (естественно-правовая концепция); б) императивизм соблюдения, защиты и охраны этих прав и также исполнение обязанностей государством, обществом, личностью (позитивистская концепция); в) идеальные нормы-принципы и нормы-цели правового и демократического государства (концепция идеального права). Вкупе такое осмысление Основного закона и лежит в основе формирования и понимания абстрактно-обобщенной парадигмы конституционализма.

Прежде всего, данная постановка проблемы актуализируется, например, при объяснении принципа «разделения властей», из которого не становится очевидным отнесение должности Президента к какой-либо из этих ветвей власти. Отсюда, как отмечает Ф.М. Раянов, деятельность Главы государства оказывается фактически неконтролируемой парламентом и институтами гражданского общества. Понятие конституционализм, по мнению автора, в зарубежных странах означает «учение об *ограничении государственной власти* в интересах государствообразующего (гражданского) общества». Термин же «конституция» берет свое начало с XVII в., и его родиной признается Англия периода Нового времени (XVII в.). В трудах Д.Локка и Д.Юма «конституциями» назывались акты, исходящие из гражданского общества или его пред-

ставительных органов, направленные на *ограничения власти и деятельности короля*. Такое понимание конституций было реализовано в «реальных конституциях» США, Франции, Польши. Но в латинском языке этот термин означает «устройство чего-либо», и появилось это понятие гораздо раньше, чем учение об общественном договоре между гражданским обществом и правящей властью (Д.Локк, Д.Юм, Ж.-Ж. Руссо, М.Монтескье) [5, с. 108-109].

Остается дискуссионным вопрос и о категории «правовое государство», которая была установлена в ст. 1 Конституцией Российской Федерации (в США – принцип «правления права», в Великобритании – «верховенства права») и, прежде всего, означает создание, закрепление, соблюдение, защиту, охрану прав и свобод граждан в государстве только на основе права (национального права и *принципов* международного права. – Р. С.) с учетом баланса интересов власти, общества, человека и *наложением рестрикций* (ограничений) на всех субъектов правоотношений в виде взаимных обязанностей.

Установить баланс права – как социальной ценности и прав человека – как всеобщей ценности (О.Ю. Рыбаков), нахождение «оптимального согласия» (В.Д. Зорькин), равновесия между «системоцентристским» и «персоноцентристским» подходами (Б.С. Эбзеев) – есть основная задача правоведения на научном и практическом уровнях. Возможно ли сегодня только через государственный императивизм, посредством только действующих, принимаемых и перманентно изменяемых законов воздействовать на волю, психику, мораль и нравственность, характер, свойства и качество поведения людей?

Как показывает история России, воля правителей традиционно осуществлялась при помощи «властного права» или, позже, в советский период – «этатистского права», которое по сути имели печальные итоги для российской государственности. Как отмечает Р.А. Ромашов, *критерием результативности права* в фундаментальном смысле является его опыт. «В частности, опыт правового развития России в XX в. свидетельствует о неэффективности правовых систем Российской империи и Советского Союза: результатом подобной неэффективности в первом случае была Октябрьская революция, во-втором – распад СССР» [6, с. 6].

Проблема «соотношения целей и воли» государства с «целями и волей» общества и личности в праве концептуальным образом изучалась при формулировании общеправовой теории маргинальности, где с использованием исторического подхода (метод историзма и метод историцизма) объясняются процессы маргинализации российского правосознания, в том числе по причине *рассогласования* волеизъявлений и интересов человека, социума и государства. Общеправовая теория маргинальности консеквентно предпринимает попытку прогнозирования результатов отчуждения общества, личности и государства [9].

Современное теоретическое правоведение в осуществлении своей прогностической функции широко использует метод правового моделирования для решения проблем и выдвижения гипотез о будущем правовом состоянии нашего общественного и государственного устройства. Если право есть, «прежде всего, жизнь, а не формальное ее отражение» [2, с. 357], то законы, как отражение динамики жизни человека в социуме, государстве должны основываться на исторически складывающихся потребностях жизнедеятельности человека, общества, государства. История, к сожалению, *нас мало чему учит, но она дает нам шанс*.

Мудрые берут из исторического прошлого не пепел, а огонь, – считает один из разработчиков Основного закона Российской Федерации Б.С. Эбзеев: «Несомненно, забвение индивида и его прав, гипертрофия общественного (или, точнее, государственного. – Р.С.) начала в организации деятельности социума, характерные для многих десятилетий отечественной политической истории, составляют основной порок коллективистских доктрин, в том числе доведенного до крайности его вульгаризаторской интерпретацией экономического материализма, выводящего все из экономики» [12, с. 114-115].

Однако и излишний персоноцентризм либо антропоцентризм отдельных научных школ приводит к абсолютизации личного, вряд ли объективируемого через «самого себя по отношению к самому себе» вне общества и государства.

Необходимо достижение оптимального равновесия и согласия, которые достигаются через единство (на политическом уровне), согласованность (на социальном уровне), солидарность (на идеологическом уровне), ответственность (на правовом уровне), – справедливо отмечает О.Ю. Рыбаков [7, с. 202-205].

Установить данное равновесие в сфере правового регулирования чрезвычайно сложно. Правовая доктрина уделяет явно недостаточно внимания средствам легитимации государством тех или иных источников в качестве правовых, совершенно не изучаются вопросы признания государством норм естественного права, нуждаются в анализе религиозные нормы и др., т.е. все то «угодное», что впоследствии государство «отливает» в четкую писаную формулировку, – считает В.В. Лазарев [3, с. 201-202].

Естественное право «наполняет собой» содержание Конституции и иных нормативно-правовых актов, тем самым приобретая соответствующую формально-юридическую (письменную) форму, хотя само «естественное право», по мнению М.Н. Марченко, имеет весьма неопределенный, по сравнению с позитивным правом, характер [4, с. 77-95].

На самом деле, существо проблемы соотношения и позитивного, и естественного, и идеального права выходит далеко за рамки традицион-

ного позитивистского и значительным образом шире самого естественного права. В содержание последнего ученые-правоведы пытаются включить все то, что, по нашему мнению, выходит за рамки «природного права». В первую очередь, это сама идея права, его ценность, принципы, абсолюты и многое другое, не имеющее предметно-материальных признаков и изучаемое философией права (иногда – правовой философией. – Р.С.).

Представляется, что именно плюралистическое правопонимание (синергия позитивного, естественного и идеального права) [11, с. 610-618] способно формулировать все то, что в идеале необходимо для объяснения и формирования феноменов (систем) правового государства, правовой политики, правовой культуры, правовой идеологии и многого другого, что опять-таки в идеале выстраивается на основе конституционализма как парадигмы.

Несомненная заслуга и задача Конституции РФ состоит в построении модели или мейнстрима «социального согласия» человека, гражданина, общества и государства. Она одновременно закрепляет права и свободы, а также ответственность и личности, и государства, их взаимные обязанности, формально не абсолютизируя права того или иного участника правовых отношений. Субъект-субъектный подход, обоснованный еще в XX в. (в отличие от субъектного или же субъект-объектного), устанавливает в доктрине фундаментальной юриспруденции равное положение всех участников индивидуальных, коллективных и государственных отношений в части и их прав-притязаний, и свобод, а также и ответственности друг перед другом, основанных на принципах конституционализма в реализации общих идеальных моделей построения правового государства.

«Уважать право и утверждать дух конституционализма возможно лишь через справедливость, порядок, через формирование положительного и доверительного отношения граждан к процессу правотворчества и правоприменения, к конкретным носителям этих процессов. Утверждение в обществе конституционализма как ценности связано с практически выраженным авторитетом справедливого законодательства» [8], – отмечает О.Ю. Рыбаков, формулируя стратегии правового развития России.

Литература:

1. Габдулхакова А.Р., Степаненко Р.Ф. Проблемы познания сущности права: Сб. трудов молодых ученых Университета управления «ТИСБИ» / Под научн. ред. Ф.Г. Мухаметзяновой. – Казань, 2014. – С. 10-14; Степаненко Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности // Право и государство: теория и практика. – 2015. – № 6. – С. 25-33.

2. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001. – С. 347-348.
3. Лазарев В.В. Проблемы общей теории jus / В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.Х. Саидов / Отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 201-202.
4. Марченко М.Н. Источники права. – М.: Проспект, 2011. – С. 77-95.
5. Раянов Ф.М. Теория правового государства: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 108-109.
6. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 6.
7. Рыбаков О.Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства // Известия высш. учебн. завед. – Правоведение. – 2009. – № 1. – С. 202-205.
8. Рыбаков О.Ю. Стратегия права: в поисках гармонии личности и государства // Стратегии правового развития России: Коллект. монография / Бондарь Н.С., Фадеев В.И., Комарова В.В., Комкова Г.Н., Павлушина А.А., Скачкова О.С., Романовская В.Б., Жданов П.С., Сырых В.М., Гаврилова Ю.А., Синюков В.Н., Синюкова Т.В., Сушкова Ю.Н., Байниязова З.С., Степаненко Р.Ф., Смыкалин А.С., Ростова О.С., Туманов Д.Ю., Биюшкина Н.И., Вопленко Н.Н. и др. / Под ред. О.Ю. Рыбакова. – М., 2015. – 624 с.
9. Степаненко Р.Ф. Предупреждение преступлений, совершаемых лицами, ведущими маргинальный образ жизни: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.
10. Степаненко Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности // Право и государство: теория и практика. – 2015. – № 6. – С. 25-33.
11. Степаненко Р.Ф. Ресурсы синергетического подхода в современном теоретическом правоведении: опыт исследовательских практик общеправовой теории маргинальности // Право и политика. – 2015. – № 5. – С. 610-618.
12. Эбзеев Б.С. Конституция, власть, свобода в России: опыт синтетического исследования. – М.: Проспект, 2014. – С. 114-115.

References:

1. Gabdulkhakova A., Stepanenko R. Problems of cognition of the essence of law // Collection of works of young scientists of the University of Management «TISBI» / Under the scientific supervision and edition by F.Mukhametzyanova. – Kazan, 2014. – P. 10-14; Stepanenko R. Problems of legal understanding in the research practices of the general legal theory of marginality: the experience of the methodology of interdisciplinary science // Law and the state: theory and practice. – 2015. – № 6. – P. 25-33.
2. Kerimov D. Methodology of law (subject, functions, problems of the philosophy of law). – 2nd ed. – M.: Avanta+, 2001. – P. 347-348.
3. Lazarev V. Problems of the general theory of justice / V.Lazarev, S.Lipen, A.Saidov; Ed. V.Lazarev. – M.: Norm: INFRA-M, 2012. – P. 201-202.
4. Marchenko M. Sources of law. – M.: Prospekt, 2011. – P. 77-95.
5. Ryanov F. Theory of the rule of law: Monograph. – M.: Yurлитinform, 2014. – P. 108-109.
6. Romashov R. Realistic positivism: an integrative type of modern legal understanding // Jurisprudence. – 2005. – № 1. – P. 6.
7. Rybakov O. Social Harmony in Russia: the Possibilities of the Individual and the State // Izvestiya Vysshei Zhkoly. Jurisprudence. – 2009. – № 1. – P. 202-205.
8. Rybakov O. The Strategy of Law: in Search of Harmony of the Individual and the State // Strategies for Legal Development of Russia: Collective Monograph / Bondar N., Fadeev V., Komarova V., Komkova G., Pavlushina A., Skachkova O., Romanovskaya V., Zhdanov P., Syrykh V., Gavrilova Yu., Sinyukov V., Sinyukova T., Sushkova Yu., Bayniyazova Z., Stepanenko R., Skrylyalin A., Rostova O., Tumanov D., Biyushkina N., Voplenko N. and others; Ed. by O.Rybakova. – M., 2015. – 624 p.

9. Stepanenko R. Prevention of crimes committed by persons leading a marginal way of life: Diss. for the degree of Candidate of Juridical Sciences. – Kazan, 2005.

10. Stepanenko R. Problems of legal understanding in the research practices of the general legal theory of marginality: the experience of the methodology of interdisciplinary science // The Law and the State: theory and practice. – 2015. – № 6. – P. 25-33.

11. Stepanenko R. Resources of the synergetic approach in modern theoretical jurisprudence: the experience of research practices of the general legal theory of marginality // Law and Politics. – 2015. – № 5. – P. 610-618.

12. Ebzeev B. The Constitution, Power, Freedom in Russia: the Experience of Synthetic Research. – М.: Проспект, 2014. – P. 114-115.

УДК 340

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

THE ENFORCEMENT OF SOCIO-ECONOMIC RIGHTS OF CITIZENS: THE ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

СОЛДАТОВА А.В., канд. юрид. наук, доцент, Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: soldatovaalena@yandex.ru

SOLDATOVA A., PhD in Law, assistant professor, the University of Management
«TISBI»

E-mail: soldatovaalena@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе анализа отдельных положений Конституции Российской Федерации и действующего законодательства рассматриваются проблемы процесса реализации социально-экономических прав граждан в современной России. Делается вывод о необходимости выработки эффективной правовой политики в социальной сфере, совершенствования действующего социального законодательства, принятия адресных социальных программ.

Ключевые слова: социально-экономические права, правореализация, социальная сфера, Конституция Российской Федерации.

Abstract

The author considers the problems of the process of implementation of socio-economic rights of citizens in the modern Russia, based on the analysis of certain provisions of the Constitution of the Russian Federation and the current legislation. The conclusion about the necessity of a well-functioning legal policy in the social sphere, improvement of the existing social legislation, the adoption of targeted social programs is done.

Key words: socio-economic rights, realization of right, social sphere, the Constitution of the Russian Federation.

Исторически сложилось так, что реализация социально-экономических прав человека и гражданина во все времена была сопряжена с определенными трудностями. В современной России в силу объективных причин (экономический кризис, непростая внешнеполитическая обстановка, санкции ряда государств в отношении нашей страны и т.д.) проблемы в данной области приобретают особо острый характер.

Именно социальная сфера как система общественных отношений, регулируемых отраслями социального законодательства, направленными на гарантирование реализации социально-экономических прав граждан, является наиболее уязвимой и требует выработки эффективных мер по стабилизации ситуации.

К большому сожалению, в настоящее время в процессе реализации социально-экономических прав граждан появляется множество проблем, причем на всех стадиях реализации права. Статья 2 Конституции РФ провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, а обязанность по их признанию, соблюдению и защите возложила на государство [1]. Конституционное закрепление данной правовой нормы – неоспоримое доказательство приоритетности обеспечения прав граждан. Однако положения, продекларированные даже на уровне Основного закона, на практике встречают немало препятствий при воплощении их в жизнь. Несомненно, закрепление в Конституции России таких социально-экономических прав, как право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, право на жилище, на охрану здоровья и медицинскую помощь, на образование [1] и др., – одно из достижений действующей Конституции. При этом, как известно, особенность многих социально-экономических прав состоит именно в том, что конкретное их содержание должно уточняться в нормах отраслевого законодательства.

На практике нередко нормативно-правовые акты в социальной сфере, конкретизирующие конституционные права человека, противоречат нормам Основного закона. Ярчайшим примером является соотношение размеров минимальной оплаты труда и величины прожиточного минимума. При установленной за I квартал 2017 г. величине прожиточного минимума в сумме 9909 руб. [3] размер минимальной оплаты труда составляет всего 7800 руб. в месяц [2]. Таким образом, под большой вопрос ставится реализация не только конституционного права на достойную жизнь, но и права на жизнь, поскольку очевидно, что прожить на такую заработную плату в действительности не представляется возможным.

Конечно, в силу экономических причин государство не может сегодня реально гарантировать все социально-экономические права граждан. Осуществление полноценной социальной политики возмож-

но лишь при высоком уровне экономического развития, позволяющем разумно перераспределять средства и ресурсы, сохраняя свободу рыночных отношений [4], а также достичь труднодостижимый компромисс между принципами равенства и справедливости, на которых выстраивается концепция деятельности государства в социальной сфере. Тем не менее, даже такие уважительные причины, как состояние экономики, не должны служить основанием снятия с государства обязанностей, корреспондирующих социально-экономическим правам граждан, закрепленным в Конституции. Напротив, такое обстоятельство должно стать дополнительным стимулом для активизации работы в данном направлении.

В сложившихся условиях основным содержанием социальной функции государства должны стать не только закрепление и гарантия социально-экономических прав социально незащищенных субъектов («экономически несостоятельных: малообеспеченных и неимущих индивидов, инвалидов, безработных, детей, оставшихся без попечения родителей, беженцев, переселенцев и т.д.») [5], но и их реальное обеспечение. Данное направление деятельности государства как гаранта социальной стабильности в обществе приобретает особую актуальность ввиду тяжести возможных последствий нерешенности проблем в этой сфере: «экономико-правовая неурегулированность материальных условий жизнедеятельности, в частности, бездомных, безработных, детей-сирот и др., подавляет их волю, создает предпосылки и условия для «рискованного» поведения» [5], что может негативно сказаться на общественном развитии в целом. Данные Федеральной службы государственной статистики РФ наглядно подтверждают остроту проблемы. К примеру, в 2015 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила 19,5 млн. человек, или 13,3% от общей численности населения (без учета данных по Республике Крым и г. Севастополь); по итогам 2016 г. численность населения, оказавшегося за чертой бедности, возросла и составила 19,8 млн. человек (13,5 % от общей численности населения) [6].

На стадии непосредственной реализации, осуществления социально-экономических прав граждане, особенно субъекты адресной поддержки государства, сталкиваются с множеством проблем, сопряженных как с недостаточностью принимаемых мер для обеспечения достойного уровня жизни, так и с процессом оформления своего статуса гражданина, имеющего право на социальную защиту. Во-первых, сложно назвать идеально налаженной систему информирования населения о действующих нормах социального законодательства. Как правило, средства массовой информации оперативно и детально оповещают о нововведениях в системе юридических обязанностей граждан, в то время как не все знают о своих правах, например, на получение адресных пособий и

субсидий. Чрезмерно усложнен и бюрократизирован, на наш взгляд, и сам процесс обращения к правоприменителю. В качестве примера можно привести обширный перечень документов, необходимых согласно действующему законодательству для признания семьи малоимущей (от паспорта гражданина РФ, документов, подтверждающих состав семьи, до справок о доходах за последние два года и документов, подтверждающих стоимость и состав имущества, подлежащего налогообложению). Учитывая специфику субъектов социальной сферы, о которой говорилось выше, государство всеми возможными способами должно обеспечить доступность населению мер социальной поддержки и разработать упрощенный механизм оказания помощи населению, в том числе через взаимодействие органов государства по обмену информацией, тем самым переложив на них обязанность по сбору необходимых данных.

В силах государства облегчить процесс реализации социально-экономических прав и на стадии их защиты путем сокращения времени и упрощения процедуры рассмотрения дел в судах, что имеет существенное значение для отдельных категорий граждан: инвалидов, тяжело больных и лиц преклонного возраста, которые не могут самостоятельно без участия правоприменителя реализовывать большую часть своих прав. Таким образом, объективно назрела необходимость в построении особого механизма правовой защиты социально-экономических прав граждан от неправомерного использования властных полномочий должностными лицами государственных органов. В качестве одного из вариантов решения обозначенной проблемы можно предложить создание если не административных судов, то хотя бы административных коллегий внутри судов общей юрисдикции для разрешения споров, возникающих в процессе реализации социальных прав граждан.

Подводя итоги, можно сказать, что на современном этапе наша страна столкнулась с множеством проблем в сфере реализации социально-экономических прав граждан, решение которых представляется невозможным без выработки эффективной правовой политики, совершенствования действующего социального законодательства, принятия адресных социальных программ. При этом в основу правовой политики в данной сфере должен быть положен принцип взаимности прав и обязанностей, приоритета прав и свобод человека как высшей ценности правого и социального государства, которым стремится стать Россия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. ФЗ «О внесении изменения в ст. 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» от 19.12.2016 г. № 460-ФЗ // <http://www.consultant.ru/law/ref/stavki/soc-sfera/mrot/>

3. Постановление Правительства РФ от 20.06.2017 г. № 730 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за I квартал 2017 г.».

4. Солдатова А.В. Правореализация в социальной сфере: Дисс. ... канд. юрид. наук / Казан. (Приволжск.) федер. ун-т. – Казань, 2012.

5. Степаненко Р.Ф. Социально-психологические и юридические механизмы детерминации правовой маргинальности // Государство и право. – 2016. – № 5. – С. 35-45.

6. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# Дата обращения: 20.08.2017 г.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ dated December 30, 2008, No. 7-FKZ dated December 30, 2008, No. 2-FKZ dated 05.12.2014 – FKZ, dated 11/21/2014 № 11-FKZ) // Collection of the legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31. – Art. 4398.

2. FZ «On Amending Article 1 of the Federal Law «On the Minimum Amount of Remuneration of Labor» dated December 19, 2016 № 460-FZ // <http://www.consultant.ru/law/ref/stavki/soc-sfera/mrot/>

3. Resolution of the Government of the Russian Federation dated June 20, 2017 № 730 «On the establishment of the subsistence minimum per capita and for the main socio-demographic groups of the population in the whole of the Russian Federation for the first quarter of 2017».

4. Soldatova A. The law enforcement in the social sphere: Diss. for the degree of Candidate of Juridical Sciences / Kazan Federal University. – Kazan, 2012.

5. Stepanenko R. Social, psychological and legal mechanisms of determination of legal marginality // State and Law. – 2016. – № 5. – P. 35-45.

6. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# Date of circulation: 20.08.2017.

УДК 340.12

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE IN THE LAW-ENFORCEMENT POLICY

ЛЯГИН К.А., Университет управления «ТИСБИ»

E-mail: lyagin.kirill@yandex.ru

LYAGIN K., the University of Management «TISBI»

E-mail: lyagin.kirill@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы совершенствования правоприменительной политики в социальном государстве, ее нравственные основания, а также социальные права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Основном Законе РФ.

Ключевые слова: социальное государство, мораль, право, правоприменительная политика.

Abstract

The article deals with the issues of improving the law enforcement policy in the social state, its moral grounds, as well as the constitutionally fixed social rights and freedoms of the individual and the citizen enshrined in the basic law of the Russian Federation.

Key words: Social state, morality, law, law enforcement policy.

Особо важное значение в современный период построения правового и социального государства приобретает такая форма реализации правовой политики, как правоприменительная политика. Под термином «правоприменительная политика», по мнению О.Ю. Рыбакова, можно понимать научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных органов и институтов общества, направленную на получение и выработку определенной стратегии и тактики механизма правоприменения, а также создание необходимых условий для осуществления правоприменительной работы и правового развития России в целом [1].

Необходимо, в свою очередь, отметить, что правоприменительная политика является особой формой детализации общей политико-правовой стратегии, относящейся к такому элементу правового регулирования, как реализация права. Данное явление включает в себя определенные свойства, особенности, а также ряд закономерностей, которые определяет правовая политика на этапе как формирования так и реализации социально-правовых норм.

Говоря о понятии социального государства в целом, отметим, что это есть характеристика (принцип), относящаяся к конституционно-правовому статусу государства, предполагающая конституционное гарантирование экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина и соответствующие обязанности государства. На основании этого мы можем сказать, что государство служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия. Конституция РФ провозглашает: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В действующей Конституции устанавливаются такие личные права человека и гражданина, как право на жизнь, охрана достоинства личности, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, право на неприкосновенность жилища, право на свободу совести, вероисповедания и др. В свою очередь, в сфере социального обеспечения Конституция РФ предусматривает государственные пенсии и различные социальные пособия, кроме того, поощряет добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность [2].

Помимо Основного Закона Российской Федерации в качестве других примеров законодательства, закрепляющего социальные права и свободы человека и гражданина, мы можем выделить Уголовный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Трудовой кодекс РФ и др.

В Уголовном кодексе предусматривается ответственность за нарушение таких свобод, как равенство прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, отказ в предоставлении гражданину информации, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, необоснованный отказ в приеме на работу, невыплата заработной платы, нарушение авторских прав, нарушение изобретательских и патентных прав и др., что в целом определяет характер правоприменения в контексте защиты социальных прав граждан [3].

В свою очередь, в качестве осуществления гарантий социальных прав в трудовой сфере выступает Трудовой кодекс РФ. Так, например, право на индивидуальные споры выступает важнейшей гарантией соблюдения трудовых прав работающих граждан и работодателей в сфере трудовых отношений, порядок разрешения индивидуальных трудовых споров урегулирован в соответствии со ст. 381 Трудового кодекса. Еще одним примером может выступить ст. 409 Трудового кодекса, регулирующая условия и порядок реализации права граждан на забастовку [4].

Социальная согласованность в правоприменении объективируется как условие формирования оптимальных форм правовых отношений, как инструмент осуществления конституционных социальных корреспондирований, обеспечивающий многофункциональность соблюдения, охраны и защиты прав и свобод граждан. Социально определенная согласованность также предстает условием осуществления социально-правового партнерства, которое, в свою очередь, не только как концепция, но и как социально-правовой механизм также способно создавать предпосылки согласованных действий различных субъектов, минимизировать их возможные разнонаправленные действия, отмечается в коллективной монографии «Стратегия права: в поисках гармонии личности и государства» под редакцией О.Ю. Рыбакова [5].

Социальное назначение правоприменительной политики, как и государственно-правовой политики в целом, состоит в необходимости создания таких условий, при помощи которых будут регулироваться и обеспечиваться права и свободы человека, гарантироваться достойная жизнь и свободное развитие в нашей стране. Более четко это выражается в обеспечении грамотного осуществления принципов законности, справедливости, гуманизма, демократизма в деятельности органов правоприменения, а также иных субъектов правовых отношений. Данное положение можно отнести в первую очередь к формированию антикоррупционной правовой политики, существенным образом стоящей на защите прав и свобод социально незащищенных слоев населения [6].

Защита личных прав и свобод человека – неперемнная обязанность всех государственных органов. Человек должен быть уверен в том, что он сам определяет свою судьбу, не забывая при этом, что несет ответственность за собственные решения. Личные качества человека не должны влиять на его статус и взаимоотношения с государственными органами. В развитии и укреплении личных прав, свобод и притязаний всех участников правовых отношений объективно заинтересовано все общество.

Социальная функция правового государства чрезвычайно многообразна как по содержанию, так и по объему деятельности. Эволюция современного общества и государства способствует неуклонному ее расширению и увеличению значимости для реализации и обеспечения всей системы прав человека [7]. Главное ее назначение – обеспечить общественное равновесие, согласие, благополучие, создать равные возможности для всех граждан в их установлении и достижении. Так, например, социальная функция государства при осуществлении правоприменительной политики в отношении лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы (в соответствии с решением Конституционного суда Российской Федерации разрешены длительные свидания с членами семей). То есть социальные права на охрану детства и материнства

супругов, осужденных к пожизненному лишению свободы, должны быть защищены без исключений или преференций той или иной социальной группе.

Многие государства характеризуют себя как социальные, отдельные из них декларируют данное положение в конституционном законодательстве. Это означает, что они считают одной из основных своих задач заботу о всех тех гражданах, кто в силу каких-либо причин не в состоянии обеспечить для себя нормальное существование, достойное человека. Государство проводит политику, направленную на защиту от безработицы, проявляет заботу о детях и нетрудоспособных людях, малоимущих, пенсионерах, детях-сиротах и т.д. [8]. Так, в Конституции Российской Федерации, в частности, сказано: «Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, предусмотренных законом».

В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Аналогичные проблемы адресованы и к лицам, совершившим правонарушения, в том числе преступления.

В реализации социальной функции большое место принадлежит проведению правовой политики в области образования, науки, культуры, здоровья граждан. В указанных сферах социальная функция осуществляется в форме государственной поддержки (финансовой, материальной, программной и др.) образовательных, воспитательных и научных учреждений, учреждений культуры, а также учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, которые должны иметь соответствующее законодательное сопровождение.

Таким образом, мы можем охарактеризовать стратегии современной правоприменительной политики при осуществлении социальной функции государства как сложную и многоаспектную систему, где проявление всех ее свойств и исследование ее места и назначения в системе общей правовой политики государства могут осуществляться с различных позиций. Вместе с тем, она характеризуется единством социального содержания и основных форм его проявления, а также целым рядом других признаков и многочисленностью функций, что позволяет говорить о ней как о самостоятельном правовом явлении в социальном государстве [9].

Литература:

1. Бондарь А.С., Фадеев В.И., Комарова В.В., Комкова Г.Н., Павлушина А.А., Скачкова О.С., Романовская В.Б., Жданов П.С., Сырых В.М., Гаврилова Ю.А., Синюков В.Н., Синюкова Т.В., Сушкова Ю.Н., Байниязова З.С., Степаненко Р.Ф., Смыкалин А.С., Ростова О.С., Биюшкина Н.И., Вопленко Н.Н. и др. Стратегии правового развития России: Коллект. монография / Под ред. О.Ю. Рыбакова. – М., 2015. – С. 15.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 24.05.1996) (в ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступившими в силу с 26.08.2017) (дата обращения: 30.08.2017).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 21.12.2001) (в ред. от 29.07.2016) (дата обращения: 30.08.2017).
5. Бондарь А.С., Фадеев В.И., Комарова В.В., Комкова Г.Н., Павлушина А.А., Скачкова О.С., Романовская В.Б., Жданов П.С., Сырых В.М., Гаврилова Ю.А., Синюков В.Н., Синюкова Т.В., Сушкова Ю.Н., Байниязова З.С., Степаненко Р.Ф., Смыкалин А.С., Ростова О.С., Биюшкина Н.И., Вопленко Н.Н. и др. Стратегии правового развития России: Коллект. монография / Под ред. О.Ю. Рыбакова. – М., 2015. – С. 24.
6. Рыбаков О.Ю. Антикоррупционная правовая политика: понятие и структура. Мониторинг правоприменения. – 2016. – № 1 (18). – С. 11-19.
7. Солдатов Я.В. К вопросу об истории развития теории социального государства: В сб.: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XIII Международ. научно-практич. конф.: В 5-ти т. – 2016. – С. 47-52.
8. Степаненко Р.Ф., Лягин К.А. Основные направления современной правовой политики России. Инновационные подходы в системе высшего профессионального образования: Материалы итоговой научно-практич. конф. преподавателей и аспирантов / Под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой, 2015. – С. 382-386.
9. Лягин К.А., Степаненко Р.Ф. Правовая политика и ее основные направления. Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в России в условиях глобализации: Материалы XV Межвуз. научно-практич. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. Ф.Г. Мухаметзяновой, Р.Ф. Степаненко, 2015. – С. 23-27.

References:

1. Bondar A., Fadeev V., Komarova V., Komkova G., Pavlushina A., Skachkova O., Romanovskaya V., Zhdanov P., Syrykh V., Gavrilova Yu., Sinyukov V., Sinyukova T., Sushkova Yu., Bainiyazova Z., Stepanenko R., Smirnin A., Rostovova O., Biyushkina N., Voplenko N. Strategies for the legal development of Russia: Collective monograph / Edited by O.Rybakova. – M., 2015. – P. 15.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation № 6-FKZ dated December 30, 2008, № 7-FKZ dated December 30, 2008, № 2-FKZ, dated 05.02.2014 № 2-FKZ, dated July 21, 2014 № 11-FKZ).
3. The Criminal Code of the Russian Federation (adopted by the State Duma on May 24, 1996) (amended on July 29, 2017, as amended and effective August 26, 2017) (date of circulation: August 30, 2017).
4. The Labor Code of the Russian Federation (adopted by the State Duma on December 21, 2001) (as amended on July 29, 2013 (date of circulation: August 30, 2017).

5. Bondar A., Fadeev V., Komarova V., Komkova G., Pavlushina A., Skachkova O., Romanovskaya V., Zhdanov P., Syrykh V., Gavrilova Yu., Sinyukov V., Sinyukova T., Sushkova Yu., Bainiyazova Z., Stepanenko R., Smirmin A., Rostovova O., Biyushkina N., Voplenko N. Strategies for the legal development of Russia. Collective monograph / Edited by O.Rybakov. – M., 2015. – P. 24.

6. Rybakov O. Anticorruption legal policy: concept and structure. Monitoring of law enforcement. – 2016. – № 1 (18). – С. 11-19.

7. Stepanenko R., Lyagin K. The main directions of modern legal policy in Russia. Innovative approaches in the system of higher professional education. Materials of the final scientific-practical conference of teachers and post-graduate students / Edited by F.Mukhametzyanova, 2015. – P. 382-386.

8. Lyagin K., Stepanenko R. Legal policy and its main directions. Society, state, personality: modernization of the system of relationships in Russia in the context of globalization: Materials of the 15th Interuniversity scientific-practical conference of students, undergraduates, graduate students and young scientists / Edited by F.Mukhametzyanova, R.Stepanenko, 2015. – P. 23-27.

УДК 340

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA: THE RETROSPECTIVE ANALYSIS

СОЛДАТОВ Я.В., канд. ист. наук, доцент, Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: yacovsoldatov@yandex.ru

SOLDATOV Ya., PhD in History, assistant professor, the University
of Management «TISBI»
E-mail: yacovsoldatov@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу формирования и эволюции основ местного самоуправления в России. Анализируются достоинства и недостатки системы отечественных органов местного самоуправления на разных этапах ее развития.

Ключевые слова: местное самоуправление, земство, местное управление, Советы.

Abstract

The article is devoted to the analysis of formation and evolution of the foundations of a local self-government system in Russia. The advantages and disadvantages of the domestic system of local governments at different stages of its development are analyzed.

Key words: local self-government, zemstvo, local government, Councils.

Согласно действующему законодательству все граждане Российской Федерации имеют равные права на осуществление местного самоуправления, под которым понимается форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [1]. С развитием местного самоуправления неразрывно связан процесс построения правового государства. Данным обстоятельством обусловлена актуальность обращения к историческому аспекту развития местного самоуправления в нашей стране.

Не придавая особого внимания развитию элементов самоуправления в Древней Руси, обратимся к опыту его становления в условиях создания централизованного государства. Именно в этот период впервые в истории российской государственности указом Ивана IV в 1555 г. были введены начала выборности самоуправления в системе государственного управления. При этом земские власти наделялись широким кругом полномочий в финансовой, судебной и иных областях управления. Земская реформа, призванная уничтожить пережитки удельной системы управления, ослабить позиции боярства, усилила централизацию государственной власти и укрепила местный аппарат управления в интересах дворянства и купечества, являвшихся социальной опорой царской власти.

В XVII в., стремясь к дальнейшей централизации и абсолютизации, центр передает всю полноту власти на местах назначаемым им воеводам, которые постепенно вытесняли выборных должностных лиц.

В XVIII в. предпринятые центральной властью попытки развития городского самоуправления в основном были вызваны необходимостью определения правового положения городского населения, активизации развития промышленности и товарно-денежных отношений, создания общественных структур, способных выдвинуть из своей среды лиц, которые могут осуществлять государственное управление. Именно этим целям было посвящено реформирование местного самоуправления, проводимое в периоды правления Петра I и Екатерины II.

В середине XIX в. перед российским обществом и государством острейшим образом встал вопрос о проведении социально-экономической модернизации, способствующей переходу к принципиально новому типу развития – индустриальной цивилизации.

Осуществление подобной модернизации повлекло за собой коренные социальные и политические изменения, утрата контроля за которыми грозила обществу революционным взрывом. Гибкая, адекватная сложившимся условиям система управления могла спасти страну от социальных катаклизмов. Отмена крепостного права лишала состоя-

тельности существовавшую систему местного управления, ключевым элементом которой являлся помещичий контроль над крепостными крестьянами. Численно доминировавшее крестьянство, изменившее свой правовой статус в ходе реформы, необходимо было интегрировать в общественно-политическую жизнь.

Убежденность в необходимости модернизации местного управления сформировалась уже в процессе подготовки крестьянской реформы 1861 г. В октябре 1859 г. Александр II отдал распоряжение подготовить проект реформы губернского управления, предусматривающего участие каждого сословия в управлении местной хозяйственной жизнью. Летом 1862 г. проект «Положения об уездных и губернских учреждениях» получил одобрение императора. По его указанию были опубликованы главные идеи будущей земской реформы, что должно было привлечь внимание общественности к выработке новых форм организации социальных взаимодействий, направленных на достижение социального мира и прогресса. Утверждение «Положения об уездных и губернских земских учреждениях» состоялось 1 января 1864 г.

Система земского самоуправления вводилась первоначально на территории 34-х центральных губерний Российской Империи. На национальные окраины это нововведение не распространялось в связи с тем, что у царской администрации существовали законные опасения превращения данных органов в центры национально-освободительной борьбы. Земские органы самоуправления вводились на двух уровнях: уездном и губернском. В 1917 г. была предпринята попытка введения местного самоуправления на волостном уровне, но, к сожалению, ее воплощение было прервано революционными событиями. Система земских учреждений включала в себя: земские избирательные съезды, созывавшиеся один раз в три года для избрания земских гласных земских собраний; земские собрания, являвшиеся представительными органами, обладавшими распорядительными полномочиями; земские управы – исполнительные органы. Выборы в земские учреждения осуществлялись по трем избирательным куриям: курии уездных землевладельцев, городской и сельской куриям. По третьей курии выборы носили трехступенчатый характер. Крестьяне на волостном сходе выбирали выборщиков, которые, участвуя в уездном собрании выборщиков от сельской курии, выбирали своих представителей в уездное земское собрание.

Созданная система самоуправления главной своей целью, по мысли законодателя, имела передачу компетенции по решению вопросов «местных польз и нужд» на уровень самоуправления, то есть деятельность органов местного самоуправления ограничивалась местными хозяйственными проблемами. Однако практическая работа земств выходила за установленные изначально рамки. Земские органы самоуправления, будучи институтом гражданского общества, превратились

в мощнейший инструмент его развития [2]. В научной литературе традиционно выделяется три основных направления земской деятельности: организация системы здравоохранения, образовательная и экономическая политика. Земская система здравоохранения способствовала реализации права граждан на охрану здоровья и оказания медицинской помощи. Образовательная политика органов местного самоуправления была направлена на ликвидацию безграмотности, повышение общекультурного уровня населения. Содержанием политики земств в сфере экономики была деятельность, направленная на создание условий для формирования слоя экономически активного населения, способного самостоятельно обеспечить себя необходимыми благами, заинтересованного в прогрессивном развитии местного сообщества и территории. Обобщая земский период в развитии местного самоуправления, России необходимо отметить весомое социально-экономическое значение деятельности земских органов для развития общества, а также их роль в осознании населением своих прав на осуществление местного самоуправления.

Революционный кризис 1917 г. прервал поступательное развитие земского самоуправления, на смену которому были созданы Советы. До начала периода новой экономической политики они управляли местным хозяйством, выполняя, по сути, политические и экономические функции центральной власти на местах. На этапе НЭПа, когда были введены элементы рыночной экономики, особое значение придавалось развитию инициативы местных органов государственной власти с предоставлением определенной доли самостоятельности. После НЭПовского периода и вплоть до хрущевской оттепели фактически можно говорить об отсутствии системы местного самоуправления, на смену которой пришла система всеобъемлющего государственно-партийного управления. Компетенция и содержание деятельности местных Советов были кардинально пересмотрены и сводились к безоговорочному исполнению указаний центральной власти.

Во времена правления Н.С. Хрущева был взят курс на расширение предоставляемых Советам прав и увеличение доли их самостоятельности. В действительности все эти начинания не воплотились в жизнь. Напротив, были ослаблены роль и значение Советов во всех сферах жизни общества.

Незадолго до распада СССР в период Перестройки проводились реформы государственного устройства, затронувшие и основы местного самоуправления. В результате Советы получили помимо широких полномочий определенную экономическую основу своей деятельности в виде бюджета и закрепленной за ними собственности. Тем самым так называемая «советская модель» местного самоуправления была ликвидирована. В 1993 г. произошла передача полномочий Советов соответ-

ствующим органам местной власти. Таким образом, в советский период можно говорить о фактическом отсутствии местного самоуправления, поскольку оно входило в состав государственного механизма. Следовательно, реализация права граждан на местное самоуправление в данный исторический отрезок не представлялась возможной.

Современный этап в развитии местного самоуправления характеризуется небольшой продолжительностью и незавершенностью проводимой реформы, одной из основных целей которой является создание благоприятных условий для реализации гражданами их права на осуществление местного самоуправления.

Анализ исторического опыта развития местного самоуправления в России убеждает нас в наличии влияния жесткой централизации всей системы управления на его эволюцию. На определенных этапах исторического развития России существовавшая структура местного самоуправления отражала интересы не граждан, а, в первую очередь, центральной власти. В то же время можно констатировать, что в отдельные периоды системы местного самоуправления эффективно функционировали, оказывая положительное воздействие на социально-экономическое развитие общества.

Литература:

1. ФЗ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 10.08.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
2. Солдатов Я.В. Казанское земство в период Первой мировой войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Казанский государственный университет. – Казань, 2004.

References:

1. Federal Law No. 131-FZ dated October 6, 2003 (as amended on August 10, 2017) «On general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation».
2. Kazan Zemstvo during the First World War. Soldatov Ya.V. Dissertation, the author's abstract for a scientific degree of the candidate of Historical sciences / Kazan State University. Kazan, 2004

УДК 340.12

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE LEGAL CULTURE OF RUSSIA IN THE PERIOD OF PETER I: HISTORICAL ASPECTS

ЮН Л.В., ст. преподаватель, Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: yun.lara@yandex.ru

YUN L., senior lecturer, the University of Management «TISBI»
E-mail: yun.lara@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности функционирования правовой культуры периода правления Петра I. Внимание уделено причинности и факторам, влияющим на качество и состояние правового сознания и правовой культуры рассматриваемого периода.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая культура, правовое воспитание, правовые реформы, развитие законодательства.

Abstract

The article deals with the features of functioning of legal culture during the reign of Peter the Great. The author pays special attention to causality and factors affecting the quality and condition of legal consciousness and legal culture during the period under review.

Key words: legal consciousness, legal culture, legal education, legal reforms, development of legislation.

Правовая культура является одним из особо важных элементов правовой системы в любом государстве. Хотелось бы отметить, что правовая культура определяет уровень правосознания, правопонимания и законности. Для того чтобы определить, каковы были правовая культура, уровень правосознания в петровский период времени, необходимо вначале раскрыть содержание понятия правовой культуры.

«Правовая культура – это обусловленная экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность общей культуры, представляющая собой меру освоения и использования накопленных человечеством правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности от поколения к поколению» [3, с. 429].

На качественное состояние правовой культуры влияют следующие факторы, которые, в свою очередь, являются основополагающими:

- а) характер воспитания;
- б) качественный уровень образования;

в) распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения с помощью средств массовой информации.

При формировании правовой культуры необходимо решить ряд важных задач:

– Во-первых, обеспечить надлежащую ориентацию в основополагающих принципах правовой системы государства.

– Во-вторых, создать базу для повышения уровня правового поведения субъектов права. Можно привести следующую субъектную классификацию, которая типологизируется на групповую и индивидуальную, а также культуру общества.

1. Групповая правовая культура – это культура группы, коллектива.

2. Индивидуальная правовая культура – это правовая образованность самого человека, включая высокое правосознание, подчинение своего поведения требованиям правовых норм.

3. Правовая культура общества охватывает его духовную сферу, ценности, которые были накоплены историей.

Особенно важными характеристиками правовой культуры являются ее национально-исторические особенности и корни. Они представляют собой «правовую преемственность», так как каждый исторический этап передает другому свой опыт как основу, из которой должно развиваться новое право. Преемственность определяет связь старого с новым в процессе своей эволюции [7, с. 286-289].

Государство должно уделять большое внимание своей правовой культуре, потому что оно на нее опирается, регулирует и использует ее в своих интересах. В истории каждого государства непременно есть периоды, когда воздействие государства на правовую культуру становится особенно важным. Данные моменты совпадают с крупными реформами или же революциями. В России с чрезвычайно богатой историей выделяется несколько периодов особого влияния со стороны государства на формирование правовой культуры общества в целом и личности, в частности.

В данной работе мы уделим внимание особенностям правовой культуры исторической эпохи реформ Петра I, которая характеризуется внедрением официального петербургского западничества на основе абсолютной монаршей власти [2].

Реформы Петра I были обусловлены следующими немаловажными причинами:

– Во-первых, в середине XVII в. отчетливо выразились черты финансово-экономического кризиса страны. Последний был вызван преодолением последствий Смутного времени, неурожайными годами, эпидемиями, несовершенством денежной системы и т.д.

– Во-вторых, кризисом русского общества, который, в свою очередь, проявился в сфере общественного сознания. Многие люди, привыкшие жить «по-старому», были удивлены той ожесточенной борьбой, которая развернулась во второй половине XVII в. в Русской православной церкви между сторонниками патриарха Никона и сторонниками протопопа Аввакума, что способствовало разделению всех православных на два непримиримых лагеря: никониан и старообрядцев. Идеальный кризис русского общества еще больше обострился в начале 80-х гг. XVII в., во время драматических событий 1682 г. В данный период времени история России свидетельствовала, что кризис в стране получил еще два новых аспекта – династический и одновременно политический. Он продолжался довольно долго (до 1689 г.) и в немалой степени способствовал расшатыванию некогда незыблемых основ традиционного общества и его правовой системы и государственности в целом.

– В-третьих, несовершенством судоустройства и судопроизводства, организационным и функциональным единством органов правосудия и управления, отсутствием судов общей юрисдикции, отсутствием единства в устройстве судебной системы, а также строго регламентированного порядка прохождения дел по инстанциям, доминированием частного обвинения на начальной стадии уголовного процесса.

– В-четвертых, при всех достижениях в развитии отечественного законодательства в XVII в. к исходу столетия сложилось далеко не лучшее положение с его систематизацией. Проблема заключалась в постоянно нараставшей во второй половине XVII в. интенсивности законодательского процесса. Так, если в 1645-1676 гг. в России в год в среднем издавалось 23 законодательных акта, то в 1676-1682 гг. – 24, а в 1682 – 1696 гг. – уже 44. Согласно подсчетам А.Г. Манькова, с января 1649 по январь 1696 гг. было принято 83 законодательных акта, относившихся только к судопроизводству. В результате «Уложение» 1649 г. стремительно «обрастало» всякого рода дополнениями и изменениями. Между тем, на протяжении 1650-1690-х гг. не было предпринято никаких мероприятий по систематизации процессуального законодательства в виде кодификации, консолидации, инкорпорации.

– В-пятых, до начала XVIII в. система управления на Руси была довольно сложной и запутанной. Принципы властвования и цели, которые ставила перед собой государственная власть, не были определены. Присоединяемые к Московскому княжеству земли в известной степени сохраняли свою целостность и самостоятельность. В связи с этим административно-территориальное деление было хаотичным, что одновременно затрудняло и управление соответствующими территориями. Центральная власть в регионах была представлена наместниками и воеводами, но часто она распространяла свое действие только на тот населенный пункт, в котором они находились. Административно-хозяй-

ственные, судебные, фискальные и военные функции выполнялись наместниками недостаточно рационально в связи с отсутствием эффективного механизма управления [2, с. 80].

Кроме того, сущность регионального властвования в России на протяжении всего периода развития государственности была обусловлена тем, что границы российского государства никогда не были постоянны, они на протяжении российской истории неизменно расширялись, что требовало находить все более эффективные способы управления вновь присоединенными территориями.

При проведении реформ петровского периода правления в России начинается существенная законодательная деятельность, направленная на детальную, порой мелочную, регламентацию всех сторон жизни страны. Благополучное развитие страны было возможно лишь при условии принятия соответствующих законов, а потому борьба за их издание и реализацию стала важнейшей чертой и задачей государственной деятельности.

Однако интенсивный рост законодательного массива становится политической проблемой для Петра I, чья реформаторская деятельность способствовала росту количества узаконений, отражавших перемены в системе государственного управления и правового регулирования. Все это привело к тому, что Петр I отдельно озабочился созданием ясного и доступного законодательства для подданных, видя в законе средство эффективного государственного управления. Количество законов, изданных в начале XVIII в., когда Петр I впервые поставил вопрос о необходимости их упорядочивания, составляло 1821, а в первой четверти XVIII в. в среднем издавалось до 100 указов [2].

Эпоха Петра I характеризуется несовершенностью традиций Московского государства и зарождением новой, европеизированной, российской культуры, в том числе ее правовой компонент. Известный историк права Э. Аннерс считает, что заимствование права из одной правовой системы в другую происходит по двум причинам: первая – это общепризнанный авторитет норм, закона; вторая – рецепция римского права, которая как раз применима для петровской России. Это вынужденное заимствование «...исключительно в силу того обстоятельства, что оно испытывает острую необходимость в применении более совершенных правовых норм, намного превосходящих его собственные правовые конструкции юридической техники» [2].

Данные преобразования Петра I оказали сильное влияние на формирование именно в данный момент правовой культуры государства. В ранний период царствования Екатерины II петровские реформы были подкреплены идеями «просвещенного абсолютизма», которые в конституционном плане так и остались на бумаге, но в то же самое время

развитию просвещения, а также правовой культуры несомненно способствовали [2].

Особенности российского абсолютизма повлияли на формирование особенностей правовой культуры того периода. Постоянное вмешательство государства во все области общественной и личной жизни породило в правовом сознании жителей России невысокий уровень правовой культуры.

Во время правления Петра I всевозможные новеллы охватывали разные стороны жизни общества, но в них нетрудно было обнаружить основную цель – европеизировать страну, поднять ее до уровня современных государств [4, с. 42]. Период правления Петра Великого, несомненно, является одной из ярчайших страниц нашей истории. Его реформы оставались предметом многочисленных исследований и споров на протяжении долгого периода времени. Нередко можно встретить прямо противоположные научные оценки сопоставления Московской Руси XVII в. и Петровской Руси.

Славянофилы утверждали, что Петр I «разрушил начала самобытного развития русского народа, основанные на добровольном союзе и отношениях земли»; царю принадлежали неограниченная власть, свобода действия и закон, народу – полная свобода жизни и духа, свобода мнения и слова; например, К.С. Аксаков считал, что при первом императоре был «переломлен весь строй русской жизни» [2]. С другой стороны, достаточно часто можно встретить высказывания, что «своей неутомимой деятельностью Петр Великий вывел Россию на новый путь, разрушив одновременно с этим гнет предшествующего уклада жизни» [2].

На наш взгляд, в период петровского времени правовая культура была на достаточно низком уровне, в том числе и по причине дифференциации субъектного состава населения:

- 1) духовенство, дворянство;
- 2) крестьяне.

Дворянство как субъект правоотношений петровского периода представляло собой господствующую социальную группу, диктующую всему обществу свои культурные, политические, а также правовые ценности и представления [1, с. 105].

Крестьяне, которые занимали низшую ступень в сословной иерархии, больше всего испытывали на себе тяготы нужды и войны. Строительство городов, развитие промышленности, содержание государственного аппарата к ранее существовавшим налогам добавили еще и новые: рекрутскую повинность, мобилизацию на строительные работы, специальные налоги (корабельные, драгунские, амуничные, седельные и др.). Например, перечисленные налоги обязывали крестьянское население поставлять телеги для перевозки грузов и рекрутов к театру

военных действий, обеспечивать рекрутов ночлегом и пропитанием [5, с. 46-54].

Устранение социального неравенства было наиважнейшей задачей того периода, но способы, которые использовал Петр, особенно в отношении маргинальных (необеспеченных и социально незащищенных) слоев, только все больше увеличивали повинности, вводимые Петром в интересах укрепления российской государственности, но в меньшей степени в интересах граждан России. Безусловно, это не могло не отразиться негативно на восприятии, признании права и развитии правосознания большинства населения России рассматриваемого периода [6, с. 25-30].

Можно с уверенностью говорить о том, что в XVIII веке государство способствовало развитию и формированию правовой культуры России двояко. С одной стороны, государство начинает бороться с правовой неграмотностью населения. Правовое воспитание школьников и студентов посредством введения в учебные заведения правоведческих наук позволяет говорить о позитивном развитии государства и правовой культуры на тот момент. С другой стороны, значительное вмешательство во все сферы жизнедеятельности человека и превышение пределов правового регулирования понижали авторитет и уважение к правовым реформам петровского периода, что, соответственно, не способствовало развитию правовой культуры.

Таким образом, реформы Петра I значительно изменили содержание правовой культуры русского общества, прежде всего по причинам всевозрастающей роли законодательства в политике самодержавной власти. Закон стал чаще использоваться в качестве инструмента государственных преобразований, для создания и укрепления нового общественного и правопорядка. В содержание основополагающих законодательных актов стали включаться не только правовые нормы, но и новые догмы официальной политической идеологии. Европейская преемственность в законотворчестве способствовала созданию централизованного государственного аппарата и впоследствии обусловила необходимость подготовки высококвалифицированных чиновников, в том числе в области юриспруденции [2]. Именно им было доверено развивать в дальнейшем правовое сознание, правовую культуру россиян, о качестве которой следует задуматься сегодня.

Литература:

1. Исаев И.А. Правовая культура России: Учебн. пос. – Изд. «Проспект», 2015. – С. 105.
2. Климачков В.М., Шатилов С.П. Становление и развитие юридического образования в России: Монография. – Барнаул, 2014. – 100 с.
3. Мартышин О.В. некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. – 2003. – № 10.

4. Павленко Н.И. Петр I. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2000.
5. Степаненко Р.Ф. Проблемы российского правосознания в контексте общеправовой теории маргинальности. Ученые записки Казанского ун-та. – Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4. – Т. 155. – С. 46-54.
6. Степаненко Р.Ф. Особенности правового сознания и правовой культуры маргинальной личности. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 24. – С. 25-30.
7. Юн Л.В. Исторические особенности эволюции российской правовой культуры // Научно-правовой ж-л «Образование и право». – 2017. № 4. – С. 286-289.

References:

1. Isaev I. Legal culture of Russia: Tutorial. – Publishing house «Prospekt», 2015. – С. 105.
2. Klimachkov V., Shatilov S. Formation and development of legal education in Russia: Monograph. – Barnaul, 2014. – 100 p.
3. Martyshin O. Some features of the Russian legal and political culture // State and Law. – 2003. – № 10.
4. Pavlenko N. Peter I. – 3rd ed., Rev. – M.: Mol. Guard, 2000.
5. Stepanenko R. The problems of Russian sense of justice in the context of the general legal theory of marginality. Scientific notes of Kazan Federal University. – Series: The humanities. – 2013. – V. 155. – № 4. – P. 46-54.
6. Stepanenko R. Features of legal consciousness and legal culture of a marginal personality. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – № 24. – P. 25-30.
7. Yun L. Historical features of the evolution of the Russian legal culture // The Education and the Law. A scientific and legal journal // 2017. – № 4. – P. 286-289.

ВОСПОМИНАНИЯ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ПИСЬМА

MEMORIES, CONGRATULATIONS, LETTERS

УНИВЕРСИТЕТ УПРАВЛЕНИЯ «ТИСБИ» – НАШ ОБЩИЙ ДОМ

THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI» IS OUR COMMON HOME

ЯКУБОВА Л.М., канд. ист. наук, доцент Университета управления «ТИСБИ»

YAKUBOVA L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the University of Management «TISBI»

Обозревая историю развития Университета управления «ТИСБИ» за 25 лет, нельзя не остановиться на присоединении к нему в 1998 г. негосударственного высшего учебного заведения КИБУ (Казанский институт бизнеса и управления).

КИБУ, к тому времени просуществовавший 5 лет, имел филиалы в Нижнекамске и Альметьевске, сеть школ и детский сад, всего около 1500 учащихся дневной и заочной форм обучения по специальностям «Экономика» и «Менеджмент».

Причиной присоединения КИБУ к ТИСБИ были разногласия в составе учредителей этого вуза и, как следствие, просроченная аккредитация, которая ставила в невыгодное положение студентов-выпускников (статус диплома). Потеряв время и сменив старое руководство на новое (ректором КИБУ стала проректор и один из учредителей вуза – Якубова Л.М.), совет учредителей принял решение о слиянии КИБУ с другим негосударственным вузом. Был выбор: присоединиться к какому-либо из трех ведущих негосударственных вузов Казани (ИЭУП, КСЮИ и ТИСБИ).

Решение о вхождении в состав ТИСБИ было единогласным, так как учредители КИБУ знали Нэллу Матвеевну Прусс многие годы как профессионального, очень порядочного и надежного человека. Проблема присоединения была в том, чтобы за 4 месяца (дело было в конце февраля 1998 г.) успеть согласовать учебные планы двух вузов, скоординировать работу по выпуску 5-х курсов экономистов и менеджеров, чтобы те получили полноценные дипломы ТИСБИ. Со стороны ТИСБИ комиссию по присоединению КИБУ возглавил декан экономического факультета Михаил Петрович Посталюк – прекрасный организатор и творческий человек, вместе с которым мы прошли этот трудный путь. Все завершили в срок, выпускники сдали экзамены и получили

дипломы ТИСБИ; остальные студенты вошли в состав экономического факультета.

Студенты КИБУ всех курсов были довольны (не было ни одной претензии): к этому времени ТИСБИ зарекомендовал себя как ведущий и инновационный негосударственный вуз Казани, и учиться в нем стало престижно. Со временем студенты КИБУ закончили ТИСБИ, некоторые из них остались преподавать, защитили диссертации, сделали научную, педагогическую или административную карьеру. Преподавателями стали М.В. Тюрина (Вислогузова), В.Ю. Гусарова, И.В. Курт. В их числе была и Анна Михайловна Найда – ныне канд. экон. наук, декан факультета управления, мама троих детей, «Женщина 2015 года», очень интеллигентный, компетентный и уважаемый человек, не растерявший душевной теплоты и любви к коллегам и студентам.

Несколько слов необходимо сказать о сотрудничестве со школами № 146, № 4, французской гимназией № 9 и особенно школами № 55 (директор – Любовь Дмитриевна Романова) и № 80 (где директором была Людмила Николаевна Нугуманова – ныне ректор Университета управления «ТИСБИ», прекрасный руководитель и высокопрофессиональный педагог). Эти школы долго и плодотворно сотрудничали и сотрудничают с нашим Университетом.

В двух последних школах и в детском саду № 263 уже в рамках ТИСБИ велась в дальнейшем интересная работа. Была разработана программа для учеников и детсадовцев, включавшая три направления: обучающее, развивающее и оздоравливающее применительно к младшему, среднему и старшему звеньям школьного обучения и детсадовцам. Например, в начальном звене «обучающее направление» включало усиленный английский язык, этикет и новые методики преподавания русского, татарского языков и математики. В «развивающем направлении» были задействованы эвристика, творческие игры, мини-тренинги, шахматы; «оздоравливающее направление» включало карате. Все это проводилось на базе разработанной концепции, учебных планов, в том числе школьных. Сначала многие предметы велись преподавателями ТИСБИ (в дальнейшем – учителями этих школ). В старших классах ученики изучали «Основы экономических знаний» (в других школах этого еще не было), активно участвовали в вузовских олимпиадах, конкурсах, конференциях под руководством также вузовских преподавателей.

В течение многих лет в детский сад № 263 ходили дети и внуки наших преподавателей, студентов, и попасть туда было нелегко. Деканом факультета по довузовскому образованию была и в КИБУ, и в ТИСБИ Третьякова Эвелина Евсеевна – замечательный человек, «педагог от Бога» и деятельный администратор. То, что эти школы долгое время сотрудничали с ТИСБИ, было ее заслугой. Не секрет, что работа школьных учителей и директоров очень трудная и нервная; чужаков они

принимали настороженно. Но Эвелина Евсеевна сумела завоевать их доверие и уважение, стала родной; многие выпускники этих школ, не колеблясь, пошли учиться в ТИСБИ и стали его гордостью.

После присоединения к ТИСБИ многие преподаватели и сотрудники КИБУ были приняты здесь с редкой теплотой и работают многие годы.

Вместе со мной в ТИСБИ перешел мой сын Якубов Марат Рафаэлевич, уже имевший высшее техническое образование (КГТУ, инженер по автоматизации) и получивший второе высшее экономическое образование (ныне он канд. экон. наук, доцент, защитил диссертацию в «ТИСБИ»). Он прекрасно знает маркетинг и логистику, но никуда не хочет уходить из «ТИСБИ», так как этот вуз стал для него родным и очень нужным в жизни.

Университет управления «ТИСБИ» с гордостью носит звание элитного и семейного вуза, где работают династии преподавателей. Перечислю некоторые из них. *Династия Посталюков*: д-р экон. наук, профессор Михаил Петрович; его сын – канд. экон. наук, доцент Тарас Михайлович; его дочь – канд. пед. наук, доцент Бобиенко Олеся Михайловна; *династия Савушкиных*: д-р экон. наук, профессор Владимир Максимович; его сын – канд. экон. наук, доцент, проректор по качеству Максим Владимирович. *Династия Сундуровых*: д-р юрид. наук, профессор Федор Романович; его дочь – канд. юрид. наук, доцент

Оксана Федоровна. *Династия Рейнлиб*: профессор Михаил Израилевич и его внучка Майорова Алина Андреевна – ассистент кафедры юридического факультета. *Династия Уткиных*: начальник Учебной части Нина Александровна и ее дочь – канд. хим. наук, доцент Евгения Игоревна. *Династия Аврах*: менеджер ИНО (Института непрерывного образования) Марина Яковлевна и ее дочь – канд. юрид. наук, доцент Анна Марковна. И, конечно, *главная династия*: супруги Прусс Нэлла Матвеевна – Президент Университета управления «ТИСБИ» и Пекерман Захарий Мусиевич – декан факультета дистанционных технологий; их зять Дружков Сергей Николаевич – директор Центра девиантологии.

Здесь работают не только династии преподавателей, но и учатся династии студентов – дети одной семьи в разное время и на разных курсах, дети и родители (по заочной форме обучения или по дистанционной).

Как видим, Университет управления «ТИСБИ» действительно стал родным вузом как для сотрудников, преподавателей, так и для студентов.

С Нэллой Матвеевной Прусс мы были знакомы давно, не раз ездили в Москву на съезды ректоров негосударственных вузов, входили в Ассоциацию предпринимателей Татарстана, в другие общественные

организации. Нэлла Матвеевна – очень талантливый руководитель. Я всегда ее сравнивала с Маргарет Тэтчер по силе характера, по деловой хватке, по умению подбирать людей на руководящие должности, по умению выстраивать коммуникации. Ведь вести корабль по имени «ТИСБИ» по «бурному морю 1990-х годов» было очень трудно, и далеко не все выдержали эту гонку с препятствиями. Я рада, что мне удалось поработать под руководством Н.М. Прусс, многому научиться у нее и многое понять. Она сумела создать замечательный Университет, где интересно и комфортно учиться и работать.

В заключение нам вместе с сыном Маратом хотелось бы пожелать Университету управления «ТИСБИ» в его 25-летие замечательных, талантливых и успешных студентов, молодых профессиональных и креативных педагогов и исполнения всех намеченных грандиозных планов!

Живи и радуй нас, прекрасный «ТИСБИ»!

Ты молод, но уже мудрец по жизни.

Благодаря труду, любви и Нэлле

Мы – впереди, мы все стремимся к цели:

Инновационной. И нас ждет успех.

Мы были, есть и будем лучше всех!!!

ИСТОРИЯ УСПЕХА ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА УНИВЕРСИТЕТА УПРАВЛЕНИЯ «ТИСБИ»

THE HISTORY OF SUCCESS OF THE PERSONNEL OF THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»

*КОЛЕСНИКОВА Р.А., ст. преподаватель кафедры «Финансы и кредит»
Университета управления «ТИСБИ»*

*KOLESNIKOVA R., a senior lecturer, Finance and Credit Chair,
the University of Management "TISBI"*

Университет управления «ТИСБИ», основанный четверть века назад, является одним из первых негосударственных вузов России. Его история берет начало в 1992 г., когда по инициативе Нэллы Матвеевны ПРУСС был создан Татарский институт содействия бизнесу (ТИСБИ).

Впервые о Татарском институте содействия бизнесу в год его создания я узнала от старшего сына, который учился на дневном отделении Казанского авиационного института, на 5-м курсе факультета «Авиационные двигатели». Сын принял решение получить экономическое образование на заочном отделении ТИСБИ.

Уникальность модели экономического образования в Университете управления «ТИСБИ» обеспечивается его инновационной составляющей.

К учебному процессу активно привлекаются специалисты-практики, которые погружают студентов в реальную профессиональную деятельность.

При подготовке специалистов для работы в банковской системе воспитываются следующие профессиональные и личностные качества экономиста банковской системы:

– Понимание сущности и социальной значимости своей будущей профессии.

– Способность к саморазвитию.

– Умение успешно применять полученные знания и навыки в своей трудовой деятельности.

– Способность оперативно управлять малыми коллективами и группами, сформированными для реализации экономического проекта.

– Умение самостоятельно и своевременно принимать решения.

– Способность принимать на себя ответственность за результат своей работы и деятельности подчиненных.

Окончив Казанский авиационный институт и получив высшее экономическое образование в ТИСБИ, сын был направлен на работу в Москву, в филиал Татинвестбанка и проработал там до закрытия по решению головного банка.

Образование и воспитание неразделимы

В учебном заведении много внимания уделяется духовно-нравственному развитию, воспитываются чувства достоинства, чести и честности, уважения к родителям, старшему поколению. Подтверждением этому является, например, проведение Международного Дня инвалидов, благотворительных акций «Человек – большое сердце», Вахты Памяти на мемориальных кладбищах, «Международного Дня семьи», дней семейных пар «ТИСБИ», чаепитий у ректора.

Одним из популярных мероприятий по приобщению студентов к культурному наследию является посещение занятий в Институте культуры, созданном при Университете управления «ТИСБИ», которым руководит профессор кафедры финансов, музыкант и художник Марк Соломонович Шмулевич. В программах института предусмотрены мероприятия по распространению произведений искусства и культуры, направленные на популяризацию традиционных российских, культурных, нравственных и семейных ценностей.

В нашем учебном заведении под руководством юридического факультета проводятся День юриста, День работников прокуратуры Российской Федерации, которые способствуют развитию и совершен-

ствованию федеральной, региональной и муниципальной нормативной правовой базы в сфере воспитания студенческой молодежи в соответствии с государственной политикой Российской Федерации в области воспитания.

Проблемы гражданского патриотического воспитания находятся в центре внимания учебно-воспитательного процесса Университета управления «ТИСБИ». Ярким примером этого является проведение внутривузовского фестиваля студенческого творчества, мероприятий, посвященных Дню Победы.

Я счастлива, что сегодня участвую в праздновании 25-летия славного Университета управления «ТИСБИ».

Каждый трудовой день для меня гордость и праздник! Это совершенно искренне!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТУ УПРАВЛЕНИЯ «ТИСБИ»

CONGRATULATIONS TO THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»

МАМАЕВА А.А., зам. декана факультета информационных технологий, выпускница группы БИ-616М факультета ИТ 2016 г.

МАМАЕВА А., IT Chair, Deputy Dean of the IT faculty, a 2016 graduate, majoring in Business Informatics

Я знакома с Университетом управления «ТИСБИ» с 2013 г. С первых минут было понятно, что «ТИСБИ» – это организация высокой культуры. Первая встреча состоялась еще в августе, в аудитории Приемной комиссии, где царил настоящая семейная атмосфера. Познакомившись тогда с вузом, я сразу поняла, что это любовь с первого взгляда. На торжестве в честь Дня знаний новоиспеченных студентов встречал оркестр: девушки в красивых платьях играли на скрипках приятные мелодии.

Чем больше я узнавала Университет, тем ближе он мне становился. За 4 года обучения он научил меня многому. Здесь я получила не только академические знания от высококвалифицированных преподавателей, но и ценный опыт общественной деятельности. Учиться в «ТИСБИ» и не быть активистом крайне сложно, ведь Университет дает огромное количество возможностей для саморазвития, и упускать их нельзя. Поэтому за время обучения я стала более организованной, самостоятельной, сумела воспитать в себе лидерские качества и не растерять свои творческие способности. Студенческая жизнь – лучшая пора в жизни, а в «ТИСБИ» она становится еще ярче и насыщеннее.

Получив на руки диплом о высшем образовании, расстаться с горячо любимым Университетом я не смогла. Сегодня я молодой препода-

даватель, ассистент кафедры информационных технологий. Влиться в рабочий коллектив было нетрудно, ведь большая семья «ТИСБИ» всегда поддержит и направит на правильный путь.

Будучи выпускницей нашего вуза, а ныне – преподавателем, я понимаю особенности, вижу преимущества обучения в «ТИСБИ» и стараюсь не понижать его планку. В глазах студентов я вижу отклик на свои старания. Студенты влюбляются в родной Университет, проводят здесь большую часть своего времени, и не понапрасну. Ведь по окончании «ТИСБИ» они становятся высококлассными, широко развитыми специалистами, целеустремленными и уверенными в своих силах.

В этом году наш любимый Университет празднует 25-летний юбилей. От лица выпускников и молодых преподавателей хочется пожелать вузу процветания и успехов и, пользуясь случаем, поблагодарить руководство вуза и всех его сотрудников за все то, что они делают для студентов, – это величайший труд! Поздравляем «ТИСБИ»!

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА И АННОТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ И СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

UNESCO: EDUCATION, SCIENCE, CULTURE

CHANGE STRATEGY: THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI» MEETS THE CHALLENGE OF TIME

PRUSS N., PhD, President of the University of Management «TISBI»

E-mail: tisbi@tisbi.ru

POLYAKOV D., PhD, Vice-Rector for Academic Affairs, University of Management «TISBI»

E-mail: dpolyakov@inbox.ru

KRAVCHENKO E., Associate Professor of Management, University of Management «TISBI»

E-mail: kravch_elena@mail.ru

Abstract

The authors justify the necessity of changes in the function of one of the first non-state universities in Russia, as a response to the challenge of education market. The adoption of urgent measures for the adaptation of the university in the context of new trends in education will give the university opportunities to become a regional leader and together with business to solve more actively social problems. Striving to become the leader in taking changes, the university selects the entrepreneurial university model, the conditions for which were laid from the first moments of the university organization.

Key words: change, entrepreneurship, challenge, modernization, innovation.

THEORETIC AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF INNOVATIVE TRAINING IN THE MODERN EDUCATIONAL ORGANIZATION

NUGUMANOVA L., Dr. Ped. Sciences, PhD, associate professor, Rector of the University of Management «TISBI»

KAZANTSEVA L., Dr. Ped. Sciences, Professor of the Pedagogy Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: menedgment-kfu@mail.ru

Abstract

The article considers innovative theoretical and methodological principles that provide a fundamental, multidimensional modernization of the training process in a modern educational organization. The authors reveal trends in professional pedagogical and educational-cognitive activity on a fundamentally new theoretical and methodological basis.

Key words: synergetic approach, synergetic principle, system, the principle of complementarity, variability, nonlinearity, no equilibrium, openness, innovation, dialogue, subject – subject interaction.

THE SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»: 25 YEARS IN PUBLIC SERVICE

KRAVCHENKO E., candidate of technical Sciences, associate Professor,
the Management Chair, University of Management «TISBI»

E-mail: kravch_elena@mail.ru

KAMAEVA G., senior lecturer, the Management Chair, the University
of Management «TISBI»

E-mail: teach53@mail.ru

Abstract

In a review article, the authors share the practice of realization of the social function of the University of Management «TISBI». The events, grouped in five areas, in their essence, represent a system of social responsibility of the University to the society and the state, which develops taking into account contemporary realities in education and society.

Key words: social responsibility, social function, state, society, practice of realization.

THE EVOLUTION OF PRACTICE-ORIENTED VOCATIONAL EDUCATION IN A MODERN UNIVERSITY: STRATEGIES AND EXPERIENCE

BOBIENKO O., PhD, Associate Professor of the University of Management «TISBI»

E-mail: olesia-tisbi@rambler.ru

Abstract

The dominance of the university academic orientation, its detachment from reality, has a negative impact on the educational process, which is often formed as a completely self-sufficient, far from the practice, requiring no connection with the real problems of the surrounding society. The orientation of the university on the practical aspects of the regional labor market requires a qualitative transformation of all its components: objectives, content, forms and training methods. The article discusses the strategy for the development of practice-oriented vocational training in a modern university.

Key words: practice-oriented education, qualification requirements of employers, professional mobility, competencies, business incubator.

PECULIARITIES OF PSYCHIC STATES OF STUDENTS AND TEACHERS SUSCEPTIBLE TO ADDICTIONS

GRYAZNOV A., Doctor of Psychology, vice-rector on R&D, Professor of Pedagogy
Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: angkazan@rambler.ru

Abstract

The article describes the approaches used to analyze features of mental states of students and teachers of professional education institutions of different levels, who are susceptible to addictions. The author mentions the definition of mental state given by A.O. Prokhorov and gives his own definition of addiction, a tendency to addictive behaviour, reducing the level of addictive behavior. He states

that students with high and low susceptibility to addictions in general have more pronounced negative emotional and evaluative mental states. The author stresses peculiarities of emotional-evaluative mental states lie in the fact that a high tendency to alcohol dependence in students is expressed in the following dominant emotional and evaluative mental states: passivity, anxiety, low tone, emotional tension or decrease in emotional stability, anxiety, depression, low life satisfaction and their achievements, leaving in doubts and a negative image of yourself.

Key words: addictive personality, mental state, addictiveness, emotional state, estimated state, professional school.

THE SYSTEM OF CIVIC-PATRIOTIC UPBRINGING AT THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»: EXPERIENCE OF FORMATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

APPALONOVA N., PhD, Candidate of Economics, Associate Professor,
Vice-rector for educational work, the University of Management «TISBI»

E-mail: n.appalnova@mail.ru

Abstract

The article stresses the urgency of patriotic education of youth, forms the purpose and principles of patriotic education, discloses the basic directions of patriotic work with young people at the University of Management «TISBI», and describes the activities of the military-patriotic organization «Legion».

Key words: Patriotic education, educational work, «TISBI», military-patriotic organization, enlightened patriotism.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF DEVELOPMENT OF ODONTOPHOBIA AND WAYS OF ITS CORRECTION

GORYACHEV D., PhD, Kazan State Medical University, the Ministry
of Health of Russia

BADERTDINOV I., student, Kazan State Medical University, the Ministry
of Health of Russia

E-mail: ibragim.ksmu@ya.ru

GORYACHEV N., PhD, Associate Professor, Kazan State Medical University, the
Ministry of Health of Russia

Tel.: 8(917)269-21-06

Abstract

The article analyzes the causes of fear of dental manipulation. The main groups of causes of odontophobia, mechanisms of its development are identified. Methods for diagnosing the psycho-emotional state of patients are considered. Methods of combating odontophobia and ways to prevent it are described.

Key words: odontophobia, dental services, psychology in dentistry.

ECONOMICS

THE APPLICATION OF FUTURISTIC AND RATIONAL FORECASTS IN CONDITIONS OF CONSTANT CHANGES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A SOCIETY

VAKHITOV D., Doctor of Economic Science, Head of the Department of Economics, Russian State University of Justice, Kazan branch, Professor, Kazan Cooperative Institute
E-mail: vahitov1972@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the issues of the efficiency and realism of forecasts in conditions of external changes, as well as the turbulence of socio-economic relations. The author considered two types of forecasts – futurological, built on the opinion of experts and using a moral assessment of the problem in question, and rational, based on the results of previous studies with the mandatory application of the mathematical apparatus. In developing a comprehensive strategy for the development of society, a competent combination of elements of both types of forecasts is necessary.

Key words: Paris Convention, futurological forecasts, rational predictions, integrated strategy the society development.

THE PROBLEMS OF METHODOLOGY OF MODERN NATIONAL ECONOMIC SCIENCE

BLAGIKH I., Doctor of Economics, Professor, History of Economics and Economic Thought Chair, the Faculty of Economics, St. Petersburg State University
Tel.: +7(921)551-21-82
E-mail: ivan-blagikh@yandex.ru

Abstract

The article presents a brief overview of the main methodological trends that were and continue to be in the field of view of the methodology of modern national economic science. The author did not set out to cover all the problems of the methodological basis of the Russian school of economic thought in the short article. Some subjects discussed in the article served only as reference points to identify the author's vision of the prospects for the development of an independent understanding of goals and objectives of economic methodology and its role in economic theory.

Key words: scientific knowledge, methodology, methods of obtaining knowledge, positivism, political economy, Marxism, neoclassical school, pragmatism.

ON THE SCIENTIFIC CONSISTENCY OF «MODERN» DEFINITIONS OF THE ECONOMIC THEORY SUBJECT

BUDOVICH Ju., Doctor of Economics, Associate Professor, Economic Theory Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
Тел.: 8(985)763-68-45
E-mail: JBudovich@fa.ru

Abstract

The article reveals the author's approach to the formation of the concept of the economic theory as a subject, the concept of the subject of science presented in

modern Russian textbooks and textbooks on economic theory, the definitions of the subject of science, based on which it is formed. The author proves the inadequacy of these definitions, and justifies the need for an early reconstruction of the concept of the subject of economic theory research on the principles proposed by the author.

Key words: subject of economic theory, object of research, subject of research criteria of economics.

ARE THE DIALECTICS AND THE SYSTEM APPROACH METHODS OF ECONOMIC THEORY?

LEBEDEV K., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Economic Theory Chair, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
E-mail: KNLebedev@fa.ru

Abstract

The article reveals the organismic nature of such «basic» methods of economic and theoretical research as dialectics and the system approach. The author demonstrates the limited nature of their application in scientific and practical economic research, justifies the need for an early elimination of dialectics and a systematic approach from the economic theory and economic research in general, and the formation of «one's own» economic method of research.

Key words: dialectics, system approach, method of economic research, analogies with organisms, scientific induction, experiment, mathematical method, analysis.

INNOVATIONS IN THE INTERACTIVE SPACE: THEORY AND METHODOLOGY OF THE PROBLEM

VEDIN N., Doctor of Economics, Professor, Economic Theory Chair, A.N. Tupolev Technical University, KNITU-KAI
E-mail: nick_vedin@mail.ru

Abstract

The article presents a critical analysis of approaches and concepts of innovation processes, reveals the place of innovations in the real economy and modern theoretical systems. The basic principles of building a new economic paradigm and its parameters in comparison with the traditional theoretical system are formulated.

Key words: innovation, interaction, cooperation, exchange, competition, entrepreneurship.

SIMULATION MODELING IN FORECASTING SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

TSAREGORODTSEV E., BARKALOVA T., Mari State University, Yoshkar-Ola
E-mail: barkalova_tg@mail.ru

Abstract

The article considers various approaches to a simulation modeling, highlighting the weak and strong points of each of them, as well as the possibility of combining them to achieve better forecasting results.

The research is supported by the Russian Science Foundation grant № 16-18-10017 «Complex of programs for forecasting economic development of the region».

Key words: *simulation model, forecasting, system dynamics, agent modeling.*

FORECASTING INNOVATION OF THE MANAGEMENT OF THE ECONOMY OF RUSSIAN REGIONS

POSTALUK M., Doctor of Economics, Professor, Economic Theory and Innovation Chair, the University of Management «TISBI»

Tel.: +7(987)296-42-19

E-mail: mp.44@mail.ru

POSTALUK T., PhD, associate professor, Economic Theory and Innovation Chair, the University of Management «TISBI»

Tel.: +7(904)676-75-48

E-mail: p_taras@mail.ru

Abstract

The article deals with modern problems of social and economic development of Russia and its regions, with special attention to the innovative development of industry in the Russian regions. The authors investigate factors, sources and technologies of their sustainable growth; analyze the dynamics of indicators that characterize the place and role of the innovation component in these processes; note the innovation of management of the economy of the Russian regions as the prevailing law of their development. In this regard, the focus is on creating innovative industrial clusters in the regions, high-tech industries based on breakthrough technologies; the priorities and risks of forecasting the processes of innovation management of the economy of Russian regions are determined; the development of dynamic forecasts and simulation models for the development of sectoral clusters is being carried out.

Key words: *forecasting, innovation, management, regional economy, industry, clusters, risks, modeling.*

ISLAMIC PRIVATE EQUITY FUNDS: CONCEPT DEFINITIONS, RETROSPECTIVE ANALYSIS OF FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

AYUPOV A., Dr. in Economics, Professor, Chair of Banking, Kazan Federal University

E-mail: Ajdar.Ajupov@kpfu.ru

Abstract

Conditioned upon the growing interest of Muslims and citizens, interested in Islamic economics and finance, which became obvious in the last few years, there is a need to study the practice of applying financing and investment activities in Islamic finance. The article analyzes the world experience in the development of the Islamic private equity funds market taking Malaysia, Pakistan, Saudi Arabia, Bahrain, Kuwait, the United States and Canada as an example, and discloses the nature, history and development projections of Islamic Private Equity Funds (PEF).

Key words: *Islamic economy, Islamic finance, Islamic private equity funds, history of Islamic private equity funds, equity financing.*

THE WAYS OF IMPROVING THE STRUCTURE OF THE MUNICIPALITY FOR SUSTAINABLE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

SAKHBIEVA A., Associate professor, Economic Faculty, the University of Management «TISBI»

E-mail: aminasmile@mail.ru

FILIMONOVA O., a student, the University of Management «TISBI»

E-mail: filimonova-o.i@mail.ru

Abstract

In the modern economy of Russia the whole complex of factors increase the role of municipal finance. The majority of Russian municipalities suffer from the shortage of financial means, narrowing of the budgetary financing of economic and social programs, high level of debt of local budgets. Such situation even more complicated problems of financial base formation of local government and use of financial instruments of management of social and economic development of territories. In this connection the formation, distribution and use of financial resources of municipal economy play an extremely important role for the realization of tasks of local government to improve living standards of population.

Key words: *local budget, income of the budget, budget expenses, municipality, social and economic development, the Republic of Tatarstan.*

IT SYSTEMS OF CARGO TRANSPORTATION

SAFIN V., a student, the University of Management «TISBI»

E-mail: vadimkp220@mail.ru

SMOLENTSEVA L., PhD, associate professor, the University of Management «TISBI»

E-mail: la109@yandex.ru

Abstract

The article deals with the development of modern information technologies in the field of transportation. The article discusses specific software tools to automate planning and tracking the movement of cargo over long distances.

Key words: *Information systems, information, software, cargo transportation.*

THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE MARKETING LOALTY PROGRAMS IN A DENTIST CLINIC

GORYACHEV D., Cand. Med. Sciences, Kazan state medical University

VARLAMOV S., a student, Kazan state medical University

E-mail: over-water@mail.ru

GORYACHEV N., Cand. Med. Sciences, Kazan state medical University

Abstract

The importance of implementing marketing and loyalty programs in the dental clinic and their roles in improving the efficiency of the dental business. It is proven that a loyalty program is a marketing tool that is aimed at optimizing the relationship of the clinic with patients.

Key words: *loyalty program, patient, clinic, service, marketing.*

LAW

THE WITHDRAWAL FROM THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT: RUSSIAN AND SOUTH AFRICAN EXPERIENCE

MEZYAEV A., Doctor of Law, Professor, the University of Management «TISBI»

E-mail: jentleyl@uj.ac.za

LENONG YENTLI, Professor of Law at the University of Johannesburg (South Africa)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the decisions, taken by the governments of the Russian Federation and the Republic of South Africa (SA), to end legal relations, established by the Rome Statute of the International Criminal Court in 1998, in the form of declaring the decision not to become a party to the treaty and to withdraw from the treaty, respectively. In connection with the fact that the decision of the Government of the Russian Federation does not contain an indication of the motives of the decision taken, the article attempts to identify such motives from the general practice of the International Criminal Court (ICC), as well as those decisions of the ICC that directly affect the national interests of Russia. In analyzing the decision of the Government of South Africa, the focus is on the right of States to withdraw from the treaty in accordance with customary law and the provisions of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. It is shown that criticism of the decision of the government of South Africa to withdraw from the international treaty does not take into account the political context in which this decision was adopted, and also belittles the sovereign right of states, enshrined in the existing international law for free participation and free exit from universal international agreements. In general, it is concluded that both decisions have been taken in full compliance with the norms of international law and in order to assure the national interests of both the Russian Federation and the Republic of South Africa.

Key words: international law, international public law, International Criminal Court, law of international treaties, withdrawal from the international treaty, national interests of States and international law, the principle of complementarity.

THE PARADIGM OF CONSTITUTIONALISM IN THE EVOLUTION OF RUSSIAN STATEHOOD

STEPANENKO R., Doctor of Law, Professor, Head of the Theory and History of State and Law Chair, the University of Management «TISBI»

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Abstract

In the article the processes of the evolution of Russian statehood in the context of realization of the paradigm of constitutionalism are investigated. The main attention is paid to the problems of legal understanding, the construction of a law-governed state and power authorities, whose goal should be to achieve coordinated coexistence of all subjects of legal relations – the state, the society, the personality.

Key words: paradigm of constitutionalism, legal understanding, principles of law, state, society, personality.

THE ENFORCEMENT OF SOCIO-ECONOMIC RIGHTS OF CITIZENS: THE ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

SOLDATOVA A., PhD in Law, assistant professor, the University of Management «TISBI»

E-mail: soldatovaalena@yandex.ru

Abstract

The author considers the problems of the process of implementation of socio-economic rights of citizens in the modern Russia, based on the analysis of certain provisions of the Constitution of the Russian Federation and the current legislation. The conclusion about the necessity of a well-functioning legal policy in the social sphere, improvement of the existing social legislation, the adoption of targeted social programs is done.

Key words: socio-economic rights, realization of right, social sphere, the Constitution of the Russian Federation.

THE SOCIAL FUNCTION OF THE STATE IN THE LAW-ENFORCEMENT POLICY

LYAGIN K., the University of Management «TISBI»

E-mail: lyagin.kirill@yandex.ru

Abstract

The article deals with the issues of improving the law enforcement policy in the social state, its moral grounds, as well as the constitutionally fixed social rights and freedoms of the individual and the citizen enshrined in the basic law of the Russian Federation.

Key words: Social state, morality, law, law enforcement policy.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA: THE RETROSPECTIVE ANALYSIS

SOLDATOV Ya., PhD in History, assistant professor, the University of Management «TISBI»

E-mail: yacovsoldatov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of formation and evolution of the foundations of a local self-government system in Russia. The advantages and disadvantages of the domestic system of local governments at different stages of its development are analyzed.

Key words: local self-government, zemstvo, local government, Councils.

THE LEGAL CULTURE OF RUSSIA IN THE PERIOD OF PETER I: HISTORICAL ASPECTS

YUN L., senior lecturer, the University of Management «TISBI»

E-mail: yun.lara@yandex.ru

Abstract

The article deals with the features of functioning of legal culture during the reign of Peter the Great. The author pays special attention to causality and factors

affecting the quality and condition of legal consciousness and legal culture during the period under review.

Key words: *legal consciousness, legal culture, legal education, legal reforms, development of legislation.*

MEMORIES, CONGRATULATIONS, LETTERS

THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI» IS OUR COMMON HOME

YAKUBOVA L., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the University of Management «TISBI»*

THE HISTORY OF SUCCESS OF THE PERSONNEL OF THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»

KOLESNIKOVA R., *a senior lecturer, Finance and Credit Chair,
the University of Management «TISBI»*

CONGRATULATIONS TO THE UNIVERSITY OF MANAGEMENT «TISBI»

MAMAEVA A., *IT Chair, Deputy Dean of the IT faculty, a 2016 graduate, majoring in
Business Informatics*

УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике научно-информационного журнала «Вестник «ТИСБИ».

2. Основные требования к содержанию авторских материалов (научная статья, обзор, рецензия на монографию, учебник, рецензия на научную статью).

Научная (практическая) статья. Во вводной части должны быть обоснованы актуальность и целесообразность разработки темы (научной проблемы или задачи). В основной части статьи путем анализа и синтеза информации необходимо раскрыть исследуемые проблемы, пути их решения, обоснования возможных результатов, их достоверность. В заключительной части – подвести итог, сформулировать выводы, рекомендации, указать возможные направления дальнейших исследований.

Обзор (обзорная статья). В обзоре должны быть проанализированы, сопоставлены и выявлены наиболее важные и перспективные направления развития науки (практики), ее отдельных видов деятельности, явлений, событий и пр. Материал должен носить проблемный характер, демонстрировать противоречивые взгляды на развитие научных (практических) знаний, содержать выводы, обобщения, сводные данные.

Рецензия на монографию, учебник – анализ, критический разбор, оценка научного произведения (кроме диссертационных исследований) в жанре газетно-журнальной публицистики. Заглавие рецензии допускается заменять библиографическим описанием рецензируемого произведения. Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ 7.1–2003.

Рецензия на научную статью – отзыв на научную работу перед ее публикацией. Рецензия, которая направляется в научно-информационный журнал «Вестник «ТИСБИ» почтой, электронной почтой (в сканированном виде), по факсу или лично, должна раскрывать актуальность, значимость, научно-теоретическую методологическую и практическую ценность статьи, содержать оценку, характеристику работы, выводы.

2.1. Оформление авторских материалов

В редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» следует направлять авторские материалы, включающие следующие элементы: индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), заглавие публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, текст публикуемого материала, список литературы.

Заглавие публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова и список литературы для публикации в научно-ин-

формационном журнале «Вестник «ТИСБИ» необходимо представлять в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» на русском и английском языках.

Материалы, направляемые в издание, должны иметь рецензию доктора или кандидата наук (для аспиранта и соискателя ученой степени – кандидата экономических наук, для докторанта и соискателя ученой степени доктора наук – доктора наук) согласно положению о рецензировании.

Объем авторского оригинала не должен превышать 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков с пробелами), или 10 машинописных (компьютерных) страниц формата А4, напечатанных через 1,5 интервала; шрифт Times New Roman размером (кеглем) – 14.

Примечание. При последующей публикации материалов в других изданиях автор обязан сделать ссылку на первичную публикацию в Научно-информационном журнале «Вестник «ТИСБИ» (название журнала, номер, год).

2.1.1. Заглавие должно быть кратким и отражать суть тематического содержания материала. После заглавия необходимо указать сведения об авторах, составителях и других лицах, которые участвовали в работе над рукописью.

2.1.2. Сведения об авторах включают следующие элементы:

- инициалы и фамилию автора;
- ученую степень, ученое звание;
- должность или профессию;
- место работы, учебы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), включая подразделение (кафедра, факультет);
- контактную информацию (E-mail или другую контактную информацию для указания в журнале и на сайте издательства);
- наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже. В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

2.1.3. Аннотацию оформляют согласно ГОСТ 7.9-95, ГОСТ Р 7.0.4-2006, ГОСТ 7.5-98 объемом не более 500 печатных знаков. Ее помещают после сведений об авторах рукописи.

2.1.4. Ключевые слова выбирают из текста материала (кроме передовых статей, докладов, тезисов докладов, научных сообщений, писем в редакцию) и помещают отдельной строкой после аннотации перед текстом публикуемой рукописи. Ключевые слова приводятся в именительном падеже.

2.1.5. Список литературы. Библиографическая часть аппарата статьи должна быть представлена библиографическими ссылками (ГОСТ 7.05-2008) и библиографическими списками в конце материала

(раздел «Список литературы»). При этом автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники. Иностранное написание слов приводится в скобках, кроме ссылок на литературу.

3. Материалы направляются по e-mail (электронной почте) esabirzyanova@tisbi.ru в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» техническому секретарю журнала Сабирзяновой Эльмире Мансуровне .

4. Статьи, направленные в редакцию журнала УВО «Университет управления «ТИСБИ» без выполнения требований настоящих условий публикации, не рассматриваются.

5. В случае отклонения статьи научно-исследовательская часть УВО «Университет управления «ТИСБИ» направляет автору мотивированный отказ.

Примечание. По всем вопросам публикации и работы редакции журнала обращаться к главному редактору, доктору экономических наук, профессору УВО «Университет управления «ТИСБИ» Посталюку Михаилу Петровичу (e-mail: mp.44@mail.ru; сот. тел.: 8(987)296-42-19), заместителю главного редактора, доктору экономических наук, профессору кафедры экономической методологии и истории Казанского (Приволжского) федерального университета Николаеву Михаилу Викторовичу (e-mail: mnikolae@yandex.ru; сот. тел.: 8(903)307-96-56) и техническому секретарю журнала Сабирзяновой Эльмире Мансуровне (e-mail: esabirzyanova@tisbi.ru; сот. тел.: 8(917)237-16-95).

Приглашаем всех к сотрудничеству!

Подписано в печать 14.09.17 Печать ризографическая
Формат бумаги 70x100/16 Гарнитура Arial Усл.-п.л. 19,7
Тираж 100 экз. Заказ № 127

Цена свободная

Издательский центр Университета управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштары, 13